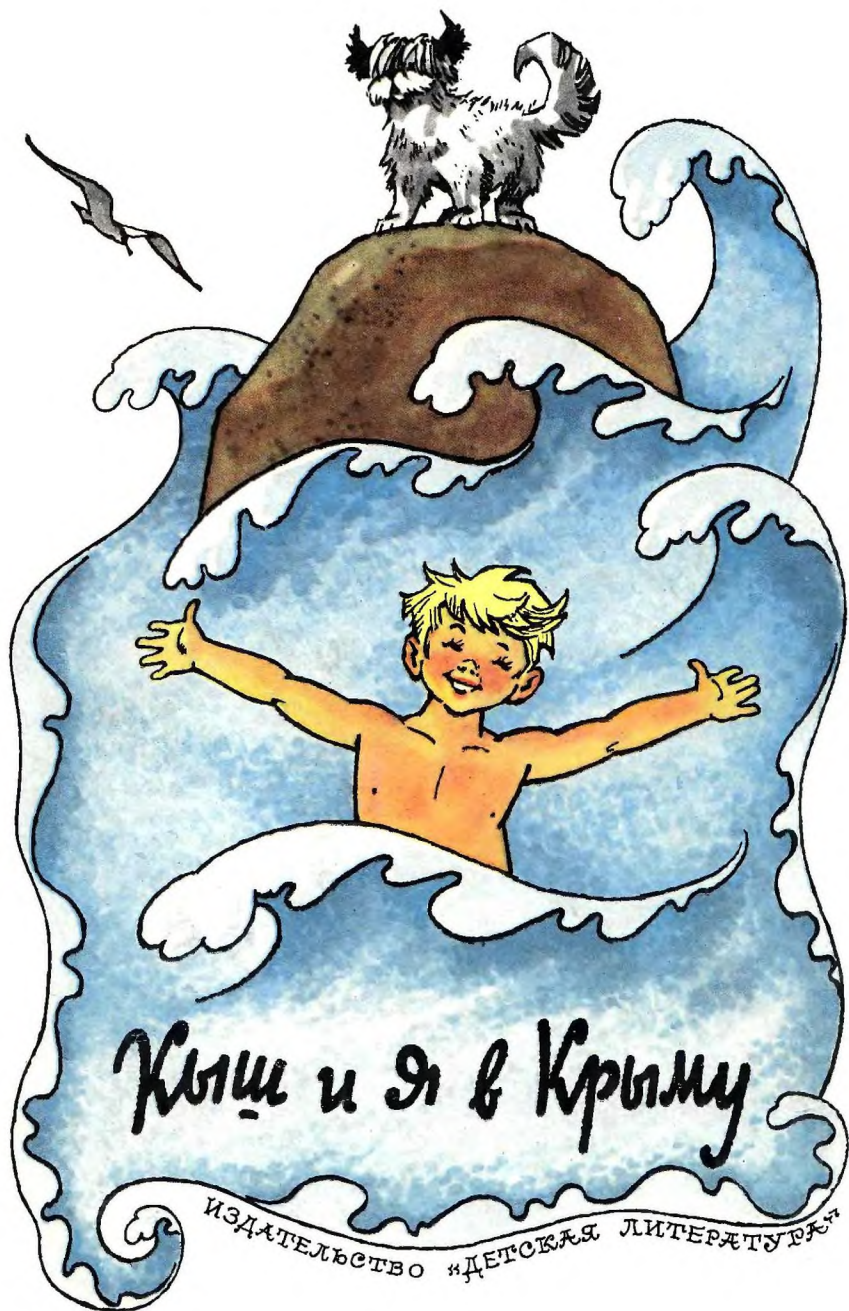

ЮЗ · АЛЕШКОВСКИЙ

Юзи и я в Крыму

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЮЗ. АЛЕШКОВСКИЙ

КЫШ и Я в КРЫМУ

Повесть о новых приключениях
Алёши Сероглазова
и его верного друга Кыша

РИСУНКИ Г. ВАЛЬКА

Москва
«Детская литература»

1975

Дорогие ребята!

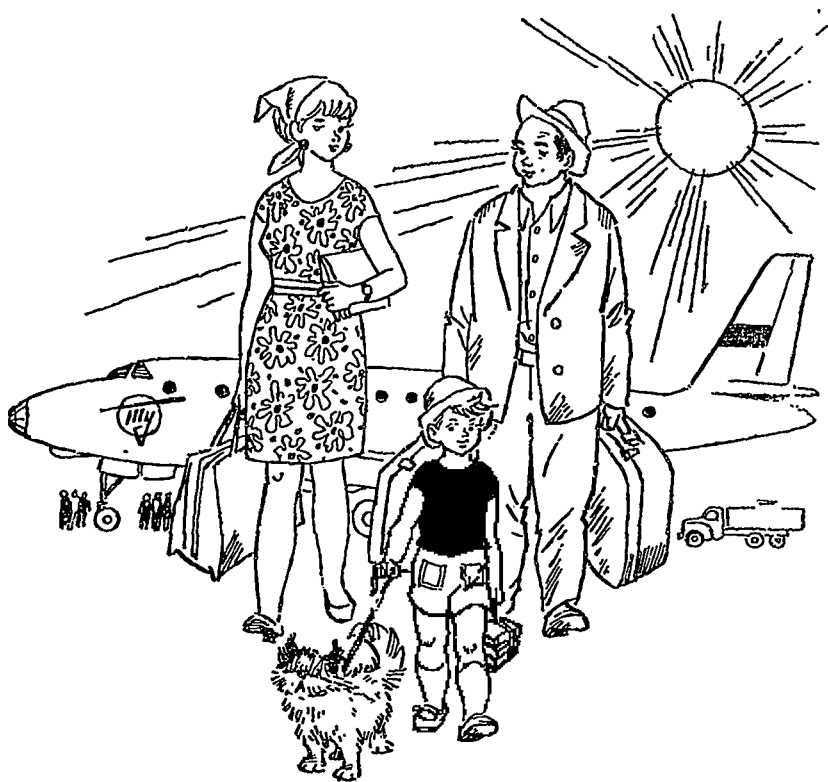
Для меня и, наверно, для многих из вас герои этой книги — Алёша Сероглазов и его друг, славный и умный пёс Кыш — старые знакомые. Вы их узнали, прочитав мою повесть «Кыш, Два портфеля и целая неделя». В новой повести мы встретимся с Алёшей и Кышем в Крыму. И, конечно же, переживём вместе с ними много весёлых, а иногда и опасных приключений. Ведь Алёша, Кыш и их новые друзья — крымские мальчишки и девчонки — пойдут по следу «дикарей», которые ранили в горах оленёнка, устроили лесной пожар и чуть-чуть не погубили золотую рыбку.

В общем, наши герои будут бороться за то, чтобы люди относились с любовью и уважением к природе, к зверью, к рыбам, к птицам и к прекрасным творениям, созданным самим человеком.

Я очень хочу, чтобы вы полюбили героев этой книги и во многом стали им подражать.

Автор

*Отзывы об этой книге просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

1

О том, что мы едем в Крым, я узнал всего за два дня до отъезда.

Мы с Кышем сидели на балконе, и я вдруг увидел своего папу. Он подошёл к дерущимся мальчишкам и что-то сказал им. Мальчишки неохотно подали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

— Что ты им такого сказал? — спросил я папу, когда он пришёл домой.

— Я им сказал: «Дети! Я с сегодняшнего дня в

отпуске. Я ждал этот день целый год. Пожалуйста, не омрачайте его. Дайте же друг другу руки! Поверьте мне: жизнь прекрасна!»

— Но ты же ещё вчера не знал про отпуск! — сказал я.

— Да. Тебе известно, что я люблю неожиданности? Так вот, сегодня утром мне вручают в местном путёвку и говорят: «Дорогой Сероглазов! Посмотри на себя! На тебе же лица нет. Ты нервный и просто обуглился на работе. Мы не можем допустить, чтобы наш ведущий конструктор таял не по дням, а по часовому графику. Поезжай в Крым!»

Я ещё не успел всё сообразить как следует, а папа уже говорил маме по телефону:

— Ирина, я не шучу... Послезавтра мне необходимо быть в Крыму... Именно с женой и с ребёнком. Ты же говорила, что можешь уйти в отпуск в любую секунду? Говорила. Вот и уходи. Выключи свою электронную машину и уходи. Машине тоже нужно отдохнуть, а то у неё шарики начнут барахлить... Быстрее пиши заявление. Мы с Алёшей упаковали первый чемодан. Как, как? Вопрос о поездке собаки мы обсудим не по телефону. Пока... Да! Жить будете в доме у тёщи моего сослуживца. Я договорился...

— Без Кыша пикуда не поеду, — сказал я. — Мне не нужен никакой Крым!

— Ты погоди занимать твёрдую позицию. Вот придёт мама, мы сядем за наш круглый стол и начнём переговоры на самом высоком уровне.

— А ты за кого будешь? — спросил я.

— Я буду за разумное решение проблемы, — сказал папа.

— Тут только одно решение: взять Кыппа с собой! И всё! Даже переговаривать не желаю!

— Давай до начала переговоров не заводить их в тупик. Идёт?

— Попробуем, — сказал я, решив ни за что не

сдаваться. Потому что я просто представить не мог, как это я уеду в Крым без Кыша.

Я присел около Кыша, приподнял его длинное мохнатое ухо и шепнул:

— Не бойся! Я тебя не предаю. А если начнут спрашивать, как ты будешь себя вести, отвечай, что хорошо, обещаний надавай и, главное, посылней виляй хвостом. Понял?

Кыш ничего не ответил и только глубоко вздохнул...

2

До прихода мамы я помогал папе укладывать чемодан. Он сложил в него свои майки, трусики, рубашки, кеды, джинсы и тоненькую книжку, которая называлась «Угрожает ли Солнечной системе тепловая смерть?»

Я, конечно, сразу заинтересовался, что такое тепловая смерть и вправду ли она нам угрожает? Папа сказал, что угрожает, хотя до этого ещё очень далеко, миллионы лет, но если люди вроде меня будут получать по арифметике тройки, а иногда и двойки, то тепловая смерть Солнечной системы наступит гораздо раньше, чем ожидалось. Ещё папа сказал, что если люди вроде меня подтянутся по всем предметам, то через тысячу лет они запустят в небо искусственное солнце, а может быть, даже не одно, а целых три штуки. И тогда в Москве круглый год будет тепло, как в Крыму.

— А пока что,—добавил папа,—позаботься о том, чтобы не получить у моря солнечный или тепловой удар. Найди свою панамку и сделай из доски, которая лежит на балконе, четыре стойки. Ты будешь с мамой на пляже натягивать на них простыню и спасаться от солнца.

— А ты разве не будешь с нами лежать на пляже? — спросил я.

— У дома отдыха свой пляж. Туда не пускают посторонних. Даже детей и жён.

— Почему?

— Потому что таковы тамошние правила. Между прочим,— сказал папа,— я позволю своему однокласснику Мише Фингеру, он работает в зоопарке, и спрошу, не вредна ли Кышу поездка в Крым, к морю.

— Понимаю, к чему ты клонишь,— сказал я.

— Будь уверен: я тебе не солгу. Что скажет Миша, то и передам. Но как быть, если врачи категорически запретят Кышу ехать?

Папа ещё не раз до прихода мамы и переговоров за нашим круглым столом пробовал обрабатывать меня разумными доводами насчёт Кыша, но я не сдавался, потому что не видел в этих доводах ничего разумного.

— Ты сам,— сказал я,— говоришь, что лучше умереть, чем предать лучшего друга. И я никогда не предам Кыша!

3

Наконец, весёлая и радостная, вернулась с работы мама. Ей тоже подписали заявление об отпуске и завтра должны были выдать отпускные деньги. Папа показал маме путёвку на красивой бумаге и сказал:

— А вам придётся с Алёшей быть дикарями.— Мне показалось, что мама немного обиделась после этих слов, но папа добавил: — Не думайте, что я так уж жажду в дом отдыха. Я с удовольствием не разлучался бы с вами.

— Ты ведь мог отказаться от путёвки,— заметила мама.

— Это было просто невозможно. Местком сказал мне: «Сероглазов, ты у нас самый первый и справедливейший человек. Отдыхай!» Как тут откажешься?

Мы уже кончили ужинать, по я нарочно не вмешивался в разговор. Я терпеливо ждал начала переговоров о Кыше... Мама начала издалека. Она сказала, что недолгая разлука только укрепляет чувства друзей.

— Не люблю людей, которые нарочно разлучаются для проверки всяких чувств,— заметил я спокойно.

— Он прав,— сказал папа и как-то странно посмотрел на маму.

Тогда мама без долгих слов призналась, что она очень любит Кыша. Но что я себе не представляю всех трудностей, связанных с питанием и проживанием собаки на курортах Крыма.

Мама обрисовала мне тысячу разных трудностей. И переезд, и жару, и солёную морскую воду, и набитые битком автобусы, и невозможность пойти с Кышем в кино и на концерты, и скандалы на пляже из-за того, что пляж не для собак, а для людей, и ещё много чего другого.

— Это будет не отдых, а пытка! — под конец своей речи сказала мама.

Кыш после её слов, еле слышно застонав, вылез из-под круглого стола и с опущенным хвостом печально поплёлся в другую комнату.

— Так. У одного из участников переговоров не выдержали нервы,— сказал папа.

— А ты, я вижу, дипломат! — вспыхнула мама.

— Совершенно верно,— согласился папа.

— Тогда тебе незачем лечить нервы. У дипломатов они крепки, как канаты,— сказала мама.

— Просто мы, дипломаты, умеем себя держать в руках, как бы ни пошаливали нервишки,— объяснил папа.

— Повторяю: я хочу отдохнуть. Вы можете это понять? — спросила мама.— Или вы бесчувственные эгоисты?

— А что значит отдохнуть? — сказал я.

— Это значит: спокойно купаться, загорать, читать, ходить на экскурсии и в кино.

— Выходит, Кыш тебе помешает? — спросил я.

— Не знаю. Ведь мы ни разу не отдыхали вместе.

— Вот и давай попробуем, — предложил я. — Знаешь, какие условия я тебе создам? Ты не будешь беспокоиться ни о чём! А я буду ходить в магазины и на базар. Буду стирать сам свои носки и трусы и, уж конечно, кормить Кыша. И тебе не придётся волноваться из-за меня, как в Москве! Вот увидишь!

— Ты обещаешь без спроса не лазить в море? — спросила мама, начиная сдаваться.

— Слово! — сказал я.

— Ты обещаешь не получить солнечный удар?

— Слово!

— Ты обещаешь не тянуть в рот грязные фрукты?

— Слово!

— Ты обещаешь никуда от меня не убежать и не теряться?

— Слово! — заверил я.

— Хорошо. Ваша взяла, — сказала мама. — Завтра же возьмите справку о состоянии здоровья Кыша. Без неё ему не дадут билет на самолёт.

Я встал на стул, поцеловал маму и сказал:

— Не бойся. Всё будет хорошо. Ты отдохнёшь, как никогда.

— Посмотрим... посмотрим, — ответила мама.

4

Время до нашего отлёта тянулось долго-долго. Ещё дольше, чем последний день четвёртой четверти. И только на трапе, когда папа показывал красивой девушке наши билеты на самолёт, я вдруг почувствовал, что это — правда! Ещё совсем немного, заревут реактивные моторы, и мы полетим в Крым!

Моё место в самолёте было у круглого окошеч-

ка — иллюминатора. Кыш сидел у меня на руках и вёл себя спокойно. Только когда самолёт разогнался, он уткнул морду мне под мышку, как будто не хотел ничего ни видеть, ни слышать.

Я его гладил, успокаивал и говорил, что собаки теперь бывают в космосе, а там пострашней, чем в реактивном «ТУ-104», летящем совсем не высоко над землёй. И из-за того, что я всё время беспокоился о Кыше, я сам ни разу не струсил...

...Потом красивая девушка принесла нам минеральную воду и конфетки, которые едят в небе, и опять велела всем пассажирам застегнуть ремни. Папа научил меня при снижении часто щёлкать зубами, чтобы не заложило уши, а Кышу выдал кость с хрящиками, так как конфету грызть он не пожелал.

Рёв моторов сделался немного тише, у меня всё оборвалось внутри, когда самолёт провалился на секунду в яму, а в ушах как-то зашипело и стало покалывать тысячью иголочек.

— Кыш,— сказал я,— мы идём на посадку! — И не услышал собственного голоса.

Я испугался, по совету папы защёлкал зубами, в ушах у меня вдруг выстрелило, и я услышал, как папин сосед громко жалуется красивой девушке, нашей бортпроводнице:

— Возмутительно! Я молчал, когда собака дёргла мой зонтик! А теперь в самолёте создана ужасная атмосфера: глодают кость, щёлкают зубами! В конце концов, мы не в купе поезда. Мы в полёте. Здесь нервы напряжены до предела!

— Извините, но я не могу запретить собаке глодать кость, а мальчику щёлкать зубами. Пожалуйста, договоритесь между собой сами,— с улыбкой сказала девушка.

Как только мы сошли с трапа, Кыш прямо заскулил от радости и даже лизнул бетонную дорожку аэропорта. Он был счастлив, что вернулся с неба на землю.

Мы получили наши чемоданы и встали в очередь на такси.

Кыш лежал в тенёчке за чьим-то чёрным чемоданом, часто дышал, свесив язык пабок, и то и дело с упрёком поглядывал на солнце. Ведь оно пекло действительно почище, чем в Москве.

А я рассматривал красивые разноцветные наклейки на чьём-то чёрном чемодане и спрашивал у мамы, что на них написано нерусскими буквами.

Это были названия разных городов и гостиниц.

Вдруг к очереди подъехал голубой микроавтобус «Рафик». Из него высунулся человек со шрамом на щеке, которого я видел в самолёте, и спросил:

— Товарищи! Если среди вас есть с путёвками в «Кипарис», милости прошу, довезём.

— Я в «Кипарис»! — сказал папа. — Но у меня семья и собака.

— Садитесь. В «Рафике» места хватит всем, — сказал человек со шрамом.

— Простите, и я в «Кипарис», — обратился к нему хозяин чемодана с разноцветными наклейками. — Мне тоже можно?

— Конечно. Садитесь.

Потом, наверно решив не стесняться, из очереди вышли ещё два человека: небритый высокий парень с рюкзаком за плечами и папин сосед, ворчавший на нас с Кышем. Он спросил:

— Эта машина прислана за нами из дома отдыха, или вы везёте нас частным образом?

— Частным образом, — ответил человек со шрамом.

Сначала мы ехали по шоссе, потом проехали по городским улицам, потом снова выехали за город и мимо зелёных яблоневых садов, мимо голубых и розовых домиков взяли курс к морю.

Обернувшись к нам, человек со шрамом сказал:

— Давайте знакомиться. Василий Васильевич Васильев.

— Меня зовут Алёша.

— Ирина Дмитриевна, — представилась мама.

— Митя, — сказал папа.

— Фёдор Ёшкин, — сказал небритый парень.

— Милованов, — сказал хозяин большого чемодана с наклейками.

— Торий Иванович Грачёв, — неохотно, но важно объявил папин сосед.

— Не считите за подковырку, — спросил Милованов, — почему вы Торий?

— Мои родители — химики, — сухо объяснил Грачёв, — и в знак уважения к Периодической таблице элементов выбрали мне имя по ней.

— Значит, вы вполне могли бы стать Азотом или Алюминием? — пошутила мама.

Грачёв ничего не ответил.

5

Мы с Кышем смотрели в окно на огромные зелёные волны гор по обеим сторонам шоссе.

Неожиданно шофёр затормозил, съехал на обочину, а Василий Васильевич вышел из машины, подошёл к серому камню с красной наискосок полосой, постоял около него, наверно, целую минуту, и мы снова поехали.

— Что это за камень, у которого он стоял? — спросил я у мамы.

— Памятник крымским партизанам, — сказала мама.

Всю дорогу Василий Васильевич больше ни с кем не разговаривал. Остальные беседовали о всякой всячине и спорили, а я ждал, когда покажется море.

С высоты оно было совсем не таким, каким я его себе представлял. Просто далеко под нами до горизонта тянулась голубая, в белой туманной дымке пустыня. И на ней нельзя было заметить барашков волн, а над ними кричащих чаек. Когда мы подъезжали к Гурзуфу, папа показал мне гору Аю-Даг, похожую на медведя, пьющего воду, и объяснил, что у подножия этой горы находится «Артек» — самый лучший в мире пионерский лагерь.

Мы проезжали через Гурзуф.

Федя Ёшкин всё время высовывал голову из окошка и повторял:

— Ну сила!.. Ну красотища!..

Милованов вдруг попросил шофёра остановиться около каменного дома. Выйдя из машины, он, сложив руки на груди, посмотрел вдаль.

Посмотрев вдаль, он снова сел в машину, и мы поехали дальше.

Кыша, наверно, укачало. Он дремал у меня на коленях. Мне было страшней, чем в самолёте, особенно на поворотах, и я один раз ахнул, а шофёр сказал:

— Это ерунда. На старой дороге виражи покруче.

Потом я тоже задремал, проспал Ялту и проснулся, когда машина вдруг остановилась. А остановили её двое мальчишек и одна девчонка. Она сказала, когда Василий Васильевич открыл дверцу:

— Здравствуйте! Мы пионерский патруль. А вы приезжие?

— Да. Кроме водителя,— ответил Василий Васильевич.

— Добро пожаловать в Крым! — сказала девчонка.— Очень просим вас не жечь в лесу костры, не вырезать своих имён на стволах деревьев, не сорить в парках и на пляжах, любить и уважать домашних животных. Извините! Всего хорошего.

— Счастливо отдыхать! — сказал один из мальчишек. На груди у него был настоящий бинокль, и в руке он вертел настоящий свисток.

Я подумал, что это интересное дело — останавливать машины, ловить поджигателей лесов, смотреть в бинокль с такой верхотуры на море, и попросил ребят:

— Примите нас к себе в патруль. Мы с Кышем умеем разоблачать и ловить преступников!

— Ловить! Ха-ха-ха!

— Разоблачать! Ха-ха-ха!

— Сыщики! Ха-ха-ха!

Все трое покатывались от хохота, показывая на меня пальцами, пока Кыш не зарычал и не залаял. Шофёр в это время проверил уровень масла в моторе.

— Скучно тебе здесь не будет. На пляжах полно ребят. Найдёшь друзей, не волнуйся,— сказала мама.

И мы поехали дальше...

— Алушка! — вдруг сказал папа.— Я не был

здесь десять лет! Вон дворец... парк... кино... Хаос...

Сверху да ещё на ходу я не смог различить ни дворца, ни парка и не заметил никакого хаоса. Наоборот, везде, куда ни помотришь, был виден порядок и везде гуляли люди. И чувствовалось, что они не спешат на работу, никуда не опаздывают, а просто отдыхают.

Наша машина остановилась около каменных ворот, прямо у белокаменного льва. Я вылез, подошёл к нему, погладил по гриве и прочитал на лапе, на которую лев положил свою громадную голову, корявые буквы: «Нет в жизни счастья. Вася».

Потом я подошёл к машине и услышал, как Торрий говорил Василию Васильевичу:

— Благодарю. Сколько я должен за проезд?

— Вы ничего не должны. Спрячьте, пожалуйста, деньги,— ответил тот и сказал папе, маме, Милованову, Феде, мне и Кышу:— Вы тоже не беспокойтесь... Иван Иванович! Пожалуйста, добросьте Ирипу Дмитриевну, парня и пса до их дома. Ведь вы будете жить не в «Кипарисе»?

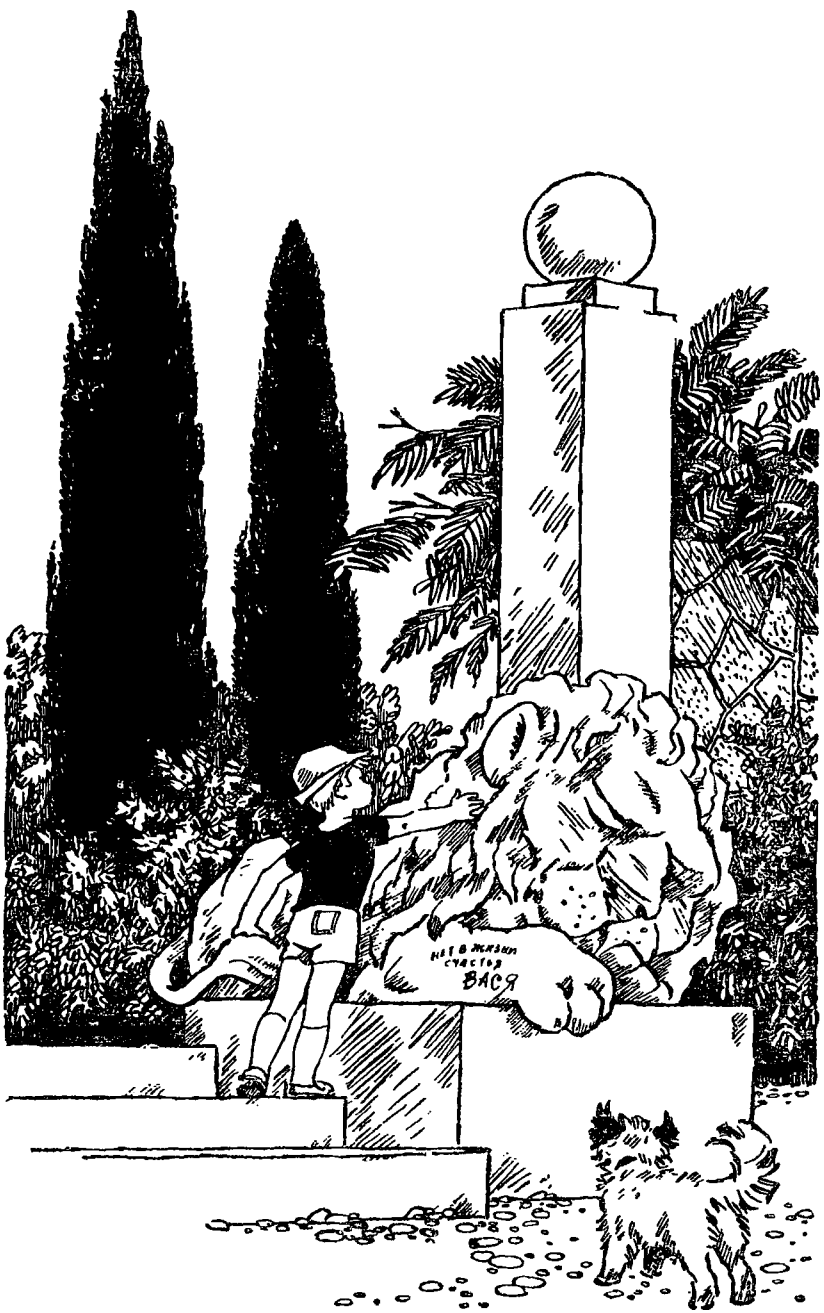
— Нет, нет. Они на частной квартире,— ответил за маму папа.— В доме Ершовой. Высокая улица, дом 7.

Мне показалось, что, услышав фамилию тётки папиного сослуживца, Василий Васильевич что-то хотел спросить, но потом передумал и сказал папе:

— Вы проводите своих, а мы донесём ваш чемодан до корпуса.

«Рафик» немного проехал в гору, потом свернул направо и остановился у дома № 7 по Высокой улице.

Вообще-то самого дома с улицы не было видно. Белый квадратик с семёркой висел над калиткой в сложённой из неотёсанных камней ограде. Она была высокой, по ней, как питон, вилась виноградная лоза, а на самом верху росли какие-то колючие кусты.

— Здесь мы будем жить,— сказал я Кышу.— Вести себя надо как следует. Понял? Тут хорошо играть в крепость.

Кыш кивнул. Последнее время он совсем повзрослел и стал разговаривать только в крайних случаях. А может быть, он устал с дороги.

Мы попрощались с шофёром, и папа всё-таки напоследок спросил у него:

— Наш попутчик, очевидно, важная шишка, если за ним прислали машину?

— Это уж вы, пожалуйста, у него у самого спросите,— как-то таинственно ответил шофёр и уехал.

Мама открыла калитку, мы взяли свои вещи и по каменным ступенькам поднялись во дворик.

— Какая прелесть! — тихо сказала мама.

В глубине дворика стоял небольшой белый дом. К нему вела выложенная из того же самого камня, что и ограда и ступеньки, дорожка. И по обеим сторонам дорожки росли разноцветные розы. А за ними был сад и огород.

Кыш вдруг молча и быстро пронёсся по огороду, загнал кошку, не успевшую даже мяукнуть, на дерево и только тогда залился лаем. Это он повторял свою клятву преследовать кошек до конца своих дней всегда и везде.

— Кыш! Фу! — крикнул я Кышу.— Фу!

— Если сейчас нам откажут от дома,— тихо сказал мне папа,— то Кыш отправится в Москву с первым же самолётом. Ты понял?

Я ничего не успел ответить. Дверь дома открылась, и на крылечко вышла хозяйка. Она сначала посмотрела на свою кошку, потом на Кыша, потом подошла к нам, вытерла руки о передник, улыбнулась и сказала:

— Добрый день! Милости прошу. Вы Сероглазвы?

— Да! Это мы! — обрадовался папа. — Дмитрий, Ирина, Алёша и Кыш.

— А я Анфиса Николаевна. Пройдёмте в дом.

Поставив чемоданы в нашей комнате, папа заспешил в дом отдыха.

— Прекрасная комната! Прохладная, светлая! Здесь будет хорошо, — сказал он и ушёл.

Кыш сразу обнюхал комнату и, конечно, остался недоволен, потому что вся она пропахла кошкой. Даже на колючке алоэ белел клок кошачьей шерсти.

— Ну, спасибо, Анфиса Николаевна! Поверьте, я прямо счастлива. Я чувствую, что мы здесь прекрасно отдохнём, — сказала мама.

— Погодите благодарить. Сначала поживите. Может быть, что-нибудь ещё не понравится. Питаться будете дома или в закусочных?

— Лучше бы самим готовить, — застеснявшись, сказала мама. — Если, конечно, разрешите.

— Бога ради. Будьте как дома.

— Вы уж извините, что мы с собакой. Нам не с кем было оставить этого разбойника.

— Ничего. Тут весело будет, — чему-то усмехнувшись, сказала Анфиса Николаевна.

— А ты, Алексей, воспитай Кыша в духе любви к кошкам. Он просто распоясался и нападает на слабых. Тоже мне царь зверей!

Кыш полез под стол. Там ему было прохладней.

Я достал из сумки его вещи. Миску вынес на крыльцо, а матрасик положил под окном около моего диванчика. Потом налил в миску воды и позвал Кыша. Он пришёл, посмотрел на дерево, увидел, что кошка ещё не слезла с него, и жадно начал лакать воду.

— Кошка — хорошая. Не тронь кошку, — говорил я ему. — Это от неё пошли цари зверей — львы, а не от вас, собак.

Услышав это, Кыш поперхнулся и закашлялся, но, однако, не залаял.

— Мам, пошли к морю! — сказал я и как-то не поверилось, что вот сейчас мы спустимся по дороге вниз и я первый раз в жизни окунусь в синее тёплое море.

— Перекусили бы сначала, — предложила Анфиса Николаевна.

— Ой! Мы лучше сначала искупасмся! Целый год ждала этой минуты! — сказала мама.

Пока она собиралась, я осмотрел комнату Анфисы Николаевны, прочитал названия на корешках книг в шкафу и спросил, кто эта девушка в военной форме на фотографиях.

— Я. Разве не похожа? — спросила Анфиса Николаевна.

— Вы ведь с тех пор стали старше, — сказал я, — и очень поправились.

Мама от досады, что я сказал что-то не так, прикусила губу, но Анфиса Николаевна только рассмеялась:

— За тридцать лет и ты, милый мой, постареешь и поправишься.

— Значит, вы воевали? — спросил я.

— Воевала.

— И стреляли?

Тут мама меня заторопила. Я ещё раз посмотрел на фотокарточки нашей хозяйки. Вот она с автоматом на груди стоит у перешибленного, наверно, снарядом кипариса... Высовывается из окна санитарной машины... Сидит у радиоприёмника в наушниках...

6

К морю мы не просто шли, а всё время спускались по каменным лесенкам. Сначала я считал ступеньки, а потом перестал.

— А вот это парк. Смотри! — вдруг воскликнула мама.

Мы шли, и она объясняла, как называются цветы,

кусты и деревья. Но цветов, кустов и деревьев, причём самых разных, было так много, что их названия перепутались в моей голове. Чинары... Каштаны... Атласские кедры... Сосны... Самшит... Кизил... Агава... Магнолия...

Я шёл и глазел вокруг, а Кыш принюхивался к разным запахам. И оттого, что запахов в парке, наверно, было ещё больше, чем цветов, кустов и деревьев, и все они перепутались у Кыша в носу, он часто чихал, мотая головой, и повизгивал от удовольствия. Потом вдруг пропал. Мы забеспокоились. Мама сказала, что он мог опьянеть от большого количества эфира в воздухе и заснуть. Где его тогда искать?

Я начал свистеть и кричать:

— Кыш! Кыш! Ко мне! Куда ты пропал? Ко мне!

И какой-то старичок в белом костюме сразу же подошёл и тихо сказал маме:

— Извините, пожалуйста, в ту минуту, когда раздался свист и жуткий вопль вашего мальчика, я думал именно о тишине. Да, да! Я думал о том, как нам повезло, что мы живём в одном из самых тихих и чудесных уголков земли, в Крыму. О том, что тишина восстаивает силы кузнецов, шахтёров, сталеваров, машинистов — в общем, всех уставших от шума и грохота работы. И людям, малыш, и земле нужна тишина. Постарайся её никогда без надобности не будить.

Старичок говорил так добродушно, что я ни капли не обиделся за замечание, а мама сказала:

— Извините, у нас потерялась собака. Ведь надо же её позвать.

— Умная собака обязана слышать шёпот своего хозяина, — сказал старичок. — И читать его мысли на расстоянии.

И тут, как назло, будя тишину, отчаянно скуля, откуда-то из-за кустов на трёх ногах к нам прискакал Кыш. Он, не переставая скулить от боли, лёг на спи-

ну и задёргал правой задней лапой. Я присел и осмотрел её. В одной из чёрных шершавых подушечек на лапе торчала большая колючка. Она обломалась, и я никак не мог её вытащить. Ыш визжал. Нас окружила толпа отдыхающих. Все стали давать советы. Мама тоже попробовала вытащить занозу, но только обломала ноготь. Тогда я решился, прицелился как следует, с одного раза вытащил зубами здоровенную колючку и показал её окружающим. Мама тут же заставила меня прополоскать рот у фонтанчика для питья, а Ышу смазала лапу йодом, который почему-то оказался в её сумочке. Ыш оттого, что лапу заципало йодом, завопил ещё сильнее, но быстро замолчал, прошёлся на трёх лапах, потом осторожно ступил на раненую, проверил, не очень ли больно на неё ступать, прохромал метров пять и вдруг, наверно забыв про занозу, полетел со всех ног на лужайку и начал есть какие-то травки. Старичок похвалил меня за то, что я оказал первую помощь раненой собаке.

Потом мы стояли на краю высокого, крутого обрыва, и перед нами было море. Ыш жался к моей ноге, а я взял маму за руку и молчал, поражённый солнечной голубизной. И глаза у меня слезились от морского ветра. Он был так силён, что поддерживал нас, когда мы спускались с обрыва к морю.

— Это дикий пляж, — сказала мама.

Ыш первым подбежал к воде, лизнул её, фыркнул; в этот момент как раз набежала волна, но он ухитрился подпрыгнуть и отбежать. Отбежал, улёгся между двух камней и стал следить за волной. Он думал, что она с ним играет, но подойти поближе боялся.

Мы устроили навес из простыни и пять минут загорали, ворочаясь с боку на бок. Потом пять минут сидели под навесом, а уж когда у меня сил больше не было терпеть — так хотелось купаться, — пошли в море.

— Ёыш,— позвал я.— Иди сюда! — Но он, поджав хвост, забрался в тенёк под простыню.

Босиком по камешкам идти было больно. Я кому-то пастушил на ногу, отскочил, испугавшись, в сторону и упал на дремавшую женщину. Мама за меня извинилась. Я вошёл по пояс в воду, снова поскользнулся, упал, начал барахтаться и орать:

— Море! Море! Ура!

Мама велела мне сесть и сидеть в воде на одном месте, пока она сплавает до оранжевого шара, и не нарушать тишины.

И это было здорово: сидеть в море, перебирать руками камешки и держаться за большой камень, когда набегают и толкают в грудь волна. Мама, доплыв до шара, помахала мне рукой и поплыла обратно, а Ёыш так больше и не подошёл близко к морю.

Вылезать из воды мне не хотелось, но мама сказала:

— На первый раз хватит. Пошли обедать. Ужас как есть захотелось!

Мы с Ёышем сразу почувствовали голод: он облизнулся и наострил уши, а я сглотнул слюнки.

7

Сначала мы купили в магазине и накормили Ёыша кусочками его любимого трескового филе. А потом он нас ждал, привязанный к дереву около «Пельменной».

Когда мы вышли оттуда, я увидел, что Ёыш успел подружиться с большим псом шоколадной масти. Но Ёыш закрутил поводок вокруг дерева, а обратно раскрутиться не мог и тихонько тьявкал: просил пса о помощи. А пёс стоял над Ёышем, доброжелательно виляя хвостом, и соображал, чего от него хотят. Я отпустил Ёыша с поводка. Он стал припадать на передние лапы, приглашая пса повозиться, потом рванулся с места, думая, что его будут догонять, потом

вернулся и с удивлением посмотрел на невозмутимого пса: «Что же ты за собака, если не хочешь играть?»

— Ему не до игры,— сказала мама.— Он старик. И между прочим, это пойнттер. Охотничий чистокровный пёс. Красавец.

— Как же он сюда попал? — спросил я вышедшую из «Пельменной» официантку.

— Бездомный. Третий год здесь бродит. Мы его не обижаем. Даже заелся немного. Конфеты любит. Купите и скажите ему: «Пиль!» Циркач, а не собака!

Мама купила в ларьке две карамельки, а я сказал псу:

— Пиль!

Лежавший на асфальте пёс мгновенно вскочил на ноги, весь подобрался, подогнул одну лапу и стал похож на бронзовую собаку, стоящую на мраморной подставке на папином письменном столе. И на него засмотрелись прохожие — так он был красив в стойке и не казался в этот миг обрюзгшим стариканом. Стояв немного, он устало присел и поднял морду вверх: ждал конфетку. Я бросил ему две карамельки. Он поймал их на лету, одну разгрыз, а другую положил около Кыша.

«Можно, я съем?» — спросил у меня Кыш.

— Ешь,— сказал я, чтобы добрый пойнттер не думал, что Кыш брезгует его угощением. И мне стало почему-то грустно, словно я час назад не радовался морю и не был счастлив, что приехал в Крым. У мамы тоже был расстроженный вид. Она сказала, вздохнув:

— Алёша! Кыш! Пошли домой.

Кто-то ещё крикнул псу: «Пиль!», но он не сделал стойку, улёгся под деревом и задремал.

— Он умный,— сказала маме официантка,— выступает редко и не перед каждым. Ваш мальчик ему понравился.

— Это не я понравился, а наш Ыш,— сказал я.

По дороге домой мы заглянули в «Хозяйственные товары». Мама стала спрашивать у продавца, почему в магазине нет стирального порошка, а я увидел Федю Ёшкина, который рассматривал банки с масляной краской. Я подошёл и спросил:

— Федя, как там наш папа Сероглазов?

— Сероглазов лежит. Профессор сказал, что у него хроническое голодание! Что же вы довели человека? Он у вас тонкий, звонкий и прозрачный. Источённый в прутик.

— Мама! Мама! — испугавшись, крикнул я.— Папа голодает! Он истощённый, оказывается! Профессор сказал!

— Что за чепуха? Почему ты кричишь в магазине? Почему папа голодает? Он же хотел есть,— сказала, подойдя, мама.

— Хроническое у него голодание. Врач установил,— подтвердил Федя и спросил у продавца: — Почему белила?

— Вам какие?

— Любые,— сказал Федя.

— Что красить-то собираетесь? — вежливо допытывался продавец.

— Да ты мне продай белила и кисточку. Не всёль тебе равно, что собираюсь красить. Дверь! Вот что!— сказал Федя.

Я подумал: «Странно! Зачем ему белила?» Мама, что-то купив, тревожным голосом позвала меня:

— Алёша! Идём к папе!

Ыш сидел на улице около входа, окружённый ребятами. Среди них были двое мальчишек из пионерского патруля. Это они просили нас при въезде в Алуку уважать природу, не жечь в лесу костров и не сорить на пляже.

— Какой породы? — спросил один из них про Ыша.

— Секретная овчарка,— ответил я.

— Не выхваляйся,— сказал другой мальчишка.— Хвальба.

«Гав! Аав!» — прикрикнул на него Кыш.

Мы догнали маму. Я спросил у неё, как правильно говорить: «хвальбов» или «хвальб», но она сказала, что я всегда пристаю с трудными вопросами в самое неподходящее время, и не ответила. Она стала вспоминать, как папа много раз уходил утром на работу не позавтракав и как он ложился спать не поужинав, если в моём дневнике были двойки или замечания по поведению.

— И ты и я,— сказала мама,— толстокожие, бездушные существа. Ведь папа таял буквально на наших глазах!

8

В седьмую палату нас сначала не пустили, но мама таким голосом сказала сестре-хозяйке, что в тяжёлую для папы минуту его жена и сын должны быть с ним рядом, что сестра-хозяйка сама проводила нас к папе. А Кыша я привязал к столбику на газоне.

Мы на цыпочках зашли с мамой в седьмую палату. Папа лежал в чёрно-белой полосатой пижаме у окна и печально смотрел на завитки жёлтой колонны. Одна его рука безжизненно свисала с края кровати, другой он крутил пуговицу. Сестра-хозяйка сочувственно покачала головой. В палате, кроме нас, больше никого не было.

Мама молча села на стул и с большой болью стала смотреть на папу. Папа глазами сказал мне: «Здравствуй!» А маме слабо улыбнулся. Мне тоже было его жалко, и я вспомнил, как он много раз говорил нам: «Не трепите мне, пожалуйста, нервы, а то я рухну в один прекрасный момент...» И вот этот совсем не прекрасный момент наступил. Папа лежал, худой и небритый, и, улыбаясь из последних

сил, смотрел то на меня, то на маму. Потом он сделал попытку присесть, но не смог и, застонав, рухнул обратно на подушки.

— Ты уж лежи и не двигайся,— сказала ему мама.

Но папа, к нашему удивлению, вдруг вскочил с кровати и строго спросил маму:

— Что значит: «Ты уж лежи и не двигайся»?

— Нам сообщили, что ты... хронически истощён,— растерянно ответила мама.— И что тебе это сказал профессор.

— Кто вам сообщил? — так же строго спросил папа.

— Федя. С нами ехал который,— сказал я.

— Ну я ему дам жизни за передачу информации! — Папа погрозил кулаком кровати, под которой лежали какие-то верёвки и железные крючки. Я понял, что это кровать Феде.

Погрозив кулаком, папа рухнул на кровать и захохотал, наверно вспомнив, с какой болью и жалостью мы с мамой на него смотрели.

— Я действительно истощён,— вытерев слёзы, сказал он.— И у меня хроническое голодание. Но мышечное!!! Мои мускулы одрябли без движения! Вот до чего меня довела умственная работа. Понятно?

— А что же ты лежал тихий и грустный, словно помирал? — спросила мама.

— Я объелся за обедом. Здорово кормят,— объяснил папа.

— Жена, пройдите из палаты, пройдите,— обиженно, как будто мы её нарочно разыгрывали, сказала сестра-хозяйка.— Нехорошо обманывать персонал.

— Поверьте...— Мама не успела договорить до конца.

В палату вошёл тот самый старичок, который учил меня любить тишину, увидел нас, снял очки,

протёр их, надел, нагнулся и посмотрел под папину кровать. Я догадался, что он ищет Кыша, и успокоил его:

— Собака на улице.

«Ав! Ауу! А-ав!» — залаял Кыш в подтверждение моих слов.

Я выглянул в окно, свистнул, помахал ему рукой. Кыш замолчал.

— Очень хорошо, — сказал старичок. — Слушайте меня внимательно. Вы понимаете, что ваш муж — жертва цивилизации? Да! Да! Он стоит на пороге гипертонии, атеросклероза, инфаркта и инсульта! Посмотрите на его тело! — Профессор ткнул папу пальцем в грудь, и я первый раз увидел, как папа виновато стоит перед старшим. — Где его мышцы? Я вас спрашиваю, где они?

Старичок уставился на меня, я подумал, что он ждёт ответа и сказал:

— Папа много думал. Они пропали от мыслей.

— От мыслей? Древние эллины думали не меньше нас, но они с громаднейшим уважением относились к своему телу. А вы, Сероглазов, к своему относитесь наплевательски! И вот — результат. Мадам Сероглазова, — тихо и почтительно сказал старичок маме, — я попытаюсь сделать из вашего мужа гармоничную личность. Помогите мне в этом! Забудьте о нём на двадцать четыре дня! Не отвлекайте его от процедур. Сероглазов, почему вы лежите после обеда? Марш на тропу номер два!

Папа быстро, как по тревоге, снял полосатую пижаму, надел спортивные брюки и выбежал из палаты.

— Где Милованов, Ёшкин и... этот... как его... три Василия? — спросил старичок у сестры-хозяйки.

— Не знаю, Корней Викелтич... После обеда как в воду канули. К морю небось пошли.

— Седьмой палатой я займусь лично! — пообещал старичок.

В этот момент в палату вбежали две молоденькие медсестры, крича:

— Профессор! Геракла всего испарали!

— Только что! Порезы свежие!

Профессор Корней Викентич по-прежнему тихо и вежливо сказал нам всем:

— Дожили-с! — и стремительно вышел из палаты.

— Кто такой Геракл? — спросил я у мамы, когда мы тоже заспешили посмотреть, кого это только что испарали.

— Увидишь.

9

Корней Викентич бежал по двору. За ним еле поспевали сёстры.

Мы одолели песколько лесенок, от которых за целый день у меня уже ломило ноги, и пришли на площадку, посыпанную толчёным кирпичом. Она была окружена кустами, подстриженными под шары. И на ней стояли белые фигуры трёх мужчин и одной женщины.

К одной из фигур и подбежал Корней Викентич и грустно сказал:

— Варварство!

Мы подошли поближе и увидели прямо на животе Геракла два слова:

Здравствуй, Крым.

— Это сегодня! Он только что был здесь! Смотрите: вот кусочки побелки! — сказал Корней Викентич. — Он живёт среди нас, этот варвар!

— Корней Викентич, по территории, бывает, и дикие бродят, — сказала сестра-хозяйка, как-то нехорошо посмотрев на меня с мамой.

— Я полвека живу и работаю в Крыму, — сдвигая кусочки побелки с ноги Геракла, сказал профессор. —

Видел изуродованные и изрезанные деревья, скамейки, парапеты скалы, камни и стены, видел выжженный лес и замусоренное море, но ни разу в жизни я не видел того, кто режет, портит и жжёт. Буквально ни разу! Он в стороне от глаз людских делает своё чёрное, грязное дело! Но грядёт час! Грядёт! — угрозил кому-то пальцем профессор.

В этот момент на тропе номер два показался бегущий трусцой, как пони в зоопарке, папа. Мама, увидев его, засмеялась. Папа застеснялся и сменил бег на шаг. Он подошёл к нам и спросил, что случилось. Корней Викентич сказал:

— Произошло преступление. Несколько часов назад. Возможно, преступник и варвар среди отдыхающих. Вот — взгляните! Я сегодня же всем сообщу об этом во время ужина.

Папа посмотрел на слова: «Здравствуй, Крым» — и сказал, поиграв желваками:

— Попробовал бы этот варвар причинить лёгкие телесные повреждения живому Гераклу!

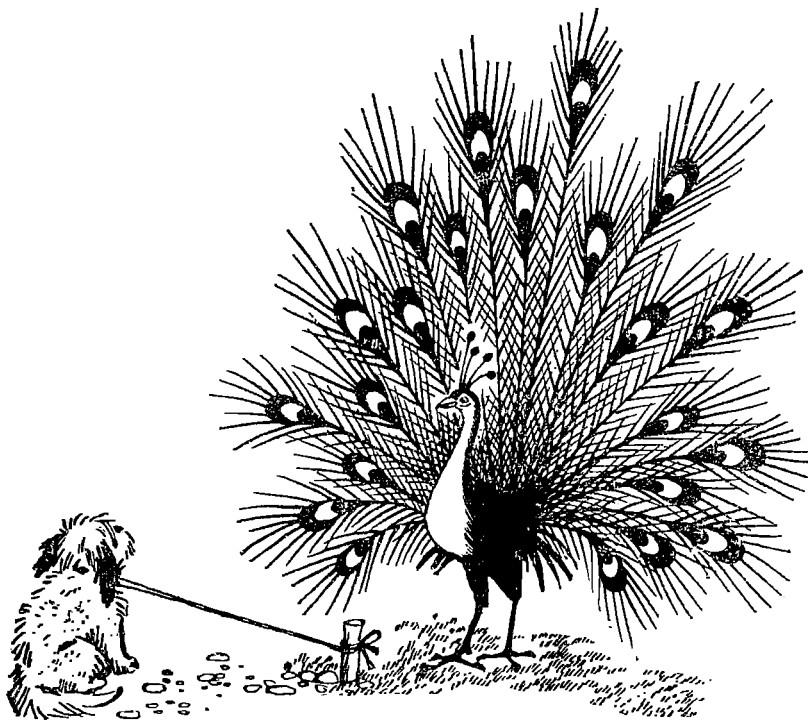
— Позвольте! Это, по-вашему, лёгкие повреждения? — спросил профессор. — Продолжайте, Сероглазов, бег по тропе! — строго велел профессор. — Сейчас не до дискуссий. Позвольте откланяться! — Он поклонился маме и, заложив руки за спину, быстро пошёл к санаторию. Сёстры бросились за ним. Вдруг он обернулся, сказал папе: — Берите пример с Геракла. Носите в душе образ античного человека! — И пошёл дальше.

Папа помахал нам рукой.

— Слушай, не стыдно? Ведь мы забыли про Кыша, — сказала мама. — Пошли!

— Почему забыли? Просто я за него спокоен. Он не лает. Наверно, спит. Сейчас тихий час.

И только я это сказал, как Кыш, как назло, залаял. По жалостному лаю я понял, что его кто-то обижает. Мы побежали и увидели картину, которая мне никогда не могла бы даже присниться: Кыш, прижав

уши, поджав хвост от страха и сторбившись, пятился на газоне за оградой от... павлина!

А настоящий живой павлин с распущенным хвостом, медленно выпагивая, наступал на Кыша.

Я заспешил, когда увидел, что профессор Корней Викентич направился к Кышу, который снова разбудил тишину.

— Сейчас же остановите собаку! — попросил Корней Викентич маму. — Павлин в опасности!

— Извините, пожалуйста, но здесь на каждом шагу сюрпризы, — виновато сказала мама. — Кыш!

Кыш виновато подошёл к маме.

В окнах главного корпуса сразу показались весёлые лица отдыхающих.

— Поверьте,— сказал Корней Викентич маме,— по свойству характера, я не могу выговаривать женщинам, но то, что сегодня произошло, выходит за рамки нашего разумного режима. Честь имею.

— Извините ещё раз,— умоляюще попросила мама.

Я потянул её за руку.

По дороге домой я внимательно смотрел на деревья и на многих стволах видел и свежие и затянувшиеся, как рубцы, буквы, имена и фамилии. А колонны, и скамейки, и перила белой беседки, из которой мы глядели на море, были исписаны и исцарапаны так, что на них не осталось свободного места. Даже сидевший реактивный самолёт размалевал белыми каракулями. Только море издалика казалось чистым и на скалах Ай-Петри не было видно ни имён, ни фамилий.

И я никак не мог взять в толк, зачем люди это делают, зачем где попало оставляют свои имена?

Я спросил про всё это у мамы, но она ничего не смогла мне ответить.

Вдруг я подумал, что нужно пойти тех самых ребят из пионерского патруля и что-нибудь предпринять. А что именно, я сообразить не мог. Просто я почувствовал, что необходимо объявить войну варварам. Потом я спросил у мамы:

— Расскажи мне про Геракла. Кто он такой?

— Он был самым сильным человеком древнего мира,— сказала мама.

— Как сейчас наш Василий Алексеев?

— Совершенно верно,— сказала мама.

10

Когда мы пришли на Высокую улицу, Ыш первым делом снова загнал кошку на дерево. Дерево было громадным, и его светло-зелёные ветви в тёмных пятнах извивались над землёй, как огромные

удавы. Кошка ходила по ветвям, и над ней, словно опахала, с тихим шелестом покачивались лапчатые листья.

Мама извинилась за Кыша перед Анфисой Николаевной. Но та снова как-то странно улыбнулась и сказала, что кошка Волна постоит сама за себя.

— По-моему, вы чем-то очень расстроены? Я это чувствую,— спросила мама.

— Пустяки. Кто-то залез в огород. Огурцов натаскал. Первых. С пупырышками. Знает, что они сейчас самые вкусные. И мальву помяли.

Я срезал сломанную мальву — красивый цветок, который раньше никогда не видел. Он был похож на ручной фонарик с десятком ярко-жёлтых огней, и цветы-огоньки снизу были большими, а наверху, на макушке, маленькими.

— Да дело не в огурцах и не в мальве,— сказала Анфиса Николаевна и глубоко вздохнула.

— А в чём же тогда? — спросил я, потому что мне стало тревожно: огород обнесён каменной оградой, а кто-то средь бела дня, когда хозяйка в доме, похищает свежие огурцы.

— Долго рассказывать. И грустно,— сказала Анфиса Николаевна. Она сорвала несколько огурчиков и позвала нас ужинать.

Мама застеснялась и стала отказываться, но Анфиса Николаевна сказала, что мы её гости, а не дикари-квартиранты и что она предлагает нам по очереди готовить обеды, а деньги бросать в какой-то общий котёл. Мама обрадовалась.

Обе женщины начали готовить ужин, а у меня ноги подгибались от усталости. Я сел прямо на прохладный пол, прислонился к стене, и мне захотелось написать моему самому лучшему другу Снежке письмо про Крым.

Я достал из своего чемоданчика тетрадку в косую линейчку и шариковую ручку с разноцветными стерженьками.

Зелёным я решил написать про вечнозелёные кусты, деревья и склоны Ай-Петри. Синим — про синее море, непонятно почему называющееся Чёрным. Жёлтым — про мальву, которую сломал похититель огурцов. Красным — про солнце. А разноцветными словами я решил написать Снежке о павлине с великолепным хвостом.

Я писал долго и до ужина и после, но письмо оставалось коротким, хотя было красивым. Тогда я добавил в него рассказ про то, как вытащил зубами занозу из лапы Кыша, и про то, что я видел самого сильного мужчину древнего мира, и что папа оказался жертвой цивилизации, а также попросил Снежку ответить мне, что такое цивилизация. Потом я сообщил, что Корней Викентич похож на Айболита, написал: «До свидания!» — и провалился, заснул и не проснулся, когда мама с Анфисой Николаевной перенесли меня на раскладушку...

Ночью вдруг всех нас разбудил грохот, громкое мяуканье, визг и лай. Я вскочил с раскладушки, не сразу сообразив, где я пахожусь. По дому взаправду носился смерч. Мы с мамой начали искать выключатель, чтобы разнять дерущихся животных.

— Кыш! Фу! Фу! — кричал я.

Тут смерч вылетел в окно. Я понял, что Кыш продолжает почной бой с кошкой в саду. А в доме стало тихо.

И в темноте к нам с мамой стал, хохоча, приближаться кто-то в длинной, до пола, белой одежде. Всё во мне замерло от страха, мама, прижав меня к себе, дрожащим голосом спросила:

— Кто здесь?

Свет вдруг зажёгся, и мы с облегчением вздохнули, увидев хохочущую Анфису Николаевну в ночной рубашке.

— Бога ради простите, — сказала она. — Совсем не думала, что Волна проучит Кыша прямо сего-

дня.— Она выглянула в окно и позвала:— Волна! Кис-кис!..

Немного погодя на подоконник с улицы, сверкая зелёными горящими глазами, прыгнула Волна, и я понял, что не ей, а Кышу на этот раз пришлось плохо. Волна, урча, кровожадно облизывалась и старалась стряхнуть с когтей клочки Кышевой шерсти. Кыш горько скулил под окном. Я позвал его, он подошёл и встал на задние лапы. Я втащил его в дом и сказал:

— Не дразни кошку днём, и она тебя ночью не тронет. Она всё видит в темноте, ты же слепой и глупый. И потрепали тебя справедливо.

— Волна тут одну овчарку так испугала, что та за три версты теперь нас обходит.

Мама посмеялась с Анфисой Николаевной, потом Волну заперли на терраске, Кыш забился под раскладушку, и мы опять легли спать.

11

Утром мама сказала:

— Алёша! Можно, я прочитаю твоё письмо?

— Прочитай,— разрешил я.

Мама внимательно прочитала и снова спросила:

— Почему ты пишешь «Доброе утро, Снежка!» вместо «Здравствуй!»?

— Потому что почтальонша приносит письма утром,— сказал я.— А не днём и не вечером.

— А почему ты написал «Да свидания», а не «До свидания»?

— Потому что говорят: «Да здравствует», а не «До здравствует».

— У тебя в голове не грамматика, а каша,— сказала мама.— Стыдно посылать письмо с таким количеством ошибок!

— Вот ты никак не поймёшь, что если я пишу с ошибками, то Снежка с ошибками читает и всё

понимает правильно. Одно накладывается на другое.

— Хорошо. Иди умывайся,— сказала мама.

Кыш из-под раскладушки сначала вылезать не хотел, но потом всё-таки вылез. Мы вышли вместе во двор. Волны нигде не было видно. Вдруг подул ветерок. Он донёс до Кыша её запах. Кыш зарычал.

— Не тронь кошку, а то ночью опять получишь,— сказал я.

Кыш лёг на дорожку, прикинул что-то в уме и пулей полетел к сарайчику. И тут же Волна сиганула через весь огород на дерево, на старую чинару. А Кыш лаял под ней. Он говорил:

«Я собака. Я тебя умней и не сдамся. Ты увидишь, как я тебя перехитрю! Ав! Ав!»

— Ирина! Алёша! Быстрее идите сюда! — позвала Анфиса Николаевна. Голос её был взволнованным.

— Что случилось? Неужели опять огурцы? — спросила мама, когда мы подбежали к огуречным грядкам.

— Вот — смотрите!

На земле валялись три огурца, похожие на дирижаблики с жёлтыми пропеллерами. Анфиса Николаевна держалась за сердце.

— Вы не волнуйтесь,— сказала мама,— надо сейчас же заявить в милицию.

— Что вы! Что вы! Тут дело не в огурцах. Уж очень странно всё повторяется... Так странно... Ведь всё это уже было! — сказала Анфиса Николаевна.

— Когда? — спросил я.

— Тридцать один год тому назад. В июне сорок второго года... Сначала он просто натаскал огурцов и обломал жёлтую мальву... да... да... а на следующее утро на этом же месте я нашла три обронённых огурца!

Мы с мамой незаметно переглянулись.

— Мне тоже кажется, что когда-то я был здесь в Крыму, — сказал я, чтобы успокоить Анфису Николаевну.

— Да! Да! И у меня частенько бывает ощущение того, что какие-то мгновения когда-то уже были мной пережиты! — добавила мама.

— Но вы же не помните, в отличие от меня, когда именно они были. А я помню. Вплоть до дня помню... вплоть до часа... И сломавшая жёлтая мальва и три огурца на земле... Не с ума же я схожу в конце концов? — засмеявшись, спросила Анфиса Николаевна.

Пока меня не позвали завтракать, я внимательно осмотрел грядки и лужайку между ними и забором. Ведь должен был тот, кто лазил за огурцами, оставить хоть какой-нибудь след? А если он был не один, то тем более. Я же помнил, как в одном фильме сыщик говорил другому сыщику, что не бывает преступника, не оставляющего следов, а бывают инспектора, этих следов не замечающие. И всё же ни одного следа я не нашёл. Словно похититель огурцов висел в воздухе над грядками. Трава на лужайке была не примята, и в расщелинах камней ограды не виднелось ни крошки земли с ботинок. А перелезть через ограду ОН должен был обязательно, потому что калитка на ночь закрывалась.

Тут меня позвали завтракать. Я вымыл руки, прошёл на террасу и сказал, увидев нарезанные кружочками огурцы, к тому же политые сметаной:

— Что вы наделали? Ведь на огурцах, наверно, были следы от пальцев преступника!

— Слушай, ты давай ешь, а не ищи себе работу. Ты приехал отдыхать и набираться сил. И лечить своё горло, — сказала мама. — Во всём мы разберёмся без тебя.

Но я так загорелся этим делом, что мне было не до еды.

Я обрыскал на коленках всю лужайку, осмотрел каждый камень, но ничего не нашёл. «Не невидимка же ОН, в конце концов», — подумал я и позвал Кыша.

— Без вашего брата нам не обойтись, — сказал я ему, прицепил к ошейнику поводок, подвёл к тому месту, где нашли три огурца, и велел искать.

Но Кыш ленится, чесал нос лапой, ел травку и чихал.

Ко мне подошла Анфиса Николаевна.

Она спешила на работу в пансионат «Прибрежный».

Я спросил:

— А вы тогда поймали похитителя огурцов?

— Я сначала догадалась, кто он. Его фотокарточка справа от зеркала. Посмотри. Я спешу. Вечером поговорим.

Наша хозяйка ушла на работу, а я зашёл в дом, залез на стул и увидел справа от зеркала фото парнишки лет тринадцати в военной гимнастёрке. К ней были приколоты орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

«Вот так похититель!» — подумал я.

— Алёша! Пойдём скорей в «Кипарис», отнесём папе бритву. Она была в моём чемодане! — позвала мама. — Папа будет бушевать, когда её не найдёт.

12

Я залез на ограду, зажмурился, прыгнул на улицу и ушиб подбородок об коленку. Из глаз у меня посыпались искры.

— А если ты сломаешь ногу? Ты понимаешь, что сорвётся весь наш отпуск? — спросила мама. — Ты обязательно должен выходить на улицу именно таким путём?

— Я ищу след, — ответил я.

— Идём быстрее. Даю тебе честное слово, а ты

знаешь, что оно действительно честное, что, если ты не будешь отдыхать как следует, если ты будешь лазить по заборам и вытворять чёрт знает что, я отвезу тебя на аэродром и отправлю к Сергею Сергеевичу! Ты понял? И не забудь про Кышя! Я всю ночь после его возни с кошкой не могла уснуть. Мне снились всякие ужасы,— сказала мама и даже дёрнула меня за руку.— Кроме того, я волнуюсь за папу, а тебе хоть бы хны! Ты вздумал играть в сыщиков, и я чувствую, что до добра пас это не доведёт. Местные хулиганы с тобой цацкаться не будут, учти. Мы с Анфисой Николаевной решили заявить в милицию, а ты, пожалуйста, сам ничего не предпринимай. Дай мне отдохнуть! Ведь у меня раз в году отпуск!

Я ещё раз пообещал помочь маме отлично отдохнуть. Она успокоилась и послала меня отпестить папе бритву, а сама с Кышем осталась ждать на скамейке у ворот «Кипариса».

— Не волнуйся, если я задержусь. Вдруг папы нет на месте,— сказал я.

13

Папы в палате не было. Там сестра-хозяйка ругала Федю за то, что у него под кроватью лежали верёвки и железные крючья.

— Если сегодня же не уберёте, я напишу докладную Корнею Викентичу! — пригрозила она.

— Да я вообще могу съехать отсюда! Чем по вашим драконовским законам жить, лучше дикую койку снимать! — возмутился Федя.— Того нельзя, этого нельзя.

— Успокойтесь, голубчик. Стыдно такому Геркулесу капризничать, как мальчишке. Мы вас ремонтируем, а вы соблюдайте режим и порядок,— ласково сказала сестра-хозяйка.— Уберите, милый, верёвки и железки.

— Ладно. Уберу. Когда со мной по-хорошему,— сказал Федя,— тогда я шёлковый.

«Странно,— подумал я,— зачем ему в санатории верёвки и крючья? Ведь это альпинистское снаряжение. Очень странно!»

Я побежал в столовую. Она была на первом этаже. Мне даже не понадобилось заходить внутрь. Папа сидел за столиком у открытого окна вместе с Василием Васильевичем, Миловановым и Торием.

Я подошёл и, наверно, глупо уставился на салаты из огурцов, которые стояли на столе, потому что все трое засмеялись.

— Привет! Ты что, проголодался? Огурцов захотел? — спросил папа.

— А где вы их, интересно, взяли? — спросил я, наверно, так подозрительно, что папа даже привстал и строго переспросил:

— Что за допрашивающий тон? Что значит — где мы взяли огурцы?

Тут я случайно заметил, что люди за соседними столиками тоже едят салат из огурцов, и сказал:

— Извините. К нам в огород вторую ночь подряд грабители забираются. Огурцы таскают.

— И ты взял под подозрение родного отца? — с обидой сказал папа. — Спасибо!

— Это у меня просто вырвалось. Мне хочется напасть на след,— объяснил я.

— И помногу таскают? — поинтересовался Василий Васильевич.

— Помалу. И ещё роняют. Анфиса Николаевна утром три штуки нашла,— ответил я,— что-то вспомнила и начала переживать.

— Это ваша хозяйка? — спросил он.

— Ага. Она хорошая. Всю войну провела. И я с Кышем буду защищать её огород. На третий раз мы их накроем с поличным! — пообещал я. — Такую ловушку поставим, что бабочка и та попадётся!

— Стоит ли из-за двух огурцов такой огород городить? — шутливо сказал папа.

— Дело не в огурцах. Анфисе Николаевне что-то начало мерещиться, а мама беспокойно себя чувствует и говорит, что сегодня огурцы, а завтра ещё что-нибудь. Она трусиха... Вот твоя бритва. Я пошёл.

— Мне непонятно, чем занимается Кыш, когда кто-то орудует под вашим носом, — сказал папа.

— Ночью на Кыша совершила нападение кошка, и у него испортился нюх, — объяснил я, а Василий Васильевич засмеялся.

Милованов продолжал читать книгу и есть, а Торрий решал шахматную задачу.

Вдруг в зале столовой гулко и скрипуче, как на школьных соревнованиях по бегу, загремел чей-то голос:

— Внимание! Внимание, товарищи! Сейчас с важным сообщением выступит Корней Викентич!

В зале стало тихо... Только позвякивали ложечки о края стаканов. Корней Викентич сообщил:

— Товарищи! Вчера вечером здесь, в этом зале, я поставил вас в известность о посягательстве на культурные ценности... Был изуродован Геракл... Почему вы опоздали, Ёшкин? — спросил он у пришедшего вместе с сестрой-хозяйкой Федю.

Она что-то шепнула на ухо Корнею Викентичу. Тот кивнул. Федя сел за папин столик. Он сам был похож на Геркулеса. Его мускулы так и играли под белой майкой.

— Товарищи! Сегодня вновь обнаружены следы варварской деятельности человека, очевидно находящегося среди нас. На чудесной вазе, работы бывшего отдыхающего Восторгова, обнаружены слова: «Крым — это чудо. Берегите его!» Эти же слова вырезаны на скамейке около фонтана. — В зале возмущённо зашептались. — Слов, товарищи, нет! Нужны

дела! Нужны дейст-ви-я! Повторяю: при полнейшем соблюдении режима и выполнении всех процедур! Нам брошен вызов! — воскликнул Корней Викентич и быстро вышел из столовой.

— Ах как наивен наш профессор! Публично призывать к борьбе с варварством неразумно, — сказал Василий Васильевич папе. — Варвар теперь законспирируется, и поймать его будет трудно. Но не невозможно. У меня, например, были дела посложнее.

— Вы профессиональный детектив? — спросил папа.

— Да.

— Рассказали бы хоть одно дело. Я совершенно не могу жить без детективов! — попросил Торий. — Я был бы счастлив!

Василий Васильевич промолчал. Я хотел тут же попросить его помочь мне поймать огородных воришек, но подумал, что момент сейчас неподходящий.

— Значит, уверены, что поймаете того, кто пишет буковки? — спросил Федя.

— Думаю, да.

— А что, собственно, такого случилось, что подняли шум на весь мир? — удивился Торий. — Ну, написал... Ну, нацарапали. Ну и что? Что это, последний Геракл? Их ещё тысячи в наших парках. Или скамейка? Цацкаются с ней, как с треном Ивана Грозного. А шахматного столика на всей территории ни одного.

— Да-а! — только и сказал Милованов, с сожалением смотря на Тория.

— Вот именно, — согласился папа.

— Если я неправ, возражайте, — улыбаясь, пригласил всех Торий.

— Будьте уверены: возразим. Только после завтрака, — пообещал Василий Васильевич.

— Алёша! — позвала мама издалека, и мне стало стыдно, что я заставил её долго ждать на жаре.

Я рассказал маме, что кто-то опять испортил культурные ценности.

— Как он ухитряется остаться незамеченным? — удивилась мама. — Вот наглец!

— Папин сосед по палате, который со шрамом, — сыщик. Он его поймает! — сказал я.

14

На этот раз мы с мамой пошли на другой пляж, поближе к папиному лечебному. Там на берегу лежали громадные камни, скатившиеся когда-то, наверно, с Ай-Петри, и остроконечные, и круглые, и плоские, на которых загорали дикари. И в море тоже стояли целые скалы. Со скал ныряли двое мальчишек из пионерского патруля. Мама нашла для меня бухточку и сказала:

— Вот здесь тебе по грудь. Бултыхайся и учись плавать.

Я сажал Кыша на камень, когда шёл купаться, и он сидел, пугливо оглядываясь по сторонам: ведь вокруг было море. И когда на Кыша попадали брызги от волн, он облизывался. С плаванием у меня ничего не получалось, как я ни старался. Я только наглотался воды, отяжелел и сразу пошёл ко дну.

Тогда мама рассказала мне, как я учился ходить, держась за бороду дедушки...

«Я козёл рогатый! Я козёл рогатый! — говорил дедушка, встав передо мной на колени. — Держись за мою бородёнку!»

И я хватал дедушку за бороду, привставал с пола и вот так делал самые первые шаги в своей жизни...

По совету мамы, я стал держаться двумя руками за зелёную жёсткую бороду камня, ушедшего с макушкой под воду, а ногами учился двигать по-лягушачьи и как ножницами. Но стоило мне выпустить из рук зелёную бороду водорослей, как я захлёбывал-

ся и тонул. И меня разбирала такая зависть, что реветь хотелось! На моих глазах мальчишки и девочки ныряли с камней, плавали в масках, с криком и хохотом отвоёвывали друг у друга матрацы, спорили, кто дольше продержится под водой, а я сидел в своей бухточке, как младенец в корыте, или лежал под самодельным тентом и дрыгал от скуки ногами.

— Тебе нравится вот так отдыхать каждый день? — спросил я у мамы.

— Конечно. А тебе?

— Мне скучно. Прямо зубы ломит от скуки!

— Бери с собой книгу. Ты же привёз сказки Пушкина.

— На солнце трудно читать. Я их дома почитаю.

— Надо тебе купить тёмные очки.

— Лучше купи мне маску и ласты,— попросил я.

— Сначала научись плавать,— сказала мама.

Вдруг из моря её окликнул папа:

— Ирина-а!

Мама взмахнула рукой и поплыла к папе. Дер-

жась за оранжевый шар-поплавок, они кричали мне:

— Алё-ё!

— Эгей!

Они плавали наперегонки, пока над всем пляжем не загремел голос из репродуктора:

— Отдыхающий Сероглазов! Немедленно вернитесь на лечебный пляж! И приступайте к процедурам! Повторяю: отдыхающий Сероглазов!..

К папе направился катер, но папа быстро поплыл обратно, и диктор замолчал.

15

Я лежал под тентом, размышляя о краже огурцов, испаранном Геракле и изрезанной скамейке, и понял, что настал подходящий момент для разговора с Василием Васильевичем. Всё же он настоящий сыщик и научит меня расследовать преступления.

Я сказал маме:

— Вон в заборе щель. Я пойду к папе, он что-то хотел мне сказать, а ты покуйся и позагорай. Ладно?

— Иди, но ненадолго. И в море не лазить!

Кышу я велел ждать в тенёчке, но он и не рвался со мной. Положив голову на лапы, он ждал, когда из-под камня покажется крабик.

16

Я пролез через щель в заборе на лечебный пляж. Здесь лежали на деревянных лежаках под маленькими тентами одни мужчины. Почти все они молчали и о чём-то думали или читали, а если говорили, то тихо.

Я залез на волнолом и стал высматривать папу. Но его не было ни в море, ни на лежаках. Я подошёл

к лежакам, на которых лежали Федя, Василий Васильевич, Торий и Милованов.

Милованов с большим выражением читал чьи-то стихи:

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь тёмные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса...

— Слеза!.. Форменная слеза! — сказал дрогнувшим голосом Федя. — Верите, товарищи, ведь я и сам так думаю! Смотрю вот на это море, на горы, на, так сказать, рай земной и думаю: как мне своими словами воспеть красоту? Ведь разрывает же меня от неё на части! Разрывает! Но вот воспеть не могу...

— Я думал, ты состоишь из одних мускулов, а в тебе, оказывается, теплится Дух! Раздувай его! — Милованов хлопнул Федю по огромному, как у Геракла, плечу. — А вы, Торий, что скажете? Как вам эти стихи?

— По-моему, в них нет ничего особенного, — заметил Торий. Он, как всегда, играл сам с собой в шахматы. — Констатация очевидного. Перечисление красот. Только ритмично организованное. «Своды скал, блеск моря» и, разумеется, вопрос: «Увижу ль вновь?» Все его себе задают, уезжая из Крыма.

— Слушайте, вы нас разыгрываете или впрямь не чувствуете поэзии? — спросил с удивлением Милованов. — И вообще чуда Красоты?

Не отрывая взгляда от шахматной доски, Торий скучным голосом ответил:

— Повторяю: поэзия для меня в игре Мысли, в её попытке проникнуть в тайны природы. Чудо же Красоты я вижу вот в этом гениальном этюде: белые начинают, но проигрывают.

— Это вы бесконечно проигрываете, — заметил всё время молчавший Василий Васильевич.

— Прошу пояснить,— сказал Торий, передвинув пешку.

— Эх! — только и сказал Василий Васильевич.

— Обратите внимание: вы в очередной раз бессильны доказать, что я неправ,— невозмутимо заметил Торий.

— Тебя не прошибёшь! — сказал Федя.

— Это из-за таких людей, как вы, гибнут реки, уничтожаются целые виды животных, засоряется мировая океан и вообще нарушается равновесие в природе! — вскочив с лежака, воскликнул Милованов.

— При чём здесь я? Прошу пояснить. Я никого не уничтожаю, ничего не засоряю и не нарушаю.

— Верно, но такие, как вы, пытаются проникнуть в тайны природы и спокойно и крепко спят, когда эту природу уродуют, а то и губят,— сказал Василий Васильевич.

— Да! Я крепко сплю, и меня ничем не разбудишь. Ну что вы, товарищи, ко мне прицепились из-за какого-то Геракла и дурацкой вазы? — засмеявшись, спросил Торий и сложил фигурки.

— Эх! — снова сказал Василий Васильевич и махнул рукой.

— Вот и правильно! Махните на меня рукой и позвольте вздремнуть,— попросил Торий, улёгся на лежаке и закрыл глаза.

— Во человек! — удивился Федя.— Уже спит!

Из разговора взрослых я мало что понял, но если бы меня спросили: «Ты за кого?» — я бы не задумываясь ответил: «За Милованова, Федю и Василия Васильевича!»

Я стоял в сторонке. Василий Васильевич окликнул меня:

— Алёша! — Я подошёл.— А где же пёс?

— Ловит крабов.

— А ты, наверно, мечтаешь изловить похитителя огурцов?

— Хотелось бы. Только я не умею.

— А вы здорово испугались?

— Больше всех мама, а хозяйка почему-то обрадовалась, хотя тоже немного испугалась. Я решил этой ночью дежурить в засаде. Боюсь только, что Кыш не вовремя залает.

— Верно. Да и зачем дежурить? Ведь неизвестно, явятся ночью за огурцами или нет. Лучше расставь ловушку с сигнализацией и спи себе спокойно.

— Спасибо за совет, — сказал я.

— Между прочим, ты слегка обгорел. Скажи маме, чтобы натёрла тебя одеколоном и дала на ночь димедрол.

— Я его в детстве пил от диатеза, — сказал я и спросил: — А вы правда решили узнать, кто поцарапал Геракла?

— Конечно. Но жаль, что резчик по камню и дереву предупреждён. Это осложняет мою задачу. Но ничего. Справимся.

— А вы не знаете, между прочим, где мой папа?

— На машине времени катается.

— Что это за машина времени? — удивился я.

— Она за душевой. Сходи и взгляни. Очень забавно.

Я сбегал к маме, чтобы она не волновалась, и сказал, что папу я ещё не видел, потому что у него процедура на машине времени, и что я только сейчас туда пойду.

Кыш всё так же лежал, смотрел под камень и ждал появления крабика.

17

Я пошёл, искупался в своей бухточке и заметил, как мальчишки из пионерского патруля кидают в Кыша камешки.

Мальчишек это забавляло, и они, кидая камешки, хохотали.

Я подошёл и сказал:

— Вы тут собаку дразните, а в «Кипарисе» появилась неуловимая личность.

— Ладно, ладно! Не напускай тумана!

— Мы в сыщиков не играем,— сказали оба мальчишки, и тот, который был с биноклем, напялил мне на глаза панаму.

Но я не обиделся и снова сказал:

— Неуловимая личность изранила Геракла, испортила вазу и изрезала скамейку. Несужели вам всё равно?

— Совсем не всё равно, но у нас есть дела поважней,— с таинственным видом сказал мальчишка с биноклем.

— Тебе такие не снились! Думаешь, мы целыми днями купаемся?

— А что же вы делаете? — спросил я.

— Вечером пойдём по следу. Только не спрашивай по какому. Всё равно не скажем.

— Ну и не говорите. Сам всё сделаю. И сыщик настоящий мне поможет. Вы ещё пожалеете.

Так я сказал и пошёл к папе.

Ещё издали, подходя к павильону, на котором было написано: «Силовые процедуры», я услышал какой-то скрежет и скрип, как будто кто-то выдирает из доски ржавые гвозди. У двери на стуле дремала сестра. Я прошёл мимо неё и увидел папу. Весь мокрый от пота, он в одних трусиках находился внутри алюминиевой кабины. Руками папа изо всей силы дёргал рычаги, а ногами нажимал на педали. При этом кабина наклонялась вместе с папой то взад, то вперед. А перед глазами у него были приборы. На них мигали лампочки и шевелились стрелки. Всего таких машин в помещении было пять, и в каждой был мужчина. Все они вроде папы обливались потом, кряхтели от натуги, пыхтели, наблюдали за приборами и тоскливо поглядывали на песочные часы, стоявшие так далеко, что до них нельзя было дотя-

нуться. На кабинах висели таблички с фамилиями. «Сероглазов», «Левин», «Осипов», «Рыбаков» — прочитал я.

Увидев меня, папа обрадовался, притормозил и закивал головой. Я подошёл поближе. Он зашептал:

— Быстро переверни все часы! Ну что ты раскрыв рот?

— Зачем? — спросил я.

Папа уронил голову на грудь и безжизненно повис на рычагах, потом тихо повторил:

— Быстро переверни все часы!

Прислушавшись к нашему разговору, Левин, Осипов и Рыбаков тоже перестали кататься на машинах времени и умоляюще зашептали:

— Переверни!

— Ну что ты стоишь?

— У тебя есть сердце?

— Нет! У него в груди — кактус!

Мне не хотелось прерывать процедуру. Ведь её назначили папе для того, чтобы он избавился от мускульного голодания. Но всё-таки я перевернул все часы, в которых только пачали пересыпаться вниз очередные десять минут, и папа первым весело закричал:

— Тётя Глаша! Приехали!.. Спрячься! — велел он мне.

Я зашёл за перегородку и стал оттуда наблюдать. Сестра тётя Глаша проверила часы и приборы и подозрительно сказала:

— Чтой-то вы сегодня быстро проехали?

— Мы помолодели на полчаса,— сказал папа, и я понял, почему эти кабины называют машинами времени.

Тётя Глаша стала открывать ключом дверцы, а я незаметно выбежал на пляж.

Папу после процедуры пошатывало.

— Ломит каждую косточку... Каждая жилка саднит... Вот как приходится расплачиваться за умст-

венный труд! — сказал он и попросил завтра тоже незаметно прийти сюда в это же время и сократить его мучения на десять минут.

— Но это же значит, что я буду тебе вредить! — сказал я и отказался.

Но папа, пристально глядя мне в глаза, спросил:

— Ты помнишь, как ровно год тому назад я спас тебя от ложки касторки и выплеснул её в окно?

— Помню, — сказал я.

— Я надеюсь, что у тебя хватит благородства быть мне благодарным за это! Я иду в душ, потом на динамометр, потом на прыгалку. Передай привет маме и Кышу! Но маме о машине — ни слова! Ясно?

18

Я стоял и раздумывал: сократить мне завтра на десять минут папины мучения или не сократить, а также сказать ли про всё это маме.

— Молодой человек! Что вы делаете на лечебном пляже? — вдруг спросил меня Корней Викентич. — Отвечайте быстро и, по возможности, правдиво!

— Думаю: почему вы так мучаете моего папу? — ответил я.

Корней Викентич поднял брови и хотел меня отчитать, но вдруг закричал:

— Ёшкин! Ёшкин! Как вы смеее дестерилизовать пляж?

Он побежал по камешкам к берегу, и я увидел Федю, только что вышедшего из воды. Он стоял в обнимку с моим знакомым беспризорным псом покладной масти. Пёс, положив передние лапы на Федины плечи, вилял хвостом.

— Пожалуйста, немедленно уведите собаку с пляжа! — распорядился Корней Викентич.

— Доктор, это моя собака! — сказал Федя.

— Неправда! Я эту собаку знаю три года. Это бездомная собака.

— Доктор! Собака эта правда моя. Была ничья, а теперь моя. Я её с собой на Север возьму. Моё слово — алмаз! Верь мне, пёс, обиженный людьми, я тебя возьму с собой! И звать тебя буду Нордом! — объявил Федя.

Пёс норовил лизнуть его в нос. А Корней Викентич, переменяв тон, очень ласково сказал:

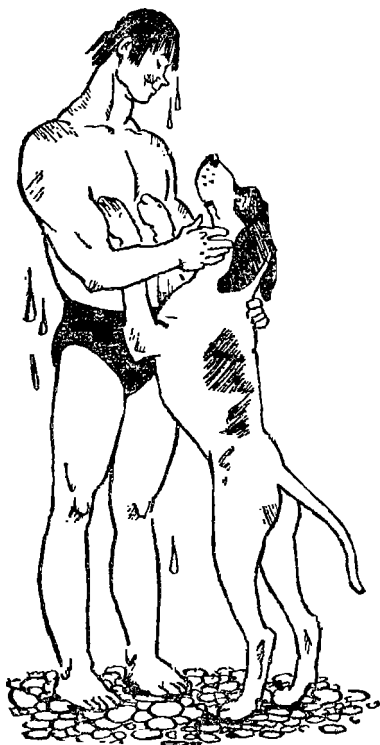
— Дорогой Ёшкин! Жму вашу руку! Ваше намерение благородно! Собака прекрасна! Она вам будет служить верой и правдой. Но если, голубчик, ещё раз я увижу её на пляже... вы получите строгий выговор с запесением в историю болезни. Вам ясно, милый вы мой?

Федя размяк от ласкового обращения и ответил:

— Ясно. Норд! Пошли с пляжа!

Я заметил, что, услышав своё новое имя, пёс вздрогнул и внимательно посмотрел на Федю.

— Дожила собачка до своего лучшего часа! — сказал кто-то им вслед.

19

После пляжа по дороге на почту мама сказала:

— Я совсем забыла показать тебе лавр. Посмотри! — Она сорвала с куста тёмно-зелёный, словно только что выкрашенный масляной краской листок. — Разотри и понохай.

Я растёр в пальцах жёсткий лавровый листок, понюхал и спросил:

— Неужели это те самые пахучие листья, которые ты кладёшь в борщ?

— Конечно! — засмеялась мама.

— Вот оно что! — удивился я. — Из них венки делают для чемпионов! Ты подумай!

Я сорвал десять листьев и положил в карман. На почте я написал на конверте Снежкин адрес. Потом купил за пятак ещё один конверт. В него я положил лавровые листья для нашей соседки Ольги Михайловны. Она часто приходила к нам занимать то лавровый лист, то перец чёрный и красный, то лимонную кислоту. А меня посылали к ней за солью и спичками.

На двух конвертах я указал наш обратный адрес.

Потом мама купила в магазине мяса и овощей, мы попили кваса и пошли домой.

20

Копка Волна, как только увидела Кыша, изогнулась и приготовилась прыгнуть на чинару. Но Кыш зарычал и тявкнул:

«Жарко. Противно с тобой связываться. Ночная пиратка!»

— Молодец! — сказал я ему. — Веди себя как мужчина!

Вечером я решил устроить засаду с сигнализацией и ловушками, мимо которых похитителю невозможно будет пройти.

Мы подождали, когда придёт с работы Анфиса Николаевна, и вместе пообедали. После обеда я вдруг почувствовал, что у меня по спине побежали мурашки, как при простуде, и заболела голова, но маме я решил про это не говорить. Ещё у меня очень горела кожа на ногах и на плечах. И про это я тоже не сказал маме, а так, чтобы она не услышала, расспросил

Анфису Николаевну, как лечат людей, обгоревших на солнце.

Анфиса Николаевна внимательно на меня посмотрела и сказала:

— А ведь ты обгорел! И не вздумай отпираться,

Я упросил её ничего не говорить маме и вытер^л пел, когда она намазала мои ноги и плечи тройным одеколоном. А жгло их так, что хотелось кричать по-кошачьи: «Мря-яуу!»

Я вынес раскладушку на улицу. Ёжик тоже чувствовал себя плохо. Он отказался от еды, пил воду и жевал на лужайке травку.

— Пойдём гулять и смотреть дворец,— позвала меня мама.

— Ты иди, а я полежу.

— Без тебя я во дворец не пойду. Пойду лучше на свидание к твоему папе. В конце концов, «Кипарис» не больница.

— Но ведь Корней не велел тебе приходить,— сказал я.

— А я и не пойду. Папу кто-нибудь вызовет, и мы погуляем до ужина.

— Он после упражнений, наверно, очухаться никак не может,— сказал я.— Лучше дай ему отдохнуть.

— Надо его морально поддержать! — Мама красиво причесалась, надела новое белое платье в красную горошину и пошла к папе.

21

Анфиса Николаевна поливала огурцы. Потом она села на скамеечку, о чём-то стала думать и спросила сама себя:

— Но что же было потом?.. Что же было потом?

Я не мешал ей думать и вспоминать, походил и посмотрел на цветы, полил колючую лепёшку какту-

са с маленькими кактусятами на макушке, а Анфиса Николаевна всё сидела на скамейке и вспоминала.

Меня, если я очень хочу что-нибудь вспомнить, но не могу и места себе от этого не нахожу, мама или папа обычно чем-нибудь отвлекают. Поэтому я подошёл к Анфисе Николаевне и сказал:

— Я сегодня на улице хотел спать, а вдруг стало холодно. В Москве так не бывает.

Она посмотрела на меня, как будто не узнавала, и рассеянно переспросила:

— Как... как ты сказал?

— Я говорю: вдруг стало холодно,— повторил я.

— Да... да... В Крыму это бывает... Холодно, говоришь?

— Слегка. Всё равно я на улице буду спать,— сказал я.

— Ой... вспомнила! — словно не веря себе, тихо воскликнула Анфиса Николаевна.— Вспомнила! — Она меня поцеловала, обняла и вдруг заплакала, потом вытерла глаза платком и сказала:— Не обращай внимания. Это я от волнения. Сегодня я всё окончательно проверю. Только вы с мамой ничему не удивляйтесь.

— Вы заступитесь, если мама не разрешит мне спать на улице? — спросил я.

— Будь уверен,— пообещала она, и я, несмотря на то что больно жгло плечи и поги и ныла голова, начал устраивать сигнализацию и ловушки.

22

Из маминой дорожной коробки я достал две катушки ниток и натянул нитки так, что грабитель, подойдя к огуречным грядкам с любой стороны, обязательно должен был за них зацепиться. А концы ниток я решил привязать к большим пальцам на обеих ногах. Вдруг я усну? А так меня дёрнет за по-

ги, я проснусь, заколочу палкой по пустому ведру и подниму тревогу. Палку и ведро я поставил около раскладушки.

Затем я наладил сигнализацию, которая, сработав, наделала бы много шума. У меня были с собой четыре ненадутых шара: зелёный, два красных и синий. Я их надул и положил в ямки под оградительной ниткой, с одной стороны грядок и с другой. А над шарами пристроил по доске с гвоздиками. Если бы грабитель, по моему расчёту, наступил на неё, шары бы бабахнули, а мы, пока он не успел опомниться, поймали бы его на месте преступления.

Потом я замотал Кышу голову мокрой тряпкой, чтобы она у него меньше болела.

В это время Анфиса Николаевна зачем-то развесила на верёвке тёплые вещи: байковое одеяло, варежки и пушистый платок. Я подумал, что она решила посвятить вечер борьбе с молью, и сказал:

— Наша бабушка клала в шкаф ветки полыни, и моль туда не залетала. Вы тоже так сделайте.

Но в ответ Анфиса Николаевна как-то странно сказала, скорее сама себе, чем мне:

— Сегодня прохладный вечер... Значит, будет холодная ночь... холодная ночь...— И добавила:— Не удивляйся, Алёша. Я всё делаю, как надо...

23

Вскоре пришла мама. Оказывается, пока она прогуливалась еле ходившего из-за ломоты в костях папу, в «Кипарисе» произошёл отвратительный случай.

Папин сосед Федя, очень полюбивший кипарисовского павлина, заметил, что в павлиньем хвосте не хватает двух самых красивых перьев. Его все подняли на смех, но Федя клялся, что у него прекрасная наблюдательность и ошибка исключена.

После ужина Анфиса Николаевна спросила у мамы:

— Ирина, у вас с собой нет свитера? Желательно мужского.

— Конечно, есть. Я сама его вязала,— сказала мама, достала из чемодана папин белый в синюю широкую полоску свитер и поинтересовалась было, за чем он понадобился. Но Анфиса Николаевна только ответила:

— Спасибо. Не волнуйтесь за него! — и зачем-то повесила свитер рядом с байковым одеялом.

Потом я незаметно от мамы попросил дать мне и Ышу димедролу от перегрева. Анфиса Николаевна удивилась, что я правильно назвал лекарство, и выдала нам две таблетки.

После этого Анфиса Николаевна сказала, что, к большому своему сожалению, должна оставить нас одних и идти на дежурство. И, уговорив маму разрешить мне спать на улице, потому что почпой воздух Ырыма — эликсир от всех болезней, ушла на дежурство. Но перед тем, как закрыть за собой калитку, обернулась, посмотрела на развешанные тёплые вещи и сказала:

— Просто невозможно поверить... Но я верю!

Таблетку для Ыша я растолок в большой ложке, размешал с водой, посадил его на колени, разжал зубы и влил лекарство подалыпе в горло, чтобы он его не выплюнул. Влил и сразу же дал заесть лимонной долькой. Ыш немного пофыркал, покашлял, помотал головой, но дольку съел.

Я тоже выпил таблетку и лёг. Луны в небе не было, и оно испугало меня своей чернотой. И в этой чёрной пустоте стояли, не мешая друг дружке, яркие звёзды. Вдруг я увидел, что одна звезда стронулась с места и плавно полетела к Большой Медведице.

Я крикнул:

— Мама! Смотри! Звезда летит! Прямо над чинарой.

— Ты меня напугал,— сказала мама, выглянув в окошко.— Это не звезда, а спутник.

- Какой?
— Наш «Космос», — сказала мама.
— Как это ты определила? — спросил я.
— Ты узнаёшь марки автомашин, а я — спутников.
— Ладно, ладно! — сказал я. — Меня не обманешь. Спокойной ночи!
— Я просто мечтаю о том, чтобы она была спокойной, — помечтала мама. — Только бы не было ночного боя с Волной!
— Пусть попробует напасть на большую собаку! Я ей задам! — сказал я.

24

Утром меня разбудила мама. Я не сразу сообразил, почему это настало утро. Ведь мне не снились этой ночью сны. Я пошевелился. Плечи и ноги почти не жгло.

— Алёша, открой глаза! — тревожным голосом говорила мама. Я открыл глаза. — Тормошу тебя целых пять минут! Вставай! Нас обокрали!

Я мгновенно вскочил с раскладушки, протёр глаза и хотел бежать к огурцам, но мама остановила меня:

— Смотри! Ни папиного свитера, ни одеяла, ни платка — ничего нет! А мы спали как убитые! Тебя самого могли унести!

— Куда? — спросил я для того, чтобы что-то сказать.

— Не задавай нелепых вопросов! Где Ыш? Боже мой! Его тоже нет! Ыш! Ыш!.. Всё! Я говорила, что собаку нужно оставить в Москве?

— Говорила, — сказал я и заглянул под раскладушку.

Ыш спал так же, как вечером, свернувшись в калачик. Он вроде бы не дышал. Я дотронулся до него. Он не вздрогнул и не пошевелился.

— Ыш! — позвал я.

Никакого ответа. Я поднёс к его влажному носу кость.

— Сторож называется,— сказала мама.— Хорошо хоть, что самого не унесли!

Я вытащил Къша за две лапы из-под раскладушки, подул ему в ухо, и только тогда он, сладко зевнув, взвизгнул, открыл один глаз, удивлённо посмотрел на нас с мамой, встал и изогнулся потягиваясь. И, завилыв хвостом, откинул с глаз чёлку. Я понял, что он выздоровел.

— Что теперь делать? — спросила мама.

Я побежал к огурцам и удивился, убедившись, что нитки целы-целёхоньки, шары надуты, а огурцы не тронуты.

— Нам ещё повезло. Моя сумка с деньгами лежала на открытой терраске,— сказала мама.

Вдруг щёлкнул замок в калитке. И по дорожке быстро пошла к дому Анфиса Николаевна. За ней вприпрыжку неслась кошка Волна.

— Вот... всё унесли,— виновато сказала мама.

— Теперь я верю... Я знаю... Это ОН! — сказала Анфиса Николаевна.— Не беспокойтесь про свитер. Я возвращу его вам... Только ни о чём не спрашивайте. Умоляю вас! Ладно?

— Вы успокойтесь... На вас лица нет,— сказала мама.— Идёмте пить чай.

И только она сказала эти слова, как в утренней тишине нашего сада раздался самый настоящий взрыв. Женщины вскрикнули, а Къш припал от страха к земле. И на моих глазах Волна с душераздирающим «мя-яу», подпрыгнув на немыслимую высоту, зацепилась лапами за ветку персикового дерева и повисла на ней. Я понял, что Волна, обходя стороной Къша, напоролась на мою воздушно-шаровую сигнализацию. Два шара, проколотые гвоздиками, взорвались и всех напугали. Къш, однако, не стал лаять на Волну. Он сам испугался взрыва.

— Да-а...— задумчиво сказала мама.— Отдых!

Когда мы пили чай, я заметил, что она о чём-то хмуро думает и что настроение у неё по-прежнему тревожное...

После завтрака Анфиса Николаевна проверила мою кожу, пощупала лоб и обрадовалась, что у меня ничего больше не болит, а лишь темного щиплет ноги.

— Мы с Кышем спали как убитые и ничего не слышали,— сказал я.

Анфиса Николаевна ответила:

— Это и к лучшему. Димедрол — лёгкое снотворное. Но и без таблеток вы не проснулись бы... Этот человек — большой мастер бесшумной работы... Но ты тоже до поры до времени ни о чём больше меня не спрашивай. Ладно?

— Ладно,— неохотно сказал я.

25

Я помог маме помыть посуду, и мы пошли гулять. День был пасмурным. Ай-Петри заволокли чёрные тучи, и деревья раскачивал ветер.

Папа, как и обещал маме вечером, ждал нас около входа в «Кипарис». Он от нечего делать протирал носовым платком глаза мраморному льву.

— Привет! — сказал он. — Как дела?

— Нужно переехать! — сказала мама. — Ночью с верёвки утащили зимние вещи и твой свитер... Он тоже висел на верёвке.

— То есть почему он там висел? — возмущённо спросил папа.

— Теперь поздно думать, почему твой свитер висел на верёвке. Анфиса Николаевна милая и добрая, но мне страшно. Я не понимаю, что происходит... Я боюсь... По-твоему, я отдыхаю?

— Во-первых, нужно взять себя в руки! — сказал папа, пристально глядя на маму.

— Тебе хорошо советовать! Ты здесь набираешь-

ся сил и здоровья, а мы теряем последние остатки! — всхлипнула мама.

— Ирина! Возьми себя в руки! — ещё раз тихо и твёрдо сказал папа.

— Взяла, — сказала мама. — А что ты скажешь вот на это: Кыш, который обычно чует во сне полёт пушинки, ночью, когда вещи снимали с верёвки, даже ни разу не тявкнул. Утром его насилу разбудили! И Алёша спал как убитый. И я — тоже.

— Ничего удивительного: крымский воздух свалил вас паповал, — объяснил папа.

— Мне кажется, что вся эта чертовщина не кончилась, а только начинается. Я предложила заявить в милицию, а Анфиса Николаевна в ответ засмеялась и говорит: «Ни в коем случае! Я во всём должна убедиться сама. Или — или! Через три дня всё выяснится!» Что ты на это скажешь?

— Странно, конечно. Но я что-нибудь придумаю, — пообещал папа и заторопился. — Алексей, будь мужчиной. Кыш! Если ты ещё раз просишь ограбление, я отдам тебя в цирк! Пока! Я на процедуры! — Он погладил маму по щеке и убежал.

Мне показалось, что ему понравилось бегать.

— Алексей! Я буду ждать тебя в машине! — обернувшись, крикнул папа.

— В какой машине тебя будет ждать папа? — спросила мама. Я молчал. — Ах так? Значит, у вас от меня есть секреты? Вы собираетесь ездить над пропастью по горным дорогам?

Меня прямо разрывало на части. Ведь папа просил не говорить маме, что он на десять минут раньше вылез из машины времени, а с другой стороны, мне не хотелось маме врать, когда она и так встревожена ночным происшествием.

— Мам, ты не волнуйся, машина стоит на одном месте, — сказал я и уже не мог удержаться: — Но это машина времени, а не «Волга» и не «Москвич». Честное слово!

И я рассказал, как папа потел, пыхтел и мучился во время силовой процедуры и как я досрочно перевернул песочные часы.

— Ни в коем случае больше этого не делай! — велела мама и вдруг засмеялась: — Я попрошу Корнея Викентича увеличить твоему отцу нагрузки. А теперь идём звонить в Москву.

26

Пока мама разговаривала по телефону со своей подругой Люсей, мы с Кышем сидели под огромной чинарой. На стволе её виднелись свежие, вырезанные ножом слова: «Славные парни из Тулы. 1973». И вдруг я придумал, что нужно сделать!

Ведь наверняка любители оставлять в Крыму свои фамилии действуют по ночам или на рассвете, когда все спят! Они тайком забираются с баночками краски и кисточками на прибрежные скалы и, дрожа от страха, малюют имена, фамилии, названия городов, институтов и дурацкие слова вроде: «Дышите глубже, братцы! Вострецов».

Значит, нужно действовать лунной ночью или на рассвете! И, конечно, сообща с ребятами из патруля! Нужно застать на месте преступления хотя бы одного дикаря и показать Корнею Викентичу, потому что он говорил, что не встречал таких людей ни разу в жизни! Это будет операция «Лунная ночь».

27

— Ты не трусь, — сказал я маме, когда мы шли через парк к морю. — Через три дня Анфиса Николаевна всё выяснит. И мы будем спокойно отдыхать и купаться... Кыш! Фу! Иди сюда!

Я увидел, как Кыш зашёл на газон, взял в рот вилку с улиткой и хотел её раскусить. Услышав «Фу!», он выронил улитку изо рта, стал лапой

кидать её по газону, как шайбу, и ко мне идти не собирался. Ему интересно было выманить улитку из домика. И вообще он был весел, приветливо заглядывал в лица прохожих, здоровался с собаками и радовался, когда ветер откидывал чёлку с его глаз. Ведь прохладу он любил больше, чем жару. И разве мы с мамой могли представить, что через каких-то полчаса он очутится на краю своей гибели...

Мама несколько раз собиралась сходить со мной на пруды посмотреть белых и чёрных лебедей, осетров и золотых рыбок, но мы почему-то попадали не на те дорожки и приходили в другие места парка. И на этот раз мы вышли не к прудам, а к береговым скалам.

На них с грохотом одна за другой накатывались волны. Над ними, словно после взрыва, к небу поднимались брызги, и ветром до нас доносило водяную пыль. А после удара волны наступала тишина, и в тишине хорошо было слышно шипение пены и приятный скрежет камешков, откатывающихся обратно в море.

— Но это ещё не шторм,— сказала мама.— Шторм будет ночью.

— Мама, может, сократим папипо катание в машине? — спросил я, посмотрев на мамины часы.

— Ни в коем случае. Пойдём на пляж!

23

Мы вдоль моря прошли к лечебному пляжу. «Кипарисники» не купались, а принимали воздушные ванны. Папин лежак пустовал.

— Он в машине, воп там,— сказал я.— Давай подойдём и поговорим.

— Мы должны помогать нашему отцу, а не оказывать ему медвежьи услуги,— ответила мама, но я-то знал, что папа ждёт моего прихода, и чувствовал себя неловко.

Мы пошли на дикий пляж, посидели на лежаках, а Ёыш, осмелев, начал заигрывать с волной. Когда она откатывалась, он бежал за ней следом по мокрой гальке и грозно лаял, как будто именно от него, шипя и ворочая камешки, волна убежала в море.

А когда она снова накатывалась, он молча со всех ног мчался ко мне, забегал за спину, просовывал морду под мышку и выглядывал, выжидал и снова с лаем бросался волне вдогонку...

Потом я сказал маме, что пойду и спрошу Федю про то, как он подружился с охотничьим псом.

— Иди, а я немного почитаю,— разрешила мама.

Всё-таки я подошёл к павильону силовых процедур и спросил у сестры, в машине ли папа.

— Асанами занимается. Налево площадка,— сказала она.

Я зашёл за угол и увидел на площадке, выложенной простыми досками, за небольшим ограждением папу и ещё трёх членов экипажа машины времени — толстяков Левина, Осипова и Рыбакова.

Они сидели на досках, положив на колени руки, и, полузакрыв глаза, как-то странно дышали.

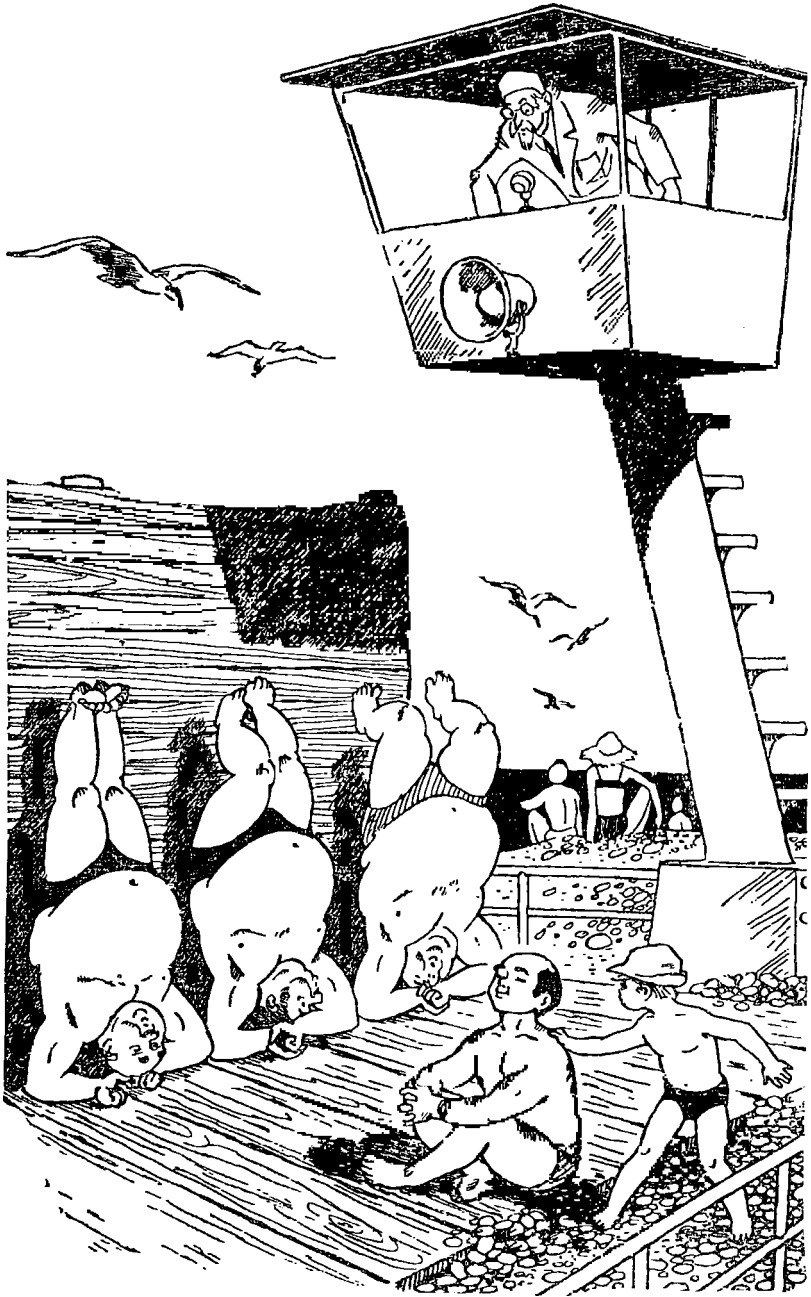
Папа носом, с лёгким свистом, втягивал в себя воздух и немного погодя, сложив трубочкой губы, выпускал. Остальные — тоже. И так несколько раз. А Корней Викентич по радио давал указания:

— Следите за дыханием!.. Ритмичней!.. Вдох!.. Пауза!.. Выдох! Сероглазов! Сливайтесь мысленно с бытием! Так! Радуйтесь каждой клеточкой вашего тела!

Мне показалось, что на папином лице застыла улыбка, которой я раньше никогда не замечал.

— Меняем позу! — дал указание Корней Викентич, и я наконец увидел, откуда он говорит. Это была застеклённая, возвышавшаяся над пляжем, словно капитанская рубка, кабина.

Трое толстяков, папиных соседей, вдруг встали

около стенки на головы, причём им не сразу это удалось, а папа продолжал сидеть с застывшей на лице немного глупой улыбкой.

— Сероглазов! Принимайте следующую асану! Вы что, попали в нирвану? Вы слышите меня? — Папа сидел на месте и улыбался. — Молодой человек! Выведите, пожалуйста, вашего папу из нирваны!

Сообразив, что Корней Викентич обратился ко мне, я залез на площадку и стал расталкивать папу:

— Проснись! Выходи из нирваны! Папа! Папа!

— Что?.. Что?.. Ах да! — Папа вдруг вскочил с места, подбежал к стенке и с четвёртой попытки встал вверх ногами, а я подошёл и спросил:

— Скажи, пожалуйста, что такое «асана»?

— Это положение, в котором я нахожусь в данный момент, — ответил папа, и голос у него, оттого что он стоял на голове, был каким-то странным.

— А что такое «нирвана», в которую ты впадал?

— Нирвана — по-индийски «блаженство». Сию секунду уходи! Мне же тяжело говорить! — взмолился папа, и я от него отошёл.

В этот момент Корней Викентич объявил по радио:

— Внимание! Собака в море! В море тонет собака! Где спасатели? Молодой человек! Это, по-моему, ваша собака!

29

Я бежал к берегу, стараясь разглядеть в волнах Къша, и одновременно искал глазами лодку, или катер, или спасательный круг.

— Собака за волноломом! Прямо за волноломом! — сказал по радио Корней Викентич.

Меня обогнал Федя. Он выбежал на край волнолома, подождал, когда накатит волна, и нырнул через белую стенку брызг в воду. И тогда с волнолома я увидел маленького серого Къша. Он плыл не к берегу, а наоборот, в море, волны поднимали его и

бросали вниз и несколько раз накрывали, но он выплывал, встряхивал головой и, наверно выбиваясь из последних сил, плыл дальше.

Я не помню, кричал я ему или нет. Я только молил про себя: «Держись, Кыш... Не захлёбывайся... Держись... Ещё немного... Вон плывёт Федя... Он спасёт тебя!»

Федя плыл быстро-быстро, нагнув голову и так сильно работая ногами, что за ним, как за катером, тянулся белый бурунчик.

Он был совсем близко от Кыша, рукой подать! Он схватил бы его за уши, но в этот момент барашек волны ударил Кыша прямо в нос, накрыл с головой, и Федя не мог понять, где он. Тут я закричал от ужаса, на секунду зажмурился, и меня кто-то взял на руки. Когда я открыл глаза, сидя на руках у папы, в море не было видно ни Феде, ни Кыша.

— Тихо, тихо... Не кричи... Успокойся,— сказал папа.

И вдруг Федя вынырнул с Кышем в одной руке, хватанул ртом воздуха и лёг на спину отдышаться, держа мою любимую собаку над собой.

Я заревел от счастья и от благодарности Феде.

Он плыл к берегу то на спине, то на боку, перекладывая Кыша из одной руки в другую, и мне видно было с волнолома, как мокрый, жалкий, худенький Кыш дрожит с головы до ног от холода и пережитого страха.

А волны были такими большими, что выбраться на берег было не просто.

Вот огромная волна бросила их обоих к берегу, но Федя не плыл, а просто, держась на воде, ожидал другую волну. На её гребне он и влетел вверх торшашками на гальку и, когда волна ещё не совсем схлынула, отбросил Кыша подальше от себя.

— Кыш! Кыш! — закричал я и, спрыгнув с папиных рук, побежал по волнолому ему навстречу.

Не успевшего ещё ни разу встряхнуться, я его

обнял и прижал к себе, чтобы согреть, и, всхлипывая, говорил:

— Дураша... Ну как же ты так, дураша?

Нас обступили отдыхающие, папа тряс Феде руки, а Корней Викентич, прибежав, спросил у меня:

— Каким образом собака очутилась в море?

— Не знаю. Я не видел... Я же выводил папу из... этой... нирваны,— сказал я.

И тут Торий спокойно рассказал всем, как Ышп запрыгнул на волнолом и подошёл к самому краю. Конечно, первая же волна затопила с боков волнолом и унесла Ышпа в море незаметно для него самого.

— Очевидно, для того, чтобы не попасть под удар о бетон, собака поплыла подальше в море,— кончил свой рассказ Торий.

— Почему же вы сразу не подняли тревогу? — спросил его Милованов.

— Стояли и созерцали! — зло добавил Василий Васильевич.

— Я считал, что в этом нет никакой необходимости. Животные руководствуются инстинктом и спасаются обычно без помощи человека,— сказал Торий.— Тем более, пёс умеет плавать.

Милованов и Василий Васильевич, ничего больше не сказав, посмотрели на него и отошли в сторону.

— Внимание! Всем продолжать приём воздушных ванн! — сказал Корней Викентич.— Сероглазов и компания, прошу на площадку йогов! А вы,— он подошёл ко мне,— возмутительно бросаете на произвол судьбы собаку. Идёмте, я дам вам обоим валерьянки!

— Алёша, сегодня у меня с тобой и мамой будет очень серьёзный разговор,— злоеце тихо сказал папа.— Кстати, где она?

— Она осталась читать. И Ышп был с ней,— сказал я.

Папа, заиграв желваками, ушёл. Я хотел по-

благодарить Федю, но не увидел его. Он куда-то пропал.

Корней Викентич дал мне в медпункте вышить каких-то капель. Потом влил такие же в горло Кыша и, кроме того, поднёс ему к носу ватку с нашатырём. Кыш всё ещё дрожал у меня на руках и повизгивал.

— Корней Викентич,— сказал я,— я вас буду любить и уважать, даже когда постарею. И Кыш тоже. Не ругайте нас. Я обязательно сделаю вам что-нибудь приятное. И Кыш тоже.

— Я вас ругать не буду,— сказал Корней Викентич.— Но очень прошу не мешать моей трудной работе с вашим папой, находящимся в весьма плачевном состоянии. Идите — и впредь осторожней с морем.

— До свидания! Спасибо вам. Мы больше не будем. А можно мне иногда смотреть, как папа стоит на голове? — спросил я.

— Иногда можно... но исключительно иногда,— разрешил Корней Викентич, закашлялся, закрылся платком, плечи у него затряслись, и мы ушли.

30

Феди всё так же не было ни в море, ни на его лежаке. Я побежал с Кышем на руках к маме. Оказывается, она крепко спала, подложив под щёку книжку, и ей не мешал шум моря и кричащие рядом мальчишки. Наверно, Кышу стало скучно, когда она уснула, и он пошёл самостоятельно погулять. И чуть-чуть не догулялся. Я обрадовался, что мама ничего не знает о случившемся, и решил всё от неё скрыть. Она и так достаточно переволновалась за эти дни.

Ко мне подошли мальчишки и девчонки из пионерского патруля.

— Бедняга! — сказала девчонка, погладив Кыша по голове, и он лизнул ей руку.

«Значит, добрая», — подумал я.

— Теперь ему никакой шторм не страшен! — сказал один из мальчишек, а тот, у которого был бинокль, посоветовал мне сделать медаль, написать на ней «За спасение утопающего друга людей» и подарить Феде.

Мне сразу ещё больше захотелось с ними подружиться, хотя все они были старше, и я спросил:

— Знаете, что такое операция «Лунная ночь»?

— Выкладывай! — велел мальчишка с биноклем.

— Только отойдём в сторонку, — предложила девчонка.

Но перед тем, как рассказать им про мой план поимки варвара, я спросил, как их зовут.

Худого, белобрысого, но очень загорелого мальчишку звали Севой, другого, с биноклем, — Симкой, а девчонку — Верой.

— А как твоё полное имя? — спросил я у Севы.

— Севастополь. Дотошный ты человек! А его — Симферополь. Мы близнецы... Рассказывай.

Я выложил им всё про ночную засаду и предложил взять с собой фотокорреспондента. А ещё лучше — послать телеграмму в «Фитиль», чтобы приехали с кинокамерой, и мы бы все вместе застукали «художников».

— Нужна твоя операция «Фитилю»!..

— Одного или двух поймаем, а сотни будут себе разрисовывать наш Крым, как раньше! Мы хотим обезвредить типов почище твоих рисовальщиков.

— Ну, а что вы на это скажете? — Я, в отчаянии от того, что они не заинтересовались моим планом, сообщил:— У павлина из хвоста украли два пера! Они считаются драгоценными...

— Ка-ак? — ахнули все трое разом.

— Вот так,— довольный, что их проняло, сказал я.— Федя, который спас Кыша, специально их вчера сосчитал, а сегодня двух недосчитался.

Оказывается, кипарисовский павлин, которого звали Павликом, был подшефным животным пятого класса. Они изучали его повадки, характер, составили «график распускания хвоста» и выяснили много интересного. О жизни Павлика было написано сочинение, которое так и называлось: «Жизнь павлина». Для него ребята сами построили летний дом, а зимой он жил в закрытой оранжерее...

— Я наизусть знаю все его пёрышки! — сказала со слезами на глазах Вера.— Надо их пересчитать. Вдруг ошибка?

— Это мы так не оставим! — сказал Симка.

— Раз уж он два пера выдрал, то ему ещё захочется. Надо около Павлика поставить пост,— предложил Сева.

— Только посекретней, чтобы не спугнуть того типа,— сказал я.— Кыш у меня — ищейка. Если нужно, он с удовольствием пойдёт по следу.

— Спасибо, Алёха,— сказал Симка.— Мы к тебе придём.

— А вы знаете, где я живу? — спросил я.

— Ха-ха! — ответила Вера. — Мы всё знаем.

Они забрали свои маски и ласты и ушли, а я пошёл будить всё ещё крепко спавшую маму. Ыш поднялся по лесенке и ждал нас наверху, подальше от моря.

31

Когда мы возвращались домой, к нам подошли две девушки и сказали, смотря на Ыша:

— Простите, это он? Тот самый?

— Бедняга!

— Молодец!

— Я бы на его месте умерла от страха!

Мама слушала все эти слова, ничего не понимая, и в конце концов мне пришлось рассказать ей, как волна смыла Ыша в море и как Федя мужественно спас его в самый последний момент от верной гибели.

Несмотря на то, что всё страшное было уже позади и Ыш, просохший на ветру, бежал рядом с нами и радовался жизни, на маме после моего рассказа лица не было от переживания.

— Это я его проспала... Я этого себе не прощу, — сказала она.

— Ты ни при чём. Он сам виноват. С морем не шутят, — успокоил я её. — Вот, допустим, ты отвернёшься сейчас, а я возьму и спрыгну с мостика вниз. Ведь это же я буду виноват, а не ты. Верно?

— От твоих примеров мороз по коже продирает, — сказала мама. — А главное, меня пугает то, что каждый день происходит что-нибудь необъяснимое и странное.

Когда мы вернулись, Анфисы Николаевны не было дома. Кошка Волна спешила долакать из своей миски молоко. Я видел, как Ыш направился к Волне, виновато опустив голову и виляя хвостом. А Волна, изогнувшись, шипела, как будто остужала горячее молоко, и от миски отходить не собиралась. Ыш

присел метрах в двух от неё и что-то миролюбиво проскулил. По-моему, он рассказал Волне, как чуть-чуть не погиб и что жизнь, оказывается, так прекрасна, что по сравнению с ней все их войны — чепуха и что нужно дружить и радоваться.

Волна, перестав шипеть, с большим удивлением слушала Кыша, а он, чтобы она не испугалась, пополз на животе к миске. Волна запесла было лапу, чтобы смазать Кыша по носу, но передумала, попятилась назад, а Кыш спросил у неё:

«Можно, я попою молока? Тут темного совсем осталось. Ведь мне сегодня было так страшно!»

Мы с мамой, стараясь не расхохотаться, наблюдали за ними и старались угадать, чем всё это кончится.

Волна, давая понять Кышу, что ей молока ни капельки не жалко, присела в сторонке, готовая в любой момент улизнуть. Я понимал, что кошка — это не собака, и так вот сразу подружиться с Кышем не может и что она всё ещё подозревает его в коварстве.

Долакав молоко, Кыш улёгся недалеко от Волны и с полным доверием к ней закрыл глаза: ему захотелось спать.

— Вот видишь, — сказал я маме, — они почти помирились и, может быть, теперь не будут устраивать ночью шурум-бурум.

— Посмотрим... посмотрим, — вздохнула мама.

32

После обеда мы гуляли по Алушке, и мама купила мне тёмные очки. Но смотреть сквозь них на Ай-Петри, деревья, цветы, и небо, и море мне не хотелось. Мне приятно было видеть всё в настоящем свете...

Потом мы поднялись к Верхней дороге. Под нами зеленели виноградники, а в них серели бетонные

столбы, похожие на противотанковые надолбы. Над Ай-Петри всё ещё хмуро висели клочья чёрных туч. Погуляв как следует, мы спустились вниз и вышли на Верхнюю дорогу, когда в Алушке загорелись первые огоньки.

Подойдя к дому, я увидел почему-то убежавшего от нас по Светлой улице папу и крикнул:

— Папа! Ты куда? Папа!

Тогда он развернулся, побежал нам навстречу и, подбежав, спросил:

— Зачем ты кричишь на всю улицу?

— А зачем ты от нас убегаешь? — сказала мама.

— Я убегаю не от вас, а от инфаркта, инсульта, атеросклероза и прочей дряни, — объяснил папа, — и, главное, мне это начинает нравиться. Честное слово!

— Скоро ты станешь абсолютным чемпионом мира по бегу от инфаркта, — сказала мама папе, открыв калитку.

Они сели на лавочке перед домом, а меня мама попросила поставить чайник и накрыть на стол. Это означало, что у моих родителей секретная беседа. Я обиделся и, чтобы не думали, что я подслушиваю, включил радио, накрыл на стол и начал красными чернилами сочинять письмо Снежке. Я почти успел написать о спасении Кыша. Отвлёк меня папа. Он стал рассказывать по комнатам и долго рассматривал военные фотокарточки Анфисы Николаевны. Маме уже при мне он сказал:

— Успокойся. Странного действительно произошло более чем достаточно. Но мы иногда не понимаем других людей, не понимаем их поступков, а потом всё очень просто объясняется. Подождём ещё три дня.

— Тебе хорошо. Ты не с нами. А я теперь боюсь любого шороха. Мне не нужен такой отдых! — сказала мама.

— Ирина, тебе нужно убежать от нервного состояния. Каждый день по полчаса, — сказал папа. —

Между прочим, у нас в палате тоже напряжённейшая атмосфера, а я не раскаиваюсь.

— Почему напряжённейшая атмосфера? — тут же спросил я.

— Торий и Федя цапаются, как кошка с собакой. Спорят о красоте. Это раз. Затем подозрительно ведут себя Василий Васильевич и Милованов. Между прочим, все они, кроме Тория, мне глубоко симпатичны.

— Расскажи, почему они подозрительно себя ведут? — попросил я.

— Пожалуйста, не забивай ему голову всякими подозрениями, — сказала мама папе. — Он и так вообразил себя сыщиком.

— А проспал всё на свете, — усмехнулся папа. — Даже мой свитер.

Он вдруг посмотрел на часы, снял на наших глазах ботинки и брюки и в той же самой позе, что утром на площадке, поджав под себя ноги по-турецки, сел прямо на пол. При этом он со свистом вдыхал воздух носом, а выдыхал ртом. Папин взгляд был устремлён мимо нас с мамой куда-то вдаль. Потом, снова взглянув на часы, папа неподвижно растянулся на полу. Потом встал около стены на голову, продолжая странно дышать и блаженно улыбаться. Мама, сжав руками щёки, наблюдала за ним.

В этот момент возвратилась домой Анфиса Николаевна. Она ни капли не удивилась, увидев стоявшего вверх ногами папу, и сказала:

— Добрый вечер! Продрогла. Хочется чаю. Покрепче.

— Извините, — сказал папа, встав с головы на ноги.

— Ну что вы! Системой Корнея Викентича меня не удивишь, — ответила наша хозяйка.

После этого, отказавшись пить чай, папа побежал на ужин.

А мы с Анфисой Николаевной ужинали молча и,

наверно, думали об одном и том же: что же нас ожидает через три дня, и скорей бы уж они прошли.

Ночью я спал в комнате. Ложиться на улице мама мне категорически запретила. Кошка мирно улеглась на подоконнике, а Кыш под раскладушкой. Он будил меня несколько раз, потому что ворочался всю ночь и повизгивал: конечно, ему спилось, как огромная волна уносит его в открытое море и он идёт ко дну в вечную темноту, всё глубже и дальше от солнца и синего неба.

33

Рано-рано утром Кыш залаял и разбудил меня окончательно. Он просил выпустить его на улицу прогнать кого-то чужого. Я велел Кышу помолчать и дать поспать маме с Анфисой Николаевной и вышел вместе с ним из дома.

— Алёшка!

— Иди сюда! Быстрей!

Я по голосам узнал Севку и Симку. Веры с ними не было.

— Послушай, сможешь днём подежурить вместо Верки? А она сбегает пообедать,— спросил Сева.

— Смогу,— ответил я, даже не поинтересовавшись, где дежурит Вера.

— А мать тебя отпустит? — спросил Симка.

— А почему же не отпустит? — сказал я уверенно.

— Верка лежит в засаде и охраняет Павлика,— объяснил Сева.— Ты примерно в час дня сменишь её. Верке инструктировать тебя будет некогда. Так что учти: если заметишь, как кто-нибудь сделает попытку вырвать у Павлика перо из хвоста, так сразу фотографируй и убегай. У неё там есть «Зоркий» и вспышка. Понял?

— Понял. А бинокль вы мне дадите? — сказал я.

— Насмотришься в другой раз.

— А вы сами куда идёте? — спросил я.

— Не задавай лишних вопросов. Дотошный ты человек, — ответил Сева.

Они ушли. Я проверил заграждение около огурцов. Всё было на месте. И нитки, и оставшиеся два шара.

— Вот так, Кыш, — сказал я, решив убрать шары и нитки. — Зря мы огород городили. Это преступление так и будет нераскрытым.

После завтрака мама сказала Анфисе Николаевне:

— Прямо не верится, что ночь прошла спокойно. По-моему, если написать в «Юный натуралист», как Кыш подружился с кошкой... честное слово, не поверят!

— Но ведь дружит в зоопарке собачка со львом, — сказал я. — И он её не ест вот уже сколько лет.

— Зоопарк — другое дело. Там, возможно, звери дружат от тоски, — объяснила мама.

Анфиса Николаевна, позавтракав, сказала маме:

— Вы, наверно, пойдёте гулять? А я возьмусь за обед.

— Но ведь у нас есть обед! — удивилась мама. — И борщ и котлеты с тушёной капустой. Даже кисель есть!

— Я должна приготовить другой обед, — сказала Анфиса Николаевна.

Мама обиженно промолчала и стала собираться. Тогда Анфиса Николаевна обняла её за плечи и успокоила:

— Ириша, вы чудо, а не повариха. Не обижайтесь. Я ничего не могу объяснить, но мне нужно приготовить другой обед. Без тушёного мяса... без киселя... Обед невкусный, но единственно необходимый. И потом, я вас очень прошу: не возвращайтесь до четырёх часов. Ладно?

— Понимаю... понимаю,— сказала мама.

Но я был уверен, что она ничего не понимает так же, как и я, и по дороге на почту спросил:

— Может, она после войны такая... странная?

— Нет. И как тебе не стыдно так думать? Я и сама ничего не понимаю.

— А почему ты сказала, что понимаешь?

— Из чувства такта. Вот почему.

— Что значит «чувство такта»? — спросил я. — Это когда говорят неправду?

— Господи! Почему я не уехала одна в какую-нибудь глушь! Я же имею на это право раз в году! — вместо ответа на мой вопрос с отчаянием воскликнула мама, и я решил её не спрашивать больше во время отпуска ни о чём.

34

У подъезда почты я увидел пойнера Норда. На нём был новый кожаный ошейник с медными пластинками, и сам Норд выглядел помолодевшим и весёлым. Ёш подошёл, обнюхал этот ошейник и посмотрел на меня:

«Я хочу такой же! Мой старый и некрасивый!» — означал его взгляд.

— Не завидуй. Зависть — плохое чувство. Так нас учат в школе, — сказал я Ёшу. — Стыдно. Сиди здесь и пикуда не уходи. И вообще падо уметь носить вещи! Ошейники прямо горят па тебе!

На почте меня сразу окликнул Федя:

— Привет! Вот почитай, что я втолковываю своей жене. — Он протянул мне листок с текстом телеграммы. — Пошло «молнией».

— «Фантастических обстоятельствах приобрёл пойнера трёхлетку кличке Норд масти какао крошками снега утки озере наши люблю никогда целую либо семьи Ёшкин», — прочитал я медленно вслух и,

не поняв конца телеграммы, спросил: — Что значит: «Люблю никогда целую либо семьи»?

— В телеграмме, — объяснил Федя, — особенно в «молнии», слова надо пропускать, экономить денежку. Вот и получится: «Люблю, как никогда. Целую крепче, чем когда-либо, глава семьи Ёшкин». Ясно?

— Здорово! — засмеялся я.

К нам подошла мама, получившая денежный перевод с работы, и сказала Феде:

— Здравствуйте! Спасибо! Мы никогда не забудем того, что вы сделали для Кыша и для всех нас. Ведь это я виновата. Я его проспала. Спасибо!

Федя до того засмутился, что как-то весь согнулся, пробормотал:

— Я что... Долго ли умеючи... — и пошёл к окошку телеграфа.

35

— Что мы будем делать до четырёх часов? — спросила у меня мама. — Купаться нельзя. Слышишь, море шумит? И холодно. Всё одно к одному! Всё как назло!

— Ну чего уж такого плохого случилось? — сказал я. — Ещё у тебя весь отпуск впереди. И выспалась ты сегодня.

— Первый раз за несколько дней... Поедем на теплоходе в Никитский сад! Прекрасная идея! Там и пообедаем в шашлычной. Едем!

Я обрадовался, потому что мама ещё в Москве много раз рассказывала по фотокарточкам о Никитском саде, где растут тысячи разных деревьев и кустов со всего земного шара, и мне так захотелось увидеть сосну Монтекумы, бамбук, банан, а самое главное — дерево, которое росло ещё до того, как образовался каменный уголь — гингко. Название вре-

залось в мою память, и я иногда повторял его, словно посасывая под нёбом зелёную карамельку: гингкго... гингкго... гингкго... Я даже спорил со Снежкой, что ей никогда не выговорить это слово правильно двадцать раз подряд...

Я обрадовался ещё и поездке на белом теплоходе, но тут же вспомнил, что должен сменить Веру, охранявшую павлина Павлика, и сказал маме:

— Давай поедем в следующий раз. Я боюсь, меня будет подташнивать на море.

— Это верно. И вообще в шторм пароходы не ходят. Я совсем забыла. А в автобусе париться неохота, — согласилась мама.

— И потом, надо бы поехать вместе с папой. Без него неудобно, — сказал я, и мы пошли смотреть Воронцовский дворец.

Во дворце мне больше всего понравились белые львы из каррарского мрамора. Их было шесть. Два спали, два стояли, а два держали лапы на шарах, как будто собирались играть в футбол. И под носом одного спящего льва, назойливо жужжа, как электробритва папы, летал шмель. Къши несколько раз подпрыгивал и тьявкал на шмеля.

Шмель взлетел повыше. Къши злился сильней и сильней. Я, хохоча, наблюдал за его дуэлью со шмелём, и дело кончилось тем, что шмель ужалил Къши в нос. Я не заметил, как это произошло, а только увидел, как он взвыл, бросился к клумбе и стал рыть носом землю. И подвыванье его доносилось глухо, как из-под земли.

Мама, слушавшая объяснение экскурсовода, тут же прибежала и с испугом спросила:

— Что с ним? Почему вас нельзя оставить одних?

— Его укусил шмель.

— А ты где был?

— Здесь.

— Но ты же мог отогнать шмеля!

— Зачем его отгонять? — сказал я. — Шмель

летал и никого не трогал. Кыш первый к нему пристал. Вот и получил.

— Товарищи! Это безобразие! — сказал экскурсовод. — Попросите собаку покинуть клумбу!

Экскурсанты засмеялись. Я за ошейник оттащил Кыша от клумбы. Выть он перестал, но, фыркая, отряхивал лапой землю с носа.

36

Мама пошла во дворец первой, потому что вместе мы не могли пойти из-за Кыша. Я сидел на скамейке в тенёчке, смотрел на каменные стены ограды, увитые плющом и диким виноградом, и думал, что действительно каждый день с Кышем что-нибудь случается. То из-за кошки Волны он чуть-чуть не стал зайкой, то заноза, то тонул, то перегрелся на солнце, а теперь его ужалили в нос! Если так и дальше пойдёт дело, то у него начнут пошаливать нервишки, и мы привезём в Москву инвалида. А может быть, он совсем отвык от дикой собачьей жизни и изнежился в домашних условиях?

Что, если Кышу тоже возвратит облик настоящей собаки, которой всё нипочём: и занозы, и ночные нападения кошек, и солнце, и море, и всякие шмели? Хорошо бы! Но как? Додуматься до этого я не мог.

Кыш забрался под скамейку, фыркал там и тёрся носом о мою сандалию...

— Перед входом во дворец надень чувяки, — сказала мне мама, вернувшись. — В залах ничего не трогай руками, не ходи с высунутым языком и не садись на антикварную мебель.

— А что же тогда можно делать во дворце? — недовольно спросил я. — Неохота мне туда идти.

— Там интересные картины и скульптуры, великолепная отделка стен, потолков и красивый паркет.

— А буфет есть во дворце? Или столовая? — с надеждой спросил я.

— Там несколько буфетов и прекрасная столовая. В общем, иди и постарайся запомнить, что ты видел. Тебя же обязательно спросят ребята в школе,— сказала мама.

37

Я вынул из ящика у входа войлочные чувяки с длинными тесёмками, надел их, предъявил билет и зашёл во дворец. Там было много народу. Все тихо ходили на цыпочках, смотрели вверх па красивые потолки, вбок на красивые стены и вниз на красивый паркет, сделанный из ценных пород деревьев. Сразу три экскурсовода что-то объясняли. Я узнал, что дворец построили крепостные крестьяне для графа Воронцова и его жены.

Я ходил по залам и думал: «Зачем графу и его жене нужно было столько комнат? У нас в Москве двухкомнатная квартира, и то мы в ней живём втроём да ещё с собакой и не жалуемся».

Потом я подошёл к дежурной и спросил:

— Скажите, пожалуйста, где здесь буфет?

— Налево в следующей комнате,— ответила она.

Я зашёл туда и увидел толпившихся у огромного красивого буфета людей. Буфетчицы около него я что-то не заметил, а мне очень хотелось купить конфету и стакан лимонада. И вообще в буфете, наверно, был перерыв. Тогда я спросил у другой дежурной, как пройти в столовую, и она показала мне дорогу.

В столовой тоже толпилось вокруг громадного стола много экскурсантов, и я никак не мог пайти, кто последний, хотя спросил человек десять. Запахов еды я тоже не учуял. Наконец какой-то парень сказал мне:

— Здесь теперь последних нема. Все первые.

Я протолкался к столу и увидел, что на нём ничего нет, кроме серебряных вёдер для шампанского,

которое, как объясняла экскурсовод, лилось здесь с утра до вечера рекой, пока рабочие и крестьяне не прекратили это безобразие.

Я понял, что мама нарочно меня разыграла с буфетом и столовой, и пошёл искать выход. И вдруг около мраморной скульптуры какой-то красивой женщины я увидел Милованова — папиного соседа по палате. Он почтительно и робко, как я перед завучем, стоял перед скульптурой красивой женщины и тихо говорил ей:

— Вот так, милостивая государыня, много с тех пор воды утекло.

Я подошёл и поздоровался. Милованов как-то странно уставился на меня, словно вспоминал, кто я такой и где и когда мы виделись.

— Я Алёша, сын Сероглазова,— подсказал я.

— Да... да, прости, пожалуйста, я замечтался. Здравствуй! — Милованов улыбнулся и обнял меня. — Нравится дворец?

— Ничего,— сказал я и спросил, показав на скульптуры: — Зачем вы с ними говорили?

— Видишь ли... я изучаю жизнь Пушкина и... как бы тебе объяснить? Я, в общем, попытался представить себя на его месте. Понимаешь?

— Конечно. Я сам представлял себя на его месте, когда вызывал на дуэль Рудика Барышкина.

— Расскажи, пожалуйста, из-за чего? — попросил Милованов, и оттого, что он попросил серьёзно, я рассказал, как Рудик с друзьями украл маленького Кыша, как мы его искали, нашли и выручили, а потом я бросил в Рудика папину перчатку, но он испугался идти на дуэль.

Милованов поблагодарил меня за рассказ. Его кто-то окликнул. Мы попрощались.

Я вышел из дворца, но забыл снять чувяки и возвратился обратно. Мама весело смеялась надо мной, а Кыш бежал следом и теребил болтавшиеся тесёмки. Про укус в нос он успел забыть.

Мы пошли гулять по парку. Мама спросила:

— Ну как буфет?

— Буфет как буфет. Очередь, правда. Я выпил лимонада с вафлей.

— Разве во дворце действительно есть буфет?

— А как же! Он находится в подвальчике, где раньше умирали от голода и холода домработницы и кучера карет,— соврал я не моргнув глазом, но мама засмеялась.

Потом мы забрались на Хаос. Вот это мне понравилось! Тут было столько навалено большущих валунов и скал, что я сам себе показался лилипутиком! Камни были шершавые, ноги по ним не скользили. Мы смотрели на штормовое море, а самые высокие кипарисы, кедры и платаны покачивали зелёными макушками вдали под нами...

— Правда, Хаос прекрасен!—воскликнула мама.

— А почему, интересно, в Москве ты говоришь совсем другое? — спросил я.— Почему у тебя у самой всё наоборот?

— Не понимаю! — удивилась мама.

— В Москве ты говоришь: «Алёша! Мне жить не хочется, когда я прихожу с работы и вижу, что дома — хаос!» — сказал я, и мама, смутившись, задумалась.

— Сравнил! — немного погодя сказала она.— Одно дело — хаос в природе, а другое — дома. И потом, у тебя есть голова на плечах, и ты должен подумать, перед тем как перевернуть весь дом вверх ногами. А природа неразумна. Поэт Некрасов сказал, что в ней вообще безобразия не бывает.

— Вот и я хочу быть перазумным! — сказал я.

— Но почему?

— Если я стану неразумным, как природа, то во мне тоже не будет никакого безобразия.

Мама на секунду закрыла глаза и покачнулась,

как будто у неё закружилась от моих слов голова. Я поддержал её, заверил, что хочу быть неразумным понарошку, и спросил:

— А разве вулканы и землетрясения в природе — не безобразия? А саранча? А тайфуны?

— Безобразия! — согласилась мама. — Но природа делает их не пазло людям, она не может иначе. А мы, люди, делаем всякие безобразия, хотя можем не делать их. Посмотри вокруг! Нет камня, на котором бы не были намалёваны разные имена и фамилии!

Я пригляделся к Хаосу. На камнях краснели, голубели, зеленели и оранжевели сделанные масляной краской подписи:

«Вовча и Витёк из Киева», «Вася с Курской Аномалии», «Любка», «Семья Гундосовых», «Реваз», «Клава! Эх, Клава!», «Люди! Поддерживайте в хаосе абрасцовый парядак! Алик!»

— Я и то без ошибок постарался бы написать! — сказал я, и мне вдруг самому захотелось на камне голубыми буквами сделать надпись:

Я ЛЮБЛЮ ПАПУ, МАМУ, КЫША, ВСЕХ ЛЮДЕЙ И ПРИРОДУ! АЛЕША.

И только я это захотел сделать, как вдруг вспомнил тот день, когда Федя покупал в хозяйственном магазине масляную краску с кисточкой и ещё отказался ответить продавцу, что он собирается красить...

«Вот это да! Неужели он купил масляную краску для... этого?» — подумал я.

После карабканья по Хаосу мы спустились к прудам. Их было два. В одном плавали неподвижные, словно ветром стронутые с места чёрные лебеди с

красными клювами. А в другом — два белых лебедя. Дети и взрослые кидали им куски булок и баранок, но лебеди, наверно, были сыты и поглядывали на размокшее в воде лакомство свысока. И странно было, что булки и баранки постепенно куда-то пропадали на наших глазах.

— Это рыбки,— объяснила мама.

Я пригляделся к зеленоватой воде и увидел золотых рыбок. Они пикировали вверх, склёвывали лебединую пищу и медленно опускались на дно. Внезапно они бросились врасышугу, и я увидел медленно плывущую длинную тень.

— Это осётр,— объяснила мама, а Кыш, поглядев в воду, залаял.

Я разглядел острый, загнутый нос и щитовидные пластинки на голове, спине и боках. Осётр был похож на подводную лодку. Он что-то выискивал на дне, а на поверхность ни разу не поднимался. По берегу, любуясь им, ходила толпа отдыхающих, и мы тоже. Потому что уж очень он был красив!

И когда осётр долго отдыхал на одном месте, я услышал голоса двух бородатых, с волосами до самых плеч парней, стоявших рядом. На шеях у них болтались клешни крабов.

— На вертеле он будет в большом порядке! — негромко сказал один из них. — Вертел возьмём в пашлычной.

— Голову, хвост и брюшко заделаем в ухё,— сказал второй.

— Девочки оближут пальчики!

— Возьмём на прокат подводное ружьё! Понял?

— Старик, ты гений. Миллион лет назад ты был бы вождём нашего племени! Ура!

— Нет, ружьё не годится. Темно. Придумаем что-нибудь другое. Сегодня в два ноль-ноль.

— А вдруг... нас засекут?

— Что? Вздогнул?

— Но ведь возможен такой вариант?

— Тому, кто на нас рыпнется, я не завидую,— зловеще сказал тот, которого звали «Стариком». — Это дело будет нашей лебединой песней! Успокойся, Жека!

— А лебедей едят? — спросил Жека.

— Можно попробовать. Ну, пошли! До встречи, рыбка! — «Старик» помахал рукой проплывшему мимо осетру.

Я отошёл к маме, читавшей на скамеечке книгу, присмотрелся к любовавшимся осетром и золотыми рыбками людям и подумал: «Ну нет уж! Вы у меня не оближете пальчики! Я спасу чудесную рыбу, а заодно и лебедей! Не бойся, осётр!»

Про Веру я чуть не забыл, и когда спросил у мамы, который час, было уже четверть второго.

Отпустит она меня или не отпустит подежурить за Веру, я не знал и поэтому схитрил:

— Пойдём переоденемся. Вышло солнце, и я запарился.

— Нам нельзя до четырёх часов возвращаться домой,— недовольно сказала мама.

— И Кышу жарко. Вон как он дышит.

— А я не взяла купальника,— пожалела мама.— Пошли бы на пляж.

— Знаешь что? Ты ведь хотела сходить в кино на «Десять заповедей дьявола». Вот и иди. Всё равно меня не пустят. А я пойду в «Кипарис» и до четырёх часов оттуда — ни шагу! Честное слово!

— Это мысль,— сказала мама.— А Кыш?

— Он пойдёт со мной, и ровно в четыре мы встретимся у льва из «Кипариса».

— Договорились. Но смотри, без всяких фокусов.

— Только, пожалуйста, не волнуйся на каждом шагу,— сказал я.

В «Кипарисе» был обеденный час. По главной аллее ходила только пожилая сестра и натыкала на железный прут жёлтые листья, падавшие с магнолий. Меня и Кыша она не заметила. Мы подошли к зелёному павлиньему домику.

— Нагнись сюда! Нагнись! — тихо позвала меня Вера.— Я здесь!

Она лежала в зарослях какой-то серебряной густой и высокой травы рядом с домиком. И в руках у неё был... бинокль!

— Иди обедать,— сказал я.— Здравствуй!

— Ложись на моё место... Привет! Тихе ты. Не шурши. Держи бинокль. (Я улётся на соломенную подстилку.) Приду через час. Слева от тебя аппарат со вспышкой. Он настроен. Как заметишь, что к хвосту тянется кто-нибудь, так прицеливайся и щёлкай.

— А где же павлин? — спросил я.

— Возьми глаза в руки! Вон он! Мы его привязали за ногу.

Павлин Павлик медленно ходил вдоль подстриженного кустарника и был незаметен на его фоне. Хвост он не распускал и, наверно, тосковал по пехищенным перьям...

Когда Вера ушла, я велел Кышу лечь рядом и помалкивать. Он, высунув язык и подняв уши, наблюдал за павлином, а я смотрел в бинокль на зубцы Ай-Петри.

Потом я в бинокль в упор разглядывал павлина. Бусинки его глаз и вправду были грустными. Он часто поворачивал голову на сто восемьдесят градусов и с обидой смотрел на свой хвост. И ни разу не распустил его.

Я это вспомнил, и вдруг в кружочках бинокля всплыло улыбающееся лицо папы. Забывшись, я выронил бинокль, вскрикнул: «Папа!» — но тут же зажал себе рот, а другой рукой сжал челюсти завизжавшего от радости Кыша. Папа испуганно отдернул от павлина руку, строго посмотрел по сторонам, повертел мизинцем в левом ухе, наверно подумав, что ему послышалось, и снова потянулся к павлину.

Я ужаснулся. Фотографировать своего родного папу при попытке выдрать из павлина перо у меня не было сил. Ещё секунда — и для того, чтобы предостеречь его от дурного поступка, я снова заорал бы: «Папа!» Но тут какой-то голос во мне сказал: «Ду-

рак! Тебе не стыдно так плохо думать про своего папу? Ты что, очумел? Разве он способен обидеть муху, не говоря уже о павлине?»

Я посмотрел в бинокль. Павлик что-то склёвывал с папиной ладони. К ним подошёл Корней Викентич. Ветер дул в мою сторону, и я хорошо слышал их голоса:

— Всё-таки я узнал, что он больше всего любит,— сказал папа.— Кусочки яблочка с чёрным хлебом.

— Удивительно! Вы читаете мысли птиц?

— Нет. Просто я сам люблю яблоки с чёрным хлебом. У нас с павлином родственные натуры, хотя внешне мы совершенно не похожи.

— И однако, Сероглазов, не отлынивайте от процедур. Не заговаривайте мне, голубчик, зубы,— сказал Корней Викентич.— Марш на четвертую тропу, в пешую прогулку. Вам пельзя жиреть.

— Вы знаете, у меня тоже начинают пошаливать нервишки,— пожаловался папа.— Слуховые галлюцинации: голос Алёши... визг Кыша и какие-то зайчики в глазах.

«Это от бинокля»,— догадался я.

— Шагом марш! Шагом марш! Мне тоже чудятся всякие голоса: «Иди на пенсию, старик! Давно пора!» Но я, как видите, не ухожу,— сказал Корней Викентич.

— Э-эх! — выдохнул папа и затрусил по дорожке.

— Васильев! — позвал Корней Викентич.— Вы почему не были на обеде? В чём дело? Налопались пашлыков? Кто вам дал право нарушать режим?

— Пропал аппетит,— сказал, подойдя, Василий Васильевич.

— Где вы, простите, пропадаете? С пляжа вы ушли раньше срока.

— Я осмотрел дворец... и с часок подремал у прудов.

— Бегом за стол! Назначаю вам силовые процедуры.

— Есть! — по-военному ответил Василий Васильевич.

«Что-то я вас не заметил ни во дворце, ни у прудов, товарищ Васильев!» — подумал я, продолжая смотреть в бинокль. А Къш задремал. Задремал на боевому посту! Он дёргал во сне лапами, сладко посапывал и шевелил ушами.

«Ну погоди! Я из тебя сделаю настоящую собаку!» — сказал я про себя.

Я не знал, сколько прошло времени. Вера не возвращалась. Мне самому захотелось спать и есть. Обед в «Кипарисе» кончился. К Павлику больше никто не подходил... Было тихо. Начался тихий час, а папа говорил, что во время этого часа на глаза Корнея Викентича лучше не попадаться... Иногда я нацеливал бинокль на папино окно, забыв, что папе вместо сна прописана пешая прогулка.

42

И вдруг из папиного окна высунулся Василий Васильевич. Он смотрел вниз так, словно точно знал, что через минуту кто-то выйдет из главного входа. И правда, большая дубовая дверь медленно открылась, и из неё осторожно вышел... Федя! Он осмотрелся по сторонам и, прильнув к стене, как будто за ним была погоня, дошёл до угла. Потом, слегка пригнувшись, побежал на хозяйственный двор. Василий Васильевич сверху за всем этим наблюдал.

Я подумал, что Федя, не желая спать, пошёл кормить обедом Норда, который, по разрешению Корнея Викентича, жил на хоздворе. Но в руках у Феде не было ни свёртка, ни банки с супом, ни миски со вторым... Немного погодя он быстро прошёл мимо меня за деревьями, и мне опять пришлось зажимать пасть Къшу, проснувшемуся от его шагов. За спиной у

Феди висели верёвки с крючьями, а в руках он держал сумку с чем-то круглым.

«Банка с масляной краской!!!» — догадался я.

Василий Васильевич, проводив Федю взглядом, улыбнулся, довольно потёр руки и отошёл от окна. Немного погодя он тоже осторожно вышел из корпуса и, как ягуар, неслышно и мягко побежал по дорожке за Федей.

У меня от волнения и интереса колотилось сердце, я чувствовал, что назревают большие события, и в такой момент не мог уйти с поста! И ещё у меня затекли в лежачем положении руки и ноги. Я встал на колени и, ругая про себя Веру, смотрел в бинокль на главную аллею, ведущую к «Кипарису».

Из корпуса вышел Корней Викентич. Я уж хотел его попросить подежурить вместо меня, но на аллее наконец показалась Вера, да не одна, а с Севой и Симкой. В бинокль я разглядел синяк под Севиным глазом и разорванную рубаху Симки. Оба они шли, сморкаясь и отплевываясь. Вера, смотря на них, всхлипывала. Корней Викентич тоже увидел ребят и направился к ним навстречу. Я думал, что он собирается выставить их из кипарисовского парка, но всё вышло наоборот. Корней Викентич сразу повёл их в домик, где помещалась лаборатория.

— Верка! Иди сюда быстрее! — не выдержав, крикнул я и, не дожидаясь, когда она подойдёт, сам пошёл ей навстречу.

— Ты чего кричишь? Ведь тихий час! — сказала Вера.

— Бери свой аппарат! — сердито ответил я. — По два часа обедаешь! В другой раз я тебе еду на пост доставлю!

Не отдав Вере бинокля, я побежал в лабораторию. Корней Викентич уже промывал Севе глаз и синяк, а сестра смазывала йодом разбитый до крови Симкин локоть. Мне некогда было спрашивать, что с ними произошло.

— Ребята! — сказал я. — Сегодня будет покушение на жизнь осетрины! Я бегу по важному делу! Извините!

— Пойдите, Сероглазов! — сказал Корней Викентич. — Что за чушь?

— Говори ясней, бестолковый ты человек! — попросил Сева.

— Я спешу... понимаете?... Сегодня за дворцом я слышал разговор... Они хотят осетрину зажарить. Понимаете? На вертеле... Они волосатые, бородастые... на брюках широкие ремни... Рыбу, которая в пруду... Понимаете? Одного зовут «Стариком»... Я спешу! Другого — Жекой!

Всё это я выпалил залпом и собирался бежать вдогонку за Федей.

— Они! Они! — сказал Симка.

— На шее не заметил, случайно, клешни от крабов? — спросил Сева.

— Заметил! Заметил! Приходите ко мне через час! Всё расскажу!

— Бинокль давай сюда, — сказал Симка.

— Он мне нужен!

Я ничего не стал больше объяснять и помчался за Василием Васильевичем и Федей.

По дороге я чуть не налетел на папу, трусившего после прогулки в корпус, и на бегу крикнул:

— Мама... в четыре... у льва... Подойди!

— Подожди! Куда ты?

— Важное дело!

43

Выбежав из «Кипариса», я остановился, потому что не знал, куда бежать дальше.

— Кыш! Ищи!

«Кого?» — спросил Кыш.

— Федю, который тебя спас... Море, волна, смерть... Понимаешь? Ищи!

Кыш фыркнул, потёр лапой нос и виновато опустил голову. Я вспомнил, что его укусил шмель и как ищейку вывел из строя. Всё-таки я сам успел сообразить, что с верёвками и железными крючьями Федя, скорей всего, направился не к морю, а в горы.

Мы побежали по улице, потом свернули на тропу, чтобы срезать угол побольше, одолели крутой подъём, вышли на шоссе, и передо мной открылись виноградники. Вот тут-то мне пригодился бинокль. Я увидел, как на большом расстоянии друг от друга поднимались к Верхней дороге Федя и Василий Васильевич. Федя шёл не спеша и не оглядываясь. Я понял, что, взяв правее, смогу их обоих намного обогнать, подняться повыше по склону и оттуда наблюдать.

Так я и сделал. К тому же я бежал, а они шли. Кыш не обгонял меня и не носился за бабочками. Федя в метрах ста от меня поднимался всё выше и выше. Мне стало страшновато. Вдруг он решил зачем-то забраться на самую вершину Ай-Петри? Что я тогда буду делать? В горы даже взрослые не ходят в одиночку... Не успеешь оглянуться, как начнёт темнеть...

А Василий Васильевич вдруг на моих глазах провалился сквозь землю! Всего секунд на двадцать я выпустил его из виду после того, как Федя стал спускаться со склона, а он успел за этот миг куда-то пропасть.

Я пропустил Федю вперёд и собирался дойти до камня, на котором только что сидел Василий Васильевич, как вдруг он сам снова возник неизвестно откуда, залез на камень и, стоя, провожал глазами Федю. Потом слез с камня и направился вниз по тропе. Его поведение тоже показалось мне подозрительным.

Когда он отошёл подальше, я спустился к камню. Вернее, это были два больших валуна, прижавшихся друг к другу, и вокруг них так густо рос колючий можжевельник, что залезть на камень было невозможно.

Я, обернув руку майкой, стал раздвигать колючие ветки, стоявшие неприступной стеной перед валунами, и наконец чуть не провалился в пещеру. Хорошо, что я, наклонившись, успел опереться руками о камень. Я встал на коленки, но ничего без спичек не увидел. Снизу на меня потянуло жутковатой темнью и холодком.

«Авв? Авв?» — забеспокоившись, спросил Ышп.

— Я здесь! Я рядом! — успокоил я его, решив прийти в другой раз с фонариком.

Конечно, Василий Васильевич спускался именно в эту пещеру, но зачем?

Я запомнил получше место, где находился, и сказал Ышпу:

— Пошли домой. Есть охота. Сегодня мы много успели.

На обратном пути я уныло раздумывал, как бы так объяснить маме, где я пропал, чтобы и не наврать, но и не сказать всей правды. Но придумать мне ничего не удалось, наверно, потому, что голова моя работала весь день без остановки. Надо было дать ей немного отдохнуть. Я стал отгонять от себя все мысли, но они снова слетались на мою голову, как ночные бабочки на огонёк.

«Неужели Федю, человека, который спас Ышпа от верной смерти и усыповил бродячую собаку, я не предупреджу о том, что Василий Васильевич его выследил?.. Я же буду тогда неблагодарным человеком!

Но, с другой стороны, Федя хочет измазать скалу масляной краской и навредить Крыму... А почему, интересно, Василий Васильевич сам не предупредит Федю?.. Почему бы ему не сказать: так, мол, и так, Федя, ты в моих руках, верни лучше краску в магазин. От души говорю!.. Я лично так поступил бы со своим знакомым. Ведь он не злодей в конце концов... Ага! А зачем тогда ты сам не сказал этому «Старику» у пруда: «Не трогайте рыбку, а то хуже будет!» Почему? Может, они поняли бы свою ошибку, застыдились и отказались от желания поджарить осетра на вертеле? Почему ты их не предупредил?»

Вдруг я подумал, что сам сейчас не отказался бы от куса жареной рыбы, и сглотнул слюнки.

«Ну почему ты так плохо устроен? — застыдившись, спросил я сам у себя. — Чем же ты лучше того «Старика»? Нет! Фигушки! Всё-таки я лучше! Я хоть и хочу съесть осетра, но не съем! Пусть плавает один в пруду под белыми лебедями, рядом с золотыми рыбками, и пусть им любуются тысячи детей и взрослых, отдыхающих и с севера, и с юга, и с востока, и с запада нашей страны! Пусть любуются! А я сейчас приду домой и съем две тарелки борща и три... нет — четыре котлеты с макаронами... и киселя с булкой и навсегда забуду про эту чёртову осетрину на вертеле!»

Так я шёл и всё думал и думал...

— Кыш! Скажи, положив лапу на сердце, скажи мне всю правду: тебе очень хочется есть? Ам-ам? Филе или колбаски? — Кыш заскулил, и у него показались на губе слюнки. — Но смог бы ты сейчас от голода растерзать и слопать павлина Павлика? У которого вот такой красивый хвост. Смог бы Павлика ам-ам?

Кыш остановился от неожиданности, подумал, облизнулся, но, серьёзно взглянув на меня, решительно помотал головой:

«Нет! Не смог бы!»

— Молодец, Кыш! И я молодец! Мы с тобой одинаковые! Мы можем иногда плохо думать, но съесть красивую рыбу из аквариума или павлина с газона не сможем никогда! — сказал я. — Потому что я человек, а ты не волк!

46

— Алексей! Сероглазов!

Я оглянулся. Меня догонял Василий Васильевич. Во время разговора с самим собой я, не заметив как, уже спустился вниз и шёл вдоль дороги.

— Ты почему один?

— Я не один. Со мной Кыш, — ответил я.

— Прости, я не то хотел спросить. Обследуешь ближние подступы к Ай-Петри?

— Так... гуляем. Не всё же в море сидеть. А в горах очень много интересного, — сказал я. — И непонятного...

— Что же тебе непонятно? Может быть, я сумею, поразмыслив, объяснить?

— Почему человек хочет сделать что-нибудь плохое, хотя понимает, что это очень плохо? Почему ему приходят в голову плохие мысли? Разве без этого нельзя? — спросил я.

Рассмеявшись, Василий Васильевич сказал:

— Ты задал нелёгкий вопрос. Надо собраться с духом. В двух словах не ответишь. Я же не философ, а сыщик. Инспектор угрозыска. И мне, к сожалению, приходится часто встречаться не столько с плохими мыслями, сколько с плохими, мягко говоря, делами. С преступниками. С хулиганами, с ворами, с мошенниками. На белом свете их ничтожное меньшинство. Но они всё-таки есть. Почему? Наверно, на белом свете нет человека, которому хоть раз в жизни не приходили бы в голову дурные мысли! Но ведь это не значит, что каждый человек должен после этого совершить дурной поступок. Правда?

— Но почему дурные мысли всё-таки приходят? — допытывался я.

— Потому что нам, людям, дано право выбора. Понимаешь? Ты можешь выбирать между добром и злом. И если тебе почему-либо захотелось выбрать зло и поступить плохо, но ты поборол это желание и поступил хорошо, то, значит, в тебе победил человек! И вот это чувство победы так радостно, что его не променяешь на золотые горы... ни на что!

— Верно! Я сам до этого додумался! Я только проверить хотел! — обрадовался я. — А вот ответьте мне: выследили вы того человека, который поцарапал Геракла или нет?

— Да. Я очень быстро догадался, кто этим занимался.

— А он знает про это?

— Пока нет.

— И что вы хотите с ним сделать?

— Как следует проучить.

— А может, простить его на первый раз? — предложил я, потому что мне хотелось попытаться выручить Федю.

— Нет. Парень он неплохой и не безнадёжный, но ему очень уж хочется увековечить своё имя. Так вот поможем ему в этом! Возьму тебя с собой. Кстати, найди ребят из патруля и скажи, что они нам понадобятся. У тебя есть фотоаппарат?

— Есть у Севы и Симы. Со вспышкой.

— Договорились. Перед рассветом по первому моему сигналу будь на ногах.

— А вдруг я не услышу? Я одну ночь спал на раскладушке на улице, но у нас украли с верёвки тёплые вещи, даже папин свитер, и мама теперь боится.

— Что же ты мне раньше не сказал?

— Мама хотела заявить в милицию. А наша хозяйка, наоборот, обрадовалась и сказала: «Не волнуйтесь, через три дня всё поймёте».

— Почему через три, а не через два? — удивился Василий Васильевич.

— Не знаю. Она что-то подсчитала и сказала, что через три дня.

— Ну, спасибо, Алёша! — сказал Василий Васильевич.

— За что? — спросил я.

— За то, что согласился быть моим помощником.

Тут я предложил назвать операцию «Лунная ночь», и Василий Васильевич одобрил это название.

47

Мы, проговорив всю дорогу, дошли до «Кипариса», и ко мне подбежали мама и папа.

— Где ты пропадал? — спросили они в один голос.

Я незаметно посмотрел на Василия Васильевича.

— Мы прекрасно погуляли в лесу. Поговорили о добре и зле. В общем, остались довольны друг другом, — выручил он меня.

А я, чтобы мама больше не задавала ему никаких вопросов, сказал:

— У меня всё внутри переворачивается. Пойдём обедать.

— Неужели вовремя нельзя накормить ребёнка и собаку? — строго спросил папа маму.

— Я, кажется, объяснила, что нас просили не приходить домой до четырёх часов. Или ты не понял?

— Можно было зайти в пельменную! — сказал папа.

— Зачем идти в пельменную, если дома нас ждёт борщ и вот такие котлеты! — сказал я.

— Борщ и котлеты? — почему-то удивился Василий Васильевич. — Я был уверен, что вы не возитесь дома с обедом. Проще где-нибудь перекусить.

— Нас вместе с Кышем не пускают, а по очереди обедать скучно, — объяснил я.

— Моему мужу хорошо советовать! — пожаловалась мама. — А мы живём как на вулкане. Утром не знаем, что день грядущий нам готовит.

— Вы спали, как сурки, когда у вас из-под носа стянули мой лучший единственный свитер! — упрекнул папа. — Вася, надо было тебе сразу взяться за это дело. По горячим следам пойти, так сказать. Я даже по-дружески тебя прошу: зайди, побеседуй с хозяйкой... Может быть, что-нибудь выяснишь в конце концов. А?

— Непременно на днях зайду. Непременно.

Я потянул маму за руку обедать.

Когда мы открыли калитку, навстречу нам бросилась Анфиса Николаевна. Лицо у неё было весёлым и счастливым. А мама, наоборот, хмурилась. Обняв её, Анфиса Николаевна сказала:

— Ирина! Голубушка! Это ОН... Понимаете? Действительно, ОН!

— Очень рада, но вы бы хоть объяснили нам, кто ОН?

— Пожалуйста, не спрашивайте ни о чём... Это ОН!.. Он жив!.. Вы послезавтра всё поймёте... Идёмте обедать и не браните меня! Я за вами поухаживаю. Мойте руки.

Мы с мамой опять переглянулись, вымыли руки и сели за стол. Но перед тем как сесть, я достал из холодильника филе для Кыша. Анфиса Николаевна поставила перед нами по полтарелки борща. Я быстро съел и попросил добавки. Что такое полтарелки борща для голодного человека?

— Борща больше нет, — виновато сказала Анфиса Николаевна.

— Как? Была же целая кастрюля! — не удержавшись, воскликнул я, потому что так мечтал об этом борще!

— Алёша! Ты совсем распустился! — прикрикнула на меня мама. — Безобразие! Что за тон? Извините его, пожалуйста.

— Я тоже на его месте расстроилась бы. Не сорьтесь.

Анфиса Николаевна принесла другие тарелки, по вместо моих любимых котлет с макаронами на них лежала яичница с колбасой и салат из огурцов.

— И котлеты и макароны тоже ОН съел, хотя я специально для НЕГО приготовила холодный щавель с простоквашей и кусочками чёрного хлеба... Ну, братец! Ты у меня ответишь за всё! — пригрозила наша хозяйка.

Ни я, ни мама, ничего больше не выясняя, съели второе. Правда, я со злостью думал про какого-то братца и его волчий аппетит. Съесть зараз тарелки три борща и штук шесть котлет с макаронами! Обжора несчастный!

Мама поблагодарила Анфису Николаевну за обед и попросила не расстраиваться из-за всего случившегося. Потом она села на лавочку и стала читать книгу. Из всех нас как следует наелся только Кыш. Он в изнеможении лежал на боку, вытянув лапы, старался отдышаться и сонно закрывал глаза. А Волна неподалёку от него, урча, доедала кусочки мороженого филе. Однако с Кыша взгляда не сводила.

Я тоже вроде него вдруг осоловел, прилёг прямо на травке под чинарой и уже почти совсем заснул, но меня позвали:

— Алёша!

48

Пока я спросонья соображал, не послышалось ли это мне, мама подошла к калитке и пригласила зайти Веру, Севу и Симку.

У Севы под глазом белел крест из пластыря, а Симка прижимал к груди перевязанную руку. Они поздоровались.

— Что это с вами случилось? — спросила мама.

— Ныряли, — ответил Сева.

Я подошёл к ребятам, и мама выразительно на меня посмотрела: «Видишь, что бывает, когда без спроса ныряют со скал?» После этого она ушла дочитывать книгу.

Сева и Симка ещё раз заставили меня подробно рассказать про «Старика» и его приятеля. Во что они одеты? Какого цвета их космы и бороды? Когда собираются напасть на осетра? И не было ли у них плана похищения лебедей?

— Вот, вот, вот! — вспомнил я. — Второй, которого зовут Жекой, что-то сказал про лебединую песню!

— Это они! Молодец, Алексей. Наблюдательный ты человек! — похвалил меня Сева.

— Бинокль не потерял? — спросил Симка, и я неохотно принёс бинокль.

Мне самому интересно было узнать, откуда ребята знакомы со «Стариком» и Жекой.

Оказалось, что Сева, и Симка, и Вера давно напали на след компании «дикарей». «Дикари» из этой компании переходили с места на место и жили то под Ялтой, то под Симеизом, то под Мисхором. Это их подозревали в том, что они устроили лесной пожар, который, к счастью, вовремя потушили, и в том, что охотились с луком за голубями, и в том, что срезали розы в опытной розарии, и ещё по всему выходило, что именно они в заповеднике за Красным Камнем ранили из лука оленёнка. Оленёнок так и прибежал, истекая кровью, со стрелой, торчащей в боку, к сторожке лесничего.

В общем, эти «дикари» разбойничали ловко и безнаказанно: оставляли на стоянках после себя кучи мусора, искалеченные топором деревья, и поймать их на месте преступления ни разу не удавалось.

Сегодня Сева с Симкой попробовали было сказать этим «дикарям», чтобы те рубили только сушняк, но их отлупили, прогнали от палаток и пообещали в случае чего добавить ещё как следует. Ребята ничего не смогли поделать: силы были не равны.

— Сегодня они ответят за всё,—всхлипывая, сказала Вера.

— Вы за мной зайдёте? — тихо спросил я, поглядывая в сторону мамы.

— Ты что? Спятил?

— Это же опасно!

— Мы и Верку с собой не берём!

— Тут тебе не военно-спортивная игра, а кое-что почище!

Я сначала не поверил, что они не хотят меня с собой брать. Но Сева добавил:

— Мы же о твоём здоровье беспокоимся, неопытный ты человек!

Я от обиды сел на дорожку и, уткнув лицо в ладони, чтобы не услышала мама, плакал так горько, как не плакал целый год, с самого похищения Ыша. И он хоть и спал, но почувал, что я реву, прибежал и, скуля, лизнул меня в ухо. И зарычал на ребят.

— Ладно... настырный ты человек,—сказал Сева.

— Мать тебя отпустит?— угрюмо спросил Симка.

Я сразу перестал реветь и не знал, что ответить. После всего, что произошло, конечно, мама не отпустила бы меня. Ночью,

да ещё в засаду на настоящих браконьеров, да ещё вооружённых подводным ружьём? Ни за что! Но не мог же я сказать об этом ребятам? Тогда бы уж они наверняка не взяли меня с собой... И я в одно мгновение придумал вот что:

— Мама-то меня отпустит,—сказал я, высморкавшись и вытерев слёзы,—по у неё нервишки пошаливают... Она будет беспокоиться... Она же

всё-таки мама и женщина... Поэтому в час ночи ты, Вера, приходи ко мне. Я тебя положу вместо себя на раскладушку, а сам возьму Къша и тихо уйду. Выручи, пожалуйста! Я тебя всю жизнь буду любить и уважать... А если у Къша будут дети, я тебе самого лучшего щенка отдам!

Вера, немного подумав, согласилась лечь вместо меня на раскладушку. Мы договорились, что ровно в час ночи ребята будут у калитки, которую я оставляю открытой. И я в знак благодарности обещал взять их на днях с собой и с постоянным сыщиком на операцию «Лунная ночь».

49

Они ушли, а я стал соображать, как бы уговорить маму разрешить мне вынести раскладушку на улицу. Обдумав все варианты, я понял, что лучше всего попробовать использовать диатез. Он у меня был в яслях и в детском саду, и мама очень боялась его возвращения.

...За домом на куче перегной были заросли крапивы. Я сорвал две крапивины, зажмурился, изо всей силы сжал зубами носовой платок, чтобы не заротать от ожога, и слегка стеганул себя крапивой сначала по левой щеке, а потом по правой, по руке и по ноге. Места, до которых я дотронулся крапивой, сразу зачесались, зажглись, но я, почёсывая их, как ни в чём не бывало подошёл к маме и сказал:

— Мам, у меня крапивница началась. Самая настоящая. Вот — на щеках, на руке и на ноге.

— Спасибо. Порадовал. Ну-ка, покажись... Боже мой! Действительно! — сказала мама. — Ты что-нибудь ел, когда разгуливал по горам?

— Ни крошки! Ни травинки!

— Отчего же это вдруг? Просто какое-то проклятие, а не отпуск! В горле у тебя першит?

— Мне кажется, весь диатез от ковра в нашей

комнате,— объяснил я. На этом большом, во весь пол, старом ковре стояла ночью моя раскладушка. Он как-то сладко-сладко пахнет, и меня подташнивало. И в горле першит немного.

— Пожалуйста, говори потише. Я же не могу просить Анфису Николаевну вынести из дома ковёр! Вдруг его тоже украдут.

— Правильно,— сказал я.— Ничего. Как-нибудь привыкну... пересплю. Главное, не беспокойся. Завтра всё пройдёт.

— Ну уж нет! У меня нет времени возиться с твоей крапивницей. Я сейчас схожу в аптеку за хлористым кальцием, а спать ты будешь на улице. Надеюсь, тебя не унесут вместе с раскладушкой. А если унесут, то я два дня отдохну. Может, ты струсил?

— Почему же? Могу ночевать и на улице,— скрывая радость и отчаянно почёсываясь обеими руками, сказал я.— Буду опять на звёзды смотреть...

Противней всего было пить самую горькую на земле жидкость— хлористый кальций, но когда мама принесла бутылку из аптеки, я выпил и даже попросил добавки.

— Хватит,— сказала мама. А если бы я отмахивался и плевался, она обязательно заставила бы меня вышить лишнюю ложку.

Постепенно щёки, руки и ноги перестали чесаться. Я немного почитал сказки Пушкина, которые захватил с собой в Крым. Потом мы посмотрели по телевизору фильм про войну, поужинали, гулять никуда не пошли, и я улёгся на улице.

Я несколько раз засыпал, просыпался, ворочался с боку на бок, потому что руки и ноги ещё немного жгло, снова засыпал, а ребята всё не шли и не шли. Я уж думал, что они меня обманули... Но тут тоненько пискнули железные петли калитки, и послышались осторожные шаги. Ночь была так темна, что я не мог увидеть Веру, пока она не подошла совсем близко. Кышу я шепнул, чтобы помолчал.

Лежал я одетый и даже в сандалиях. Я тихонько, чтобы не скрипели пружины, встал с раскладушки, а Вера легла, и я её укрыл с головой одеялом. В этот момент мама сонным голосом спросила из комнаты:

— Алёшенька, очень зудит крапивница?

— Совсем прошло... Спи, мамочка,— сказал я, и что-то дрогнуло во мне от любви и жалости к маме. Но отступить уже было поздно. Я, глотая слёзы, поклялся ей про себя, что вернусь... что я постараюсь вернуться здоровым и невредимым.

50

Выйдя из калитки, я увидел под фонарём вместе с Севой и Симкой взрослого. Он сказал мне, как его зовут:

— Сергей Иванович.

— А мы Алёша и Кыш,— сказал я и сразу догадался, что Сергей Иванович — отец близнецов. В руке у него я не заметил ни верёвок для скручивания рук, ни оружия. У Севы на груди был аппарат со вспышкой, а Симка нёс большой цилиндрический фонарик.

По улицам ещё гуляли «дикари», а в парке никого не было.

К прудам мы вышли незнакомой мне дорогой, и Сергей Иванович расставил всех по местам. Я, конечно, оказался дальше всех от пруда.

— Всё. Больше ни звука. Как только я скажу: «Старик, ты в ауте!», направляйте на них фонари, а ты, Сева,— щёлкай. Ты, Сима, будь около лебедей, чтобы им не успели свернуть шеи... По местам.

Меня с Кышем положили на газоне за подстриженными лавровыми кустами и велели, в случае чего, чтобы Кыш подал голос. От кустов пахло тепло и пряно. Слева, неподалёку от меня, серела дорожка. Над ней горел тусклый фонарик и освещал зелёную скамейку. Было очень тихо. Только где-то жур-

чал ручеёк, ровно дышало море, и иногда в своём домике ветряхивали крыльями лебеди... Время тянулось медленно. Ко мне два раза неслышно подходил Сергей Иванович и спрашивал:

— Ты ничего не папутал?

— Что вы! Ни слова! — шёпотом отвечал я.

Чтобы не задремать, я чесался и смотрел на тусклый фонарик. И когда, вдруг услышав медленные шаги, постукивание палки и тихое поскрипыванье камешков на дорожке, увидел не браконьеров, а... Пушкина... Да! Да! Александра Сергеевича, живого Пушкина, с бакенбардами, с кудрями, выбивающимися из-под шляпы, как на портрете в книге сказок, с тяжёлой палкой в руках... то я подумал, что силно и что всё это мне снится...

Но Пушкин, слегка наклонив голову, задумчиво шёл по дорожке. Шёл очень медленно, потом остановился, словно вспоминая что-то, потёр кулаком подбородок и улыбнулся.

Я ущипнул себя: мне стало больно. Я погладил Кыша: он лизнул меня в щёку.

«Значит, я не сплю,— подумал я,— и Пушкина вижу на самом деле. Это он! А у нас, как назло, засада!»

Раздумывать в такой момент было некогда. Я приказал Кышу лежать, а сам по траве, по-пластунски пополз навстречу Пушкину. Он сел на скамейку под фонарём, поставил палку между ног, вынул блокнот и что-то записал в нём.

Я приподнялся над кустами, сложил ладони рулором и громким шёпотом позвал:

— Александр Сергеевич!.. — Он не услышал. Я повторил ещё раз: — Александр Сергеевич! — Пушкин вскинул голову, прищурил глаза и посмотрел в мою сторону. Заикаясь от волнения, я зашептал: — Александр Сергеевич!.. И-и-идите сю-сю-да!.. Бы-бы-стрей!.. То-только тихо!!

Пушкин на цыпочках подошёл к кустам и наклонился ко мне. Я на секунду опедел и ошарашенно смотрел на его смуглое лицо и удивлённые голубые глаза. Потом всё так же шёпотом сказал:

— Добрый вечер... вернее, добрая ночь!

— Здравствуйте, милостивый государь,— сказал Пушкин.— Что с вами?.. Ведь вы дрожите! Вам холодно? Вас кто-нибудь обидел?

— Нет, нет... Я вам всё объясню... Идите сюда!.. — Пушкин через проход в кустах перешёл ко мне на газон.— Пожалуйста, тише... Они могут услышать...

Пушкин прилёг на бок рядом со мной и спросил:

— Кто это «они»?

Я не знал, что сказать, потому что из-за браконьеров мне было стыдно, как никогда в жизни. Вместо

того чтобы устроить Пушкину торжественную встречу и показать ему Всесоюзную здравницу Крым с домами отдыха для всего народа, мы лежали в засаде. Но врать Пушкину я тоже не мог. Я глубоко вздохнул и ответил:

— Одного из них зовут «Старик», а другого — Жека... Они уроды в нашей семье... понимаете? И хотят уничтожить на вертеле осетра, который в пруду... Он жил при вас?

— Конечно! Прекрасная, красивая рыба!

Я радостно отметил про себя, что Пушкин сказал не «конечно», а «конешно», так же как говорил я, хотя мамина тётка — Эльза Антоновна — всегда делала мне замечания и учила говорить «конечно» через «ч».

— А лебеди белые и чёрные были при вас?

— Конечно!.. Всё осталось тем же самым: и лебеди, и море, и скалы, и небо, и кипарисы...

— И вы ещё остались тем же самым. Верно? — подсказал я.

Пушкин ничего не ответил. Он только положил свою руку на мою и как-то странно улыбнулся: и весело и грустно. Неожиданно я ему сказал:

— Теперь такие же бакенбарды, как у вас, носят. Даже в девятом классе.

Пушкин закашлялся в платок, и я подумал, что, может быть, не стоило этого говорить. Ведь мама много раз меня учила вести себя с незнакомым человеком сдержанно и не молоть всякой чепухи. Но разве я с Пушкиным не был знаком? Был! А значит, и он со мной! Он со всеми знаком. Просто мы раньше лично не знали друг друга. Наоборот, нужно расспрашивать его о разных важных вещах и пустяках, чтобы отвлечь от неприятного разговора о браконьерах. Тем более, голова у меня была переполнена всякими вопросами.

И о чём только я его не спросил: и со скольких лет он пошёл в школу?.. И были ли в том лице уро-

ки труда? И кого он больше боялся — царя или завуча? И бегал ли на фронт во время первой Отечественной войны?.. И кем играл в футбол? Центрфорвардом, как Копейкин, или полузащитником, как Федотов... И что ему больше нравится: камин или центральное отопление?.. И не скучно ли было в том веке без телевизоров? И было ли на каретах сзади написано: «Не уверен — не обгоняй!»? И про няню Арину Родионовну... И где он покупал гусиные перья, и про многое другое... В общем, о чём только я не расспрашивал Пушкица!.. Я только ни разу не упомянул про дуэль на Чёрной речке, потому что Пушкину вспоминать об этом было бы больно. Вместо этого я рассказал, что у меня появились новые друзья, что одного из них звать Севой, другого — Симкой. Их дедунка защищал Крым от фашистов во время войны. А мы его теперь защищаем от невоспитанных «дикарей».

Потом Пушкин сам спросил у меня:

— Ты читал мои стихотворения... или сказки?

— Я даже с собой из Москвы книжку вашу взял,— сказал я.— И знаю ваши стихи... «и моря блеск лазурный, и ясные, как радость, небеса»!

— Откуда ты знаешь их? — удивился Пушкин.

— У папы в палате есть сосед Милованов. Он вас всё время вслух читает и очень любит,— сказал я.

— Послушай-ка, Алексей, ты не сочинил ли сказку про осетра и лебедей? — тревожно спросил Пушкин, к чему-то прислушавшись.

— Что вы! Если б сочинил! Там впереди — засада. Только вы не ходите! Вам нельзя! Мы сами! — сказал я.

— Ты за меня не бойся, милый мой. Пушкин не из ребких.

Мы всё время разговаривали шёпотом, а Кыш дремал. Вдруг он вскочил на ноги и угрожающе зарычал. Оттуда, от прудов, где засада, до нас донеслись крики: «Стой! Стой!», два раза вспыхнула вспышка, и я успел заметить метнувшегося в кусты человека с бородой. Это был «Старик».

— Попался!

— Ложись! И не вздумай шалить!

— Тот тоже не уйдёт. Крым не тайга! — слышались громкие голоса.

Пушкин, взяв палку, побежал к пруду, а я к тому месту, куда метнулся «Старик». Показав Кышу направление, я приказал:

— Вперёд! Фас! Брать только живьём!

Но Кыш, трусливо поджав хвост, попятился от следа. Я обрадовался, что никто не видел этого позора, возмутился, хотел плённуть Кыша, нагнулся и увидел слева от себя огромный сачок на бамбуковой палке. В сачке что-то шевелилось.

Я просунул руку в холодную мокрую сетку, поймал что-то выскользавшее из рук, поднёс к глазам и увидел... золотую рыбку! Она судорожно хватала ртом воздух и жалобно смотрела на меня оранжевыми глазами.

— Ты не бойся, рыбка... Не бойся!.. Ты ничего не обещаешь... Я тебя и так спасу... сейчас... ещё немного... мне от тебя наград не надо... держись!.. — Это всё я говорил, когда, не успев ни о чём подумать, побежал к пруду, чтобы пустить обратно в воду золотую рыбку, а она треньхалась в моих ладонях, сложенных лодочкой, и, кажется, начала затихать.

Всё во мне заныло от боли и страха, но я уже был у пруда, упал на колени, нагнулся, и золотая рыбка, наверно, не поверив сразу, что спасена, неподвижно висела несколько секунд в до краёв набравшейся в ладони воде. Потом пулей вылетела из них,

легонько задев мои пальцы хвостом, и пропала в тёмно-зелёной глубине. И на сердце у меня сразу стало легко и прекрасно.

— Плыви, золотая рыбка, плыви,— сказал я,— и спи спокойно до утра. Да больше в сеть не попадайся!

52

— Алёшка!.. Алёшка-а! — позвали меня.

Кыш в ответ залаял, что мы живы-здоровы, а я побежал на огонёк ручного фонарика.

— Мы из-за тебя Жеку упустили! — набросился на меня Симка.

— Куда ты запропастился, пропащий ты человек? — спросил Сева.

— Я золотую рыбку спасал. Она в сачке была. Вот! — сказал я и показал всем крохотную золотую чешуйку, прилипшую к ладони.

К нам, запыхавшись, подошёл Сергей Иванович и спросил:

— Кто это с тобой вместе бежал к пруду?

— Пушкин,— сказал я и, всё больше волнуясь, начал вглядываться в темноту. Но Пушкина нигде поблизости не было видно.— Да, да, Пушкин! — ещё раз сказал я, заметив, что и ребята и взрослые переглянулись между собой.— Не верите? Если бы не засада, я его сразу познакомил бы с вами!

— Говорил, не надо было его с собой брать? Говорил! — сказал Симка.

— Александр Сергеевич! — позвал я, чтобы доказать им всем, что не вру.

— Алексей! Алексей! Ты что «поехал»? — затормошил меня Сева.

— Отвечай теперь за него! — сказал Симка.

— Ладно. Не паникуйте. Все вы хороши! — прикрикнул на него отец.

— Всё равно, хотите — верьте, хотите — не верь-

те, а Пушкин здесь был, и я с ним разговаривал,— упрямо сказал я.

— Мы верим. Успокойся,— сказал Сева.— Только обидно. Мы ведь из-за тебя второго упустили. Не погнались за ним.

— Ничего. Не уйдёт далеко. Так даже меньше мороки. Пусть их милиция по фотокарточке ищет. Мы их щёлкнули с поличным. Главное сделано,— успокоил всех Сергей Иванович.

— И сачок — доказательство,— добавил я.— Он около кустов валяется.

Оказывается «Старика» и Жеку хотели взять в тот момент, когда они первый раз закинули сачок в пруд. Но взрослые не успели зайти с двух сторон, потому что Сева раньше времени крикнул: «Стой!», а Симка защёлкал вспышкой.

«Старик» с сачком убежал. Жеку поймали, но он со связанными руками скрылся в темноте, когда меня хватились и начали искать. Я же ничего не видел и не слышал, думая только о том, чтобы быстрее спасти золотую рыбку. Но дело было сделано.

— Никуда они не уйдут,— захватив с собой сачок, сказал Сергей Иванович.— Не унывайте. Спасибо тебе, Алёха!

53

Я промолчал и вообще всю дорогу до дома шёл молча, вспоминая свой разговор с Пушкиным и то, как он запросто и смешно отвечал на все мои вопросы.

Но какой же я был дурак, что вместо вопроса, писали ли раньше на задках карет «Не уверен — не обгоняй!», не спросил у Пушкина, какие сказки он собирался сочинить, если бы не та проклятая дуэль.

— Э-эх! — сказал я вслух от злости на себя и от досады.

— Не горюй, Алексей,— хлопнул меня по плечу Сева,— всё вышло как надо.

— А кто же всё-таки бежал с тобой рядом? — спросил Сергей Иванович.— Загулявший отдыхающий?

— Это был Пушкин! Поняли? Пушкин! — ответил я.— И мне вас всех жалко!

— Почему это тебе нас жалко? — спросил Сева.

— Потому, что вы не верите в чудеса! Вот почему! — сказал я, не попрощавшись, повернул палево и пошёл к нашему дому.

Недалеко от него под стеной из каменного жерльшка всегда текла струйка воды. Я намочил в ней платок и, подойдя к нашей калитке, выжал воду на петли, чтобы они не заскрипели и не разбудили маму...

Дома всё было тихо. Только Волпа спрыгнула с подоконника, но на Ыша не попала, а в сторонке горели жутким зелёным светом её глаза.

Вера крепко спала, закинув руку за голову.

Я осторожно её растормошил. Она долго растирала кулаками глаза и соображала с глухим видом, где находится. Потом спросила:

— Поймали?

Я кивнул и знаками попросил её побыстрее уйти. Вера беззвучно захлопала в ладоши и слезла с раскладушки.

— Спасибо,— шепнул я и, не удержавшись, поделился: — Я с Пушкиным разговаривал... честное слово!

Вера махнула рукой и на цыпочках побежала к калитке. Я, уже не боясь скрипа пружин, забрался под одеяло и, не успев ни о чём подумать, заснул как убитый.

Утром мама снова с трудом разбудила меня и Кыша и спросила:

— Почему ты спишь одетый? Доброе утро!

— Было холодно. Доброе утро! Вот я и... А-а-а! — зевнув, сказал я, вскочил и побежал умываться.

В голове моей всё, что произошло за несколько крымских дней, было перемешано, и я никак не мог вспомнить, что должно произойти сегодня утром. Потом, окатившись холодной водой, сообразил: Василий Васильевич! Ведь он обещал зайти за мной и взять на операцию по исправлению Феди! Может, он догадался, что я выследил их обоих?

— Мам! — сказал я. — Мне тоже надо, как папе, побольше бегать и развивать мускулы, чтобы потом не пришлось разъезжать по домам отдыха и помирать от скуки. Я пробежусь до завтрака. И Кыш тоже. Ночью ничего не произошло?

— Тьфу-тьфу! Как твоя крапивница? Покажись.

— Всё нормально. Прошла па свежем воздухе. Надо теперь спать на улице каждый день.

— А если ночной дождь?

— Купи прозрачную скатерть, и будем меня ею накрывать, — сказал я. — Кыш! За мной!..

В «Кипарисе» до завтрака отдыхающие делали на спортивной площадке зарядку. Одни занимались с гантелями, другие — подтягиванием на турниках, третьи растягивали эспандеры. Феди среди делавших зарядку не было. А папа и Василий Васильевич прыгали со скакалками. Увидев меня, папа заулыбался, застеснялся, перестал скакать и крикнул:

— Отойди и жди у корпуса! Не мешай.

Василий Васильевич подошёл и успокоил меня:

— Всё откладывается... Он получил телеграмму,

которая спутала все его планы... Жди. Я всё помню.— Он снова пошёл скакать через прыгалку.

Мы с Кышем проведали павлина. Он клевал из миски варёную морковь и свёклу. Кыш подошёл, обнюхал его со всех сторон, облизнулся и посмотрел на меня:

«Никогда не съем эту птицу!»

— За то, что ты воспитанная собака, я тебя хвалю. А за то, что ты ночью побоялся побежать за престошником... мы ещё об этом поговорим!

Я сел на скамеечке около главного входа, чтобы вспомнить почные события, но не успел. Корней Викентич вышел из корпуса, держа под руку расстроенного Федю, и душевно говорил ему:

— Не отчаивайтесь. Жена по-своему права. Войдите в её положение. Знакомы вы с псом без году неделя. И расстанетесь без особых душевных травм.

Я подошёл к Корнею Викентичу и сказал:

— Доброе утро! Я пришёл, чтобы спросить, как дела у нашего папы.

— Он начинает обретать человеческий облик. Он удивительно упрям. Главное — не мешать ему.

— Наоборот: мы с мамой будем рады, если вы ему прибавите пагрузки.

Корней Викентич ушёл, а Федя сел рядом со мной и вынул из кармана телеграмму:

— Вот читай. Ответила «молнией»!.. Жена называется...

— Категорически приезжай собакой самим жить негде вплоть развода целую Нина,— прочитал я вслух «молнию».— Тут же сказано: «приезжай» и «целую». Значит, всё в порядке!

— Везде пропущено «пе». Попимать надо. Это же телеграмма, а не письмо. Выходит: «не приезжай...» И не целует она меня... Как я псу теперь в глаза погляжу? Как? — спросил Федя.— Но если уж рубить, так сразу! Прощай, собака!

Федя решительно направился на хоздвор. Мы с Ышшем побежали за ним.

Норд ещё издали учуял его, бросился навстречу и, привстав, положил на Федины плечи передние лапы. Федя обнял пса. По щекам у него текли слёзы. Ышш заскулил, почувствовав во всём этом что-то недоброе. У меня тоже комок подступил к горлу. Я сказал:

— Надо упросить Корнея, чтобы Норд остался здесь навсегда. Еды хватит. И павлина будет охранять, чтобы последних перьев не выдернули.

— Без меня он тут жить не станет. Опять бродяжничать пойдёт... Делать великолепную стойку за конфетку. Пока... пока не... Да что тут говорить! Разом так разом. Не разводиться же с Нинкой в конце концов? Пошли, Норд,— зло и твёрдо сказал Федя.

Несчастный пёс сразу понял, что случилось что-то непоправимое, и за одно мгновение постарел на двадцать лет. Он, полузакрыв глаза, ковылял за Федей, а мы с Ышшем плелись следом и ничем не могли помочь ни человеку, ни собаке. Но смотреть, как Федя отведёт Норда куда-нибудь подальше, прикажет больше к нему не подходить, и заметить при этом взгляд собачьих глаз я тоже не мог.

Мы с Ышшем подождали, пока они зайдут за угол, и сразу всё вокруг показалось мне серым: и небо, и море вдали, и кипарисы, и всё, всё, всё...

56

Такой жары, как в этот день, не было ещё ни разу. Мы только позавтракали, а Ышш в тени дышал, как в безвоздушном пространстве.

Тут я почему-то подумал о львах и о том, что в Африке жара почище крымской, а они себе бегают и охотятся. И, наверно, не случайно на голове у львов грива, а остальное тело голое. Значит, так им

легче переносить жару... Я сообразил, почему вдруг в мою голову пришли мысли о львах, взял у Анфисы Николаевны большие портновские ножницы и, пока мама собиралась на пляж, пачал большую стрижку Кыша. Он сначала не хотел стричься, вырывался и лаял на ножницы. Но я сумел ласково его уговорить. Он успокоился и, круто повернув голову, наблюдал за моей работой. Конечно, машинкой я выстриг бы его получше, чем ножницами, но и так, по-моему, получилось неплохо. Я подстриг Кыша под льва. На его голове я не тронул ни волосинки, а со спины, с боков, с живота и с ног снял всю шерсть. Но как только я собрался обстригать хвост, Кыш вырвался и набросился на меня с ужасным лаем:

«Ты что, не понимаешь, что хвостом я обмахиваюсь?»

— Извини, пожалуйста. Это я поглупел от жары,— сказал я и полюбовался на дело своих рук.

Кыш и вправду стал похож на маленького льва. Мама и Анфиса Николаевна захохотали, увидев его. А Волна, к нашему удивлению, мурлыкая, подошла к Кышу и, красиво изогнувшись, потёрлась о его стриженный бок. И Кыш смотрел то на нас, то на свою спину, растянув рот, и у него из глаз текли слёзы: так он смеялся. А его шерсть Анфиса Николаевна собрала в прозрачный мешочек и сказала, что свяжет мне из неё на зиму тёплые варежки.

После этого мы с мамой пошли на пляж. По дороге она сказала:

— Чем ближе тот день, тем больше Анфиса Николаевна волнуется. Ночью пила капли. И я тоже чувствую себя не в своей тарелке.

— Но ведь она ожидает что-то радостное. Чего же тебе беспокоиться?

— Не знаю... Наверно, мне сообщается её беспокойство.

— Вот и хорошо! Значит, ты её полюбила,— объяснил я.

— Она очень хороший человек,— согласилась мама.

57

По дороге на пляж я всё время зевал, и глаза у меня слипались: я не выспался. А Кышу нравилось быть подстриженным. Он убегал и, возвращаясь, так разгонялся, что пролетал мимо. И все говорили, показывая на него пальцами: «Лев!»

Когда мы проходили мимо прудов, мама прислушалась к столпившимся около лебединого домика отдыхающим. Они откуда-то уже узнали о ночном происшествии и горячо обсуждали его. Мама подошла к ним поближе. А я нашёл то место за лавровыми кустами, где разговаривал с Пушкиным. Трава на этом месте была ещё примята. Около скамейки со-

хранились ямочки от острого конца красивой палки, с которой Пушкин ходил по дорожке. Всё было на самом деле, а не то чтобы мне приснилось! И я снова стал себя ругать за то, что бросился в погоню за «Стариком», вместо того чтобы провести несколько лишних минут с таким замечательным человеком!

Подойдя ко мне, мама, смеясь, сказала:

— Я за тобой с минуту наблюдала. Ты уставился в одну точку и многотрудно наморщил лоб. Если бы ты ещё не чесал рукой коленку, то совсем был бы похож на мыслителя... Знаешь, что произошло сегодня ночью? Было совершено нападение на лебедей. Человек десять молодых «дикарей», целая банда, хотела их съесть.

— Интересно! — зевнув, заметил я.

— Нет! Это не интересно, а ужасно! Стыдно относиться к таким происшествиям как к детективным фильмам! Вообще, Алёша, я начинаю замечать, что в тебе нет гражданского чувства. В наши дни нельзя не быть гражданином!

— Мам! Ну что я такого сказал? — притворно удивился я.

— Банда «дикарей» хотела съесть лебедей, а он с зевком замечает: «Интересно!» Ну и ну!

— Мам, что ты меня всё ругаешь? Ты хоть расскажи, что было дальше! — попросил я.

— Ах, тебе хочется захватывающего продолжения? Перестрелок, пиф-паф, погони и стычек? Так? Я не желаю тебя забавлять! Только знай: люди, которым дорога природа Крыма, сделали своё благородное дело. Двух из них ранили пожарами, но лебеди были спасены. Говорят, в облове участвовали даже школьники, пионеры!

Тут я понял, что настал самый момент спросить, и спросил:

— Вот скажи: если ты говоришь, что нужно быть

в наши дни гражданином, то отпустила бы ты ночью меня и Кыша участвовать в облаве?

— Отпустила бы не задумываясь! — сказала мама и тут же добавила:—Разумеется, я пошла бы вместе с вами.

— А-а! Вместе с нами! — сказал я и представил, как изумилась бы мама, если бы я рассказал ей всё, но, ловя маму на слове, я спросил: — А если я пойду с другим взрослым, то ты отпустишь меня на операцию по защите природы?

— Конечно, под ножи и пули я тебя не отпущу. Не рассчитывай. А вообще... короче говоря: когда до этого дойдёт дело, тогда и подумаем.

— Вот всегда ты так,— упрекнул я.— Скажи, а тех типов всё-таки поймали?

— Поймали только трёх главарей и отправили в Ялту, а двоим удалось бежать,— сказала мама.

Я не выдержал и захохотал, удивляясь, до чего же в разговорах можно всё перевернуть. Мама смотрела на меня, хохочущего, с большим осуждением. Перестав смеяться, я серьёзно спросил:

— Ты согласишься, если я тебе скажу, причём честно и без розыгрыша, что я сегодня ночью видел живого Пушкина и разговаривал с ним? согласишься?

— Он мне самой в детстве снился.

— Нет! Я видел его не во сне, а в самом деле! согласишься?

— Знаешь что, Алёша? Пора взрослеть! — сказала мама.

— Если взрослеть — это, значит, не верить в чудеса, то я не хочу взрослеть! Вот и всё! — упрямо сказал я.

Мама задумалась и ничего не ответила. Мы стояли на берегу пруда и смотрели, как малыши кидали в воду кусочки белой булки, а белый лебедь, часто-часто шлёпая клювом, размачивал их в воде. Крош-

ки, намкнув, медленно, почти незаметно для глаза тонули, и тут их ловили золотые рыбки. И одна из них — я почему-то сразу подумал, что именно её спас этой ночью, — и одна рыбка стояла в воде совсем неподвижно, вверх головой, и ждала, когда крошка булки сама упадёт к ней в рот. Она напомнила мне меня самого и первые снежинки зимы, которые я любил ловить губами. Я неожиданно обратился к золотой рыбке. Только я говорил про себя:

«Послушай, золотая рыбка, у меня есть к тебе одна большая просьба. Но не подумай, что ты мне что-нибудь должна. Нет! Нет! Честное слово, я тебя ещё тыщу раз могу спасти просто так... Я и воробьёв спасал, которые по глупости залетали в нашу квартиру, и бабочек, упавших в море и промочивших крылья... Просто, если тебе не трудно и если ты выберешь свободное время, пожалуйста, сделай так, чтобы я ещё хоть разочек поговорил с Пушкиным! Мне нужно доказать всем, всем, всем, что я не вру и уже с ним виделся!.. А научить меня плавать я тебя не прошу: научусь сам... Быстро читать и писать я тоже сам научусь... Ты только сделай так, чтобы я ещё хоть разочек поговорил с Пушкиным! Всего хорошего. Желаю здоровья и успехов. Поправляйся после вчерашнего!..»

Только я сказал это про себя, как услышал мамин крик:

— Къш! Вернись!

— Пруд не для купания собак! — строго заметил кто-то рядом. — Здесь даже нам, людям, купаться запрещено!

Я глазам своим не поверил: в пруду купался Къш. Он, наверно, сообразил, что пруд не море, что бояться нечего, и решил освежиться после стрижки. Услышав мамин крик, Къш послушно поплыл обратно, но в глазах у него было недоумение и недовольство. Лебеди забили по воде крыльями и как-то противно захрюкали — видно, пожалели воды.

Я так и объяснил собравшимся, что Кыш — воспитанный пёс, но его подстригли, а как известно, если после стрижки не помыться, то волосинки долго и неприятно колются.

58

В этот день мы часов до трёх купались, загорали и лежали в тенёчке. Я перечитал «Сказку о золотой рыбке», которую захватил с собой.

Сева, Симка и Вера тоже были на пляже. Они рассказали мне, что проявили плёнку и на карточках очень хорошо видно, как «Старик» и Жека заводят в пруд огромный сачок. Отпечатанные карточки ребята отнесли в милицию и дружинникам. «Старик» и Жека со своими девчонками сразу как в воду канули. Нашли лишь место их палатки, где остались только колышки, пустые консервные банки, пакеты от молока и незатушенный костёр.

Вера тоже рассказала, что сёстры из «Кипариса» взяли павлина под постоянное наблюдение и поэтому за него теперь можно не беспокоиться. Он в надёжных руках.

Мне на зависть, ребята ныряли с камней, плавали с масками и наперегонки. Я подумал: «Неужели я не человек, а топор? Почему все плавают, а я тоню? Надо научиться держаться на воде!»

Я вместе с мамой зашёл в море, набрал побольше воздуха, но не выдохнул его, а лёг на воду и стал колотить по ней руками и ногами. И вот — чудо! Мне показалось, что я немного продержался на воде! Я снова вдохнул и попробовал просто, вроде пузыря, спокойно полежать. И снова — чудо! Я лежал, и меня слегка покачала волна!

Я радовался и кричал про себя: «Ура! Держусь! Ура!» — и даже подумал: а вдруг это золотая рыбка помогла мне научиться плавать, хотя я честно сказал, чтобы она этого не делала...

На радостях я побежал на лечебный пляж рассказать обо всём папе и нашёл его в машине времени. Папе здорово увеличили нагрузки. Он с трудом нажимал ногами на педали и двигал руками рычаги. Увидев меня, он промычал:

— Уходи! Не-е ме-ешай!

Экипаж других трёх кабин — Левин, Осипов и Рыбаков тоже охотно тренировались, и сестра им сказала:

— Полегче... полегче! Процедурная ходит ходунком.

Никто на этот раз не просил меня перевернуть песочные часы раньше времени. Ждать мне надоело.

— Пап! Я научился плавать! — сказал я, вышел из процедурной и, перед тем как вернуться к маме, заглянул к папиным соседям. Все они только что вылезли из моря и загорали.

Федя, наверно думая о Норде, неподвижным взглядом хмуро смотрел в небо. Милованов, накрыв лысину платком, дремал, а Торий решал шахматную задачу. Василий Васильевич отвёл меня в сторону и сказал:

— Я сейчас сплавал на ваш дикий пляж и обо всём договорился.

— С кем? — Я ничего сначала не понял.

— С твоей мамой.

— И она разрешила?

— Всё в порядке. Если часов в пять утра я свистну вот так: «Фью-фью-фью, уфить-уфить-уфить», — сразу выходи. Понял? Свитер с собой возьми.

— Мой мы забыли в спешке, а папи стащили, — сказал я.

— М-да!.. Ничего. Мама даст тебе свою кофту. У неё есть кофта?

— Конечно. С начёсом... А откуда вы знаете, что... тот человек обязательно отправится этой ночью в горы? — спросил я.

— Узнал. После ряда умозаключений. Пока! До встречи.

Я залез на огромный камень, на котором загорали ребята, и сказал им, что операция «Лунная ночь» начнётся на рассвете.

— Только операцию нужно назвать не «Лунная ночь», а «Крымская ночь», — вдруг предложил Симка, и мы все согласились.

59

Мама, когда я вернулся, ни о чём меня не спрашивала. Но изредка вздыхала, стараясь, чтобы я этого не заметил. Мне казалось, что вечер никогда не настанет.

— Да ты займись чем-нибудь. Не майся, — говорила мама.

Но я не мог ни читать, ни играть в слова, ни искать красивые ракушки и кусочки перламутра в куче серого морского песка, ни смотреть телевизор. И у Анфисы Николаевны было такое же настроение, как у меня. Она сначала читала, потом ходила от двери до калитки по садовой дорожке и без конца курила. Наверно, что-то вспоминала.

Я достал тёплые брюки и мамину кофту, сложил в мешочек приготовленные мамой бутерброды, решив не спорить насчёт них, а просто не брать — и всё. Что это за операция с бутербродами? Не хватало ещё белого воротничка! И чистого носового платка! И наконец пошёл спать, хотя было ещё рано. Но я ведь не выспался ночью и поэтому сразу заснул.

60

Разбудил меня Къш, когда, рыча, выбирался изпод раскладушки. А его поднял на ноги свист Василия Васильевича: «Фью-фью-фью, уфить-уфить-

уфить». Было ещё совсем темно, прохладно и тихо. Я в одну секунду оделся, бутерброды сунул под подушку и позвал Къша. Он слегка дрожал, потому что спал первый раз в жизни раздетым, без шерсти.

— Не носись сломя голову по тропе и не лезь на скалы,— сказала мама, которая, оказывается, не спала.

— Ладно,— сказал я.— Говоришь, как будто я... детский сад. До свидания...

Василий Васильевич был в синем спортивном костюме и в белой кепке. На плече у него висела сумка с заграничными буквами.

— Доброе утро. А... он идёт впереди нас? — спросил я.

— Он давно уже на месте. Здравствуй!

Сначала я зашёл за ребятами. Их отец Сергей Иванович познакомился с Василием Васильевичем. Они о чём-то поговорили, а мы с Севой постучали в окошко дома, где жила Вера. Но из окошка высунулась заспанная бабка и злым шёпотом велела нам быстро уматывать.

— Я вам покажу, как полуночничать! — пригрозила бабка, и нам пришлось уйти в горы без Веры.

Поднявшись высоко над Алупкой, мы свернули круто вправо. Я спросил Василия Васильевича: откуда он так хорошо знает тропы, но он ответил, что я слишком разговорчив, а в таком деле, как наше, это большой минус. После этого я помалкивал, хотя вопросов у меня накопилось уйма. Мы вышли к окружённым можжевельником валунам, под которыми я обнаружил пещеру.

— Ну вот... Кажется, пришли. Вели Къшу идти рядом и не лаять. Ребята, перебегайте от дерева к дереву, пока не дам сигнала. Меня не обгонять! Приготовить фотоаппарат! — велел Василий Васильевич.

Я выглянул из-за ствола сосны, тянувшей ветви к морю, и увидел Федю. Он, как слесарь по ремонту водосточных труб, сидел на маленькой скамеечке лицом к скале. Скамеечка висела на верёвках, спускавшихся с вершины скалы. Меня передёрнуло: так жутковато было смотреть на Федю. Он уже успел огромными буквами намалевать на ровной и плоской, обращённой к морю поверхности скалы:

Федя

и продолжал макать кисточку в привязанную к скамеечке банку с краской.

А неподалёку от него, держась одной рукой за росшее в расщелине скалы деревце, писал свою фамилию тот самый пожилой человек в белой панаме, которому мы с мамой помогли однажды одолеть крутой подъём в гору. Как он забрался на скалу со своей одышкой и больным сердцем, было непонятно. Баночка с красной краской висела у него на груди. Он дописывал последнюю букву в названии своего рода.

ГУДЕЦКИЙ М. И. НИЖНИЙ ТАГИЛ

— Вот видите,— шепнул я ребятам.

— А вон тётка,— сказал Сева.— Как бы не сорвалась!

И правда, левей Гудецкого М. И. из Нижнего Тагила толстая и высокая тётечка, стоя на узком карнизе, тоже выводила на скале свою фамилию:

СЕМЬЯ ГУНДОСОВЫХ. ТАМБОВ, 73 г.

Ей приходилось балансировать, чтобы не свалиться вниз с двухметровой высоты.

— Окликать надо осторожно. Вы займитесь этими двумя, а я пойду к Феде,— сказал я.

Василий Васильевич, взяв у Севы аппарат и прячась за стволами, перебежал поближе к Феде. Стоя под ним, он несколько раз щёлкнул вспышкой.

СЕМЬЯ
ТУНДЛОВЫХ

Тудеукий М.И.
нижний Татис

ФЕДЯ

Федя сначала не понял, в чём дело, и обернулся через плечо. От неожиданности кисточка вышала у него из рук. Кыш, увидев Федю — своего спасителя, завизжал от радости и бросился к скале. Пожилой человек и тётя тоже заметили нас, но продолжали делать своё дело как ни в чём не бывало. Василий Васильевич дал знак, чтобы я подошёл поближе. Сам он стоял уже прямо под Федей, задрав вверх голову.

— Доброе утро, Ёшкин,— сказал спокойно Василий Васильевич.

— С добрым... утром,— помолчав, ответил Федя. Василий Васильевич начал его допрашивать:

— Ты крепко укрепил верёвки?

— Не первый раз в горах. Не сорвусь.

— И везде на скальной живописью занимаешься?

— А вы чего пришли? — начиная злиться и поняв, что за ним следили, спросил Федя.

— Во-первых, лови верёвку! — Василий Васильевич раскрутил над головой моток верёвки и по-ковбойски бросил копец прямо в руки Феде. — Ты, конечно, можешь подняться и уйти. Но для тебя это не лучший вариант. Поверь. Говорю это потому, что успел тебя полюбить как доброго, честного и сильного парня. И не кипятись. Мораль я тебе читать не собираюсь. Сам поймёшь, каким жалким способом ты хочешь самоутвердиться, оставить, так сказать, в веках своё имя. Тебе приятно будет, если, увидев твои художества, люди сплюнут от возмущения и скажут: «Надо же было испоганить красавицу скалу!» Ответь только на один вопрос: ты хотел бы, чтобы тебя в эту минуту увидели друзья по работе, отец, мать, жена Нина, знакомые и незнакомые люди? Честно.

— Как сказать?.. Зачем же? А чего вы сами от меня хотите? Я вот сейчас слезу и поговорим по-другому! Поняли?

— Вот видишь, милый ты мой сосед по палате, ты

не хочешь, чтобы тебя увидели! Ты чувствуешь в глубине души, что занят делом нечистым, что ты не создаёшь прекрасное, а уродуешь его. Поэтому и прячешься воровато от наших глаз. Настоящую же красоту творят открыто и готовы за неё пострадать. Так вот: мы с Алёшкой, как твои друзья, принесли тебе ацетон и ветошь. Тащи сумку. — Василий Васильевич привязал её к верёвке. — Тащи, не стесняйся и смой по-быстрому всё, что намалевал.

Федя сначала не хотел тянуть сумку с ацетоном вверх — наверно, боролся с собой. Но постепенно одолевал в себе нехорошего человека: сумка поползла, поползла... медленно, потом быстрее, и Василий Васильевич подмигнул мне, когда она взлетела в Федины руки.

Тётенька и Гудецкий из Нижнего Тагила продолжали, ничего не замечая вокруг, рисовать буквы.

Я подошёл к ребятам. Сева спросил меня:

— Что же, теперь ждать, когда они малсвать кончат?

«Действительно», — подумал я и кашлянул.

Гундосова повернула голову в нашу сторону и строго спросила с высоты:

— Кто вы, дети?

— Здравствуйте, держитесь крепче! — для начала сказал я, а Симка ответил:

— Мы пионерский патруль по охране и защите природы!

— Это хорошо. Охраняйте. Молодцы! — похвалила нас тётенька и снова повернулась лицом к стене.

— Между прочим, товарищ Гундосова, вы нарушаете постановление Крымского областного Совета, — осторожно сказал Сева.

— Только держитесь крепче, — сказал я, а тётенька, обернувшись, изумлённо протянула:

— Я-а-а? Наруша-а-а-ю?

— Да, вы, — сказал Сева.

Симка подошёл с аппаратом поближе, и голубая

вспышка на миг озарила изумлённое и уже немного испуганное лицо тётеньки.

— Михаил Иванович! Михаил Иванович! — крикнула она.

— Что вам здесь надо? — громко и строго спросил нас Гудецкий из Нижнего Тагила. — Почему вы болтаетесь в горах в такой ранний час?

— Мы из-за вас болтаемся! — начиная злиться, сказал Сева.

— Вы подумайте! Грубят! — возмутилась Гундосова. — Жаль, что нельзя вызвать милицию! Жаль!

В этот момент к нам подошёл Василий Васильевич и сказал:

— Можете рассматривать меня, граждане, как представителя милиции. Инспектор Угрозыска Васильев. Вот удостоверение.

— Михаил Иванович! Лидия Пална! — крикнул Федя. — Не спорьте. Мы попались! Стирайте всё, пока не поздно!

— То есть что значит «стирайте»? — спросил Гудецкий.

— А то, что вы портите своими фамилиями природу! — сказал я.

— Вы, наверно, и на живых деревьях ножом вырезаете? — добавил Сева, а Симка ещё раз щёлкнул вспышкой.

— Вам, гражданка Гундосова, и вам, гражданин Гудецкий, я от души советую стереть ацетоном свои фамилии. И будем считать, что инцидент исчерпан, — сказал Василий Васильевич.

Гундосова, ничего не ответив, поставила кисточкой точку, пропла по уступу и с решительным видом приблизилась к нам.

— Я ничего стирать не собираюсь, — сказала она, — и вы не имеете права фотографировать и шантажировать отдыхающих.

— А вы что, простите, приехали специально для

того, чтобы увековечить на скалах своё имя и уехать обратно? — спросил Василий Васильевич.

— Так поступают тысячи людей! Это стало традицией! — сказала Гундосова.

— К сожалению, дурной, — заметил Василий Васильевич.

— Я ничего не изуродовала! — сказала Гундосова.

— Возьмите бы да кипарис посадили около шоссе, если вам хочется память о себе оставить в Крыму, — посоветовал Сева.

— Эх, вы! — добавил Симка.

— Всего хорошего, и не смейте мне угрожать. Я никого не боюсь! — сказала Гундосова.

Она ушла вниз по тропе и даже ни разу не оглянулась. И вот тогда пожилой человек — Гудецкий, про которого в разговоре с тётенькой мы совсем забыли, сказал нам дрожащим голосом:

— Товарищи! Я же не могу слезть!.. Помогите! На подъём сюда я израсходовал все свои силы...

— Но всё-таки вам хватило их для получения третьего разряда по скалолазанию? — спросил Василий Васильевич улыбувшись.

— Поверьте, я осознал свой поступок, на который решился после шестидесяти восьми лет безупречной жизни! Я хотел стереть свою фамилию с лица скалы, но... увы!.. масляная краска!

Вид у Гудецкого был смешной и жалкий, и Сева сказал нам:

— Он осознал. Я лично ему верю.

— Но вы же могли подумать перед тем, как идти сюда для увековечивания своего имени. Не правда ли? — спросил Василий Васильевич.

— Поверьте, мне было внушено, что оставление своих фамилий в Крыму — старая и добрая традиция! И потом... потом... не за горами мой закат... Я одинок... и подумал, что, может быть, лет через пятьдесят кто-нибудь придёт сюда и прочтёт:

«Гудецкий М. И. из Нижнего Тагила». Всё-таки память...

Сева забрался к Гудецкому и помог спуститься ему вниз. Потом попросил Федю отлить немного ацетона в консервную баночку и сказал нам, что смоев фамилию Гудецкого сам.

А Гудецкий действительно был очень расстроен и поклялся перед всеми нами, что непременно посадит два кипариса при въезде в Алупку. После этого он, очень смущённый, ушёл.

61

— Пойдём, на солнышке посидим,— сказал мне Василий Васильевич, и вот тут-то я и пожалел, что не взял с собой бутерброды. Кыш тоже хотел есть, жалобно поскуливал, и я чувствовал себя перед ним виноватым.

— Между прочим, Федя,— сказал Василий Васильевич,— я в первый же день обратил внимание на то, что ты потрясён красотой Крыма. Ты ходил, любовался морем, кипарисами, скалами и всё повторял: «Эх, сказать бы об этом!..» Теперь я жалею, что не посоветовал тебе тогда взять карандаш, лист бумаги и написать стихи.

— Таланту всё равно нет,— откликнулся Федя с высоты.

— А я уверен, что человек, потрясённый красотой, найдёт слова, чтобы сказать об этом! Ты, однако, нашёл другой выход для своих чувств. Исцарапал живот Геракла и вырезал на скамейке: «Крым— чудо природы. Охраняйте его».

— Ладно! Дальше не продолжайте,— смущённо попросил Федя.— И так дошло.

— Дошло, что преступно портить статуи, вазы и скамейки, а скалу, ты решил, измалёвывать не возбраняется. Между прочим, я не следил за тобой специально, но понять, для чего тебе крючья с верёвками

ми, кисти и краски, было не трудно. Кстати, зря ты завтра улетаешь из Крыма.

— Не завтра, а послезавтра. Откуда вы это знаете?

— Умозаключение. Кроме того, я знаю, что ты работаешь директором стадиона в своём городе. Но стадиона ещё нет. Он только строится, и тебе приходится трясти подрядчиков, доставать стройматериалы и агитировать общественность. (У Феде от изумления чуть не выпала из рук бутылка ацетона.) На этой работе ты с непривычки и распатал свои нервышки. Вот тебя и послали отдохнуть. Верно?

— С женой, что ли, списались? — спросил Федя.

— Извини, не могу открыть тебе каналы информации. А улетать не советую. Глуостей ты наделал немало, исправить их и как следует отдохнуть ещё не поздно.

— Улечу. Не могу псу в глаза смотреть. Предал я его. Полюбил — и предал, — сказал Федя. Он яростно принялся смывать ацетоном буквы.

Ветер доносил до нас запах ацетона, и тогда Кыш, фыркая, отбежал в сторону. Вдруг он насторожился и сам встал в стойку, как охотничий пёс, чего никогда раньше не делал, постоял, потянул посом и куда-то понёсся. Я забеспокоился, но он немного погодя показался из-за деревьев, а за ним, держа в зубах что-то светло-жёлтое, с пузырышками и болтающейся головой, торопился.. Норд! Он тяжело дышал после подъёма в гору, а Федя сидел лицом к скале и его не видел.

— Федя! — сказал Василий Васильевич. — Вон друг твой пришёл. Утку тебе на завтрак принёс. Полупотрошённую. Прямо сейчас на вертел годится.

— Какой ещё друг? — не оборачиваясь, мрачно сказал Федя.

— А ты посмотри.

Норд положил утку у подножия скалы и, смотря

на раскачивающегося Федю, три раза пролаял: «Гавррр! Гавррр! Гавррр!» После этого он сел около утки и не подпускал к ней изнемогавшего от любопытства Кыша.

— Я ему всё время про уток говорил. Вот он и подумал, что из-за них я его в отставку уволил... О умница! Отныне нема такой силы, чтобы нас разлучила! Ещё раз подчёркиваю: не-ма! — Последние слова Федя, наверно, говорил жене Нине, и эхо издалека повторило: «Не-ма!»

Пока он смывал последние буквы, я строил разные догадки насчёт утки и решил, что Норд её где-нибудь стянул.

— Почему? — спросил Василий Васильевич, которого так же, как меня, поразили ум и преданность Норда.— Почему непременно стянул? Почему не допустить, что пёс поступил честно, а не бросил вызов обществу, как, например, тип, лишивший павлина перьев.

— Но он же не мог эту утку купить! И в долг тоже не мог её попросить! — сказал я.

— Напротив! Я уверен, что у благородного пса был такой ход мысли: он, конечно, прекрасно знал слово «утка». Федя только и говорил ему про охоту, уток и так далее. И, возможно, неожиданное увольнение объяснил своей охотничьей нерадостью. И, естественно, решил доказать человеку, которому поверил всей душой, что он не шалопай и тунеядец, а настоящий охотник. Я почему-то уверен, что он взял утку в долг. Такие личности не воруют! И если потерпевший обнаружится, то я сделаю всё, что в моих силах, для полного оправдания прекрасной собаки!

Пока мы разговаривали, Федя всё смысл ацетоном, банку, бутылку, молоток, кисть и тряпки бросил на землю и по тропе спустился к нам. Он первым делом молча и кренико пожал Норду лапу. И долго не выпускал её из своей руки. Потом поднял утку, завёрнутую в синюю бумагу.

— Ещё оттаять не успела. Свеженькая! Где же ты её добыл, верный друг? На складе? В магазине? Или у частного лица? На уголовное дело, выходит, я тебя толкнул? Отпёс бы ты сё, что ли, обратно?

— Этого не стоит делать. Пёс обидится,— сказал Василий Васильевич.— Я предлагаю эту утку зажарить на вертеле, а другую кушать в магазине, и отнести на кухню в «Кипарис».

— Дело говорите! У меня бабка от голода кружится,— согласился Федя.— А почему вы думаете, что он стащил утку в «Кипарисе»?

— Вчера я случайно поинтересовался меню на завтра. «Утка жареная с гарниром»,— сказал Василий Васильевич.

Кыш, почуяв, что дело пахнет жареным, таскал вместе с нами ветки и шишки для костра. Его развели на голом месте и окружили камнями, чтобы огонь не полз к сухой траве. Федя ловко выстругал вертел. На него насадили утку и вертеть поручили мне. А шею, ноги и потроха зажарили на углях и отдали собакам. Всё это быстро съел Кыш, а Норд от утятинь отказался.

— Вот душа! Вот охотник! — удивлялся Федя.

Утка быстро зарумянилась, жир с неё капал на угли и всыхивал. Дымок приятно щекотал поздри. Я крутил вертел, сняв и кофту и рубашку, а остальные ворошили угольки и разговаривали. Федя всё вышывал у Василия Васильевича, откуда тот почти всё о нём знает, но Василий Васильевич отвечал:

— Профессиональная тайпа.

Наконец он проткнул острой веточкой утиную грудку и ножки. Из них прыснул светлый сок. Я нарвал свежей травы. Утка немного остыла на ней. Федя разрезал её охотничьим ножом и выдал всем по куску.

Мы жадно набросились на них, и каждый из нас сказал Норду:

— Спасибо, старина!

Костёр мы забросали землёй и камнями...

— Пушкина больше не видел? — напоследок, у нашего дома, спросил меня Симка.

— Ха-ха-ха! — снова добродушно захохотали мои новые друзья и забрали у меня фотоаппарат со вспышкой.

63

Мама ждала меня у калитки. Первым делом она обняла сначала меня, а потом Кыша и расцеловала, как будто мы возвратились после долгой разлуки из кругосветного путешествия. Затем проверила, не расшиб ли я коленки, не ободрал ли руки и не изорвал ли её кофту. Затем заставила меня как следует умыться и усадила за стол завтракать.

— Мам, ты наставила столько еды, как будто я голодал целую неделю, — сказал я и не стал ничего есть. Только вышел чаю.

Потом мама начала меня расспрашивать, как проходила операция и кого мы разоблачали с Василием Васильевичем. Но я ответил, для того чтобы не выдавать Федю, что материалы операции будут обрабатываться и говорить о них ещё рано.

— Ты знаешь, когда я тебя обняла и поцеловала, мне показалось, что ты пропах дымом и чем-то жареным, — вдруг подозрительно сказала мама. — Вы там разводили костёр?

— Разводили. Без костра в горах нелегко.

— И что-нибудь жарили? Только правду! Ты поэтому сыт?

— Мы утку жарили! — сказал я и облизнулся.

— Вы застрелили её? — спросила мама.

— Нет, она была и без нас полупотрошённая.

— Хорошо. Продолжай секретничать, — обиделась мама. Она не понимала, что я сам немного поговя всё, что можно, ей расскажу и что не надо ничего у меня выпытывать.

Тут к нам забежал папа. Он уже успел пробежать два больших круга, раскраснелся и, разговаривая, подпрыгивал на месте, как спортсмен на разминке.

Он рассказал, что под утро к ним в палату пришёл Корней Викентич и вместо Василия Васильевича и Феди увидел в кроватях какие-то куклы. Шума он поднимать не стал, но пообещал беспощадно расправиться с нарушителями режима и вообще сформировать всю седьмую палату. Когда Корней Викентич ушёл, папа снова уснул, но его разбудил крик шеф-повара Анны Павловны. Папа выглянул вместе с Миловановым и Торием в окно и увидел Норда, убегающего от Анны Павловны с уткой в зубах. Он стянул её прямо с кухонного стола, и Анна Павловна кричала:

— Караул! Разбойник!!!

— Вот какие дела! Из всей палаты только я и Торий соблюдаем режим, — сказал папа.

— Не хвались, а то сам себя сглазишь, — сказал я.

Папа схватил со стола кусок колбасы и убежал.

64

Мы собрались идти на пляж, когда Анфиса Николаевна пришла с базара. Она принесла полную сумку всякой всячины — и овощей, и молодой картошки, и мяса, и две бутылки вина. И попросила нас ровно в три часа приходить к обеду.

— Скорей бы уж кончились все эти загадки и треволения,— помечтала мама по дороге на пляж.

Мне очень хотелось перед купанием заглянуть в «Кипарис» и заступиться перед Корнеем Викентичем за Норда, сказать, что он вовсе не жулик, а самая преданная человеку собака, но мама меня не пустила.

В этот день я снова сам плавал — верней, держался на воде. Сева дал мне маску и дыхательную трубку, и я долго лежал между двух, обросших водорослями камней, первый раз в жизни рассматривая подводное царство Чёрного моря: парашютики медуз, крабиков, креветок, мелькавших вдалеке ставридок, приросшие к камням шляпки мидий и свои, казавшиеся увеличенными раза в два руки.

Я вылез из моря, когда совсем замёрз. Къш лаял и звал меня от скуки. Я принёс в мешочке воды и облил его.

Мама читала и разрешила мне ненадолго сходить на папин пляж.

Папа, Левин, Осипов и Рыбаков снова сидели на площадке йогов, поджав ноги и положив руки на колени. И снова все они странно дышали и странно улыбались.

— Пап! Может, у тебя какие-нибудь видения перед глазами? — спросил я, но он не слышал и продолжал улыбаться.

Я подумал про себя, что завтра его обязательно нужно сфотографировать, и сам попробовал посидеть, как йог, но это было скучно. Тут я услышал негромкий храп. Это храпел спавший на лежаке Торрий. Милованов что-то доказывал Василию Васильевичу. Оказывается, они решили разыграть Тория, но не ради шутки, а для примера.

Милованов взял шариковую ручку, склонился над Торием и большими буквами написал у него на пред-

плечье: «БЫЛ В КРЫМУ. Жора с Курской аномалии». И поставил число. Торий даже не пошевелился.

— Зачем это? — спросил я шёпотом у Василия Васильевича.

— Сейчас поймёшь, — ответил он, стараясь не рассмеяться.

— Ну теперь надо будить этого равнодушного ко всему на свете молодого человека, — сказал Милованов.

— Вы же говорили, что разбудить его невозможно, — заметил Василий Васильевич.

— Есть один волшебный способ. Торий сам про него рассказывал. — Милованов достал из-под свёртка с одеждой Тория карманные шахматы с расставленными фигурками, двинул чёрную пешку и злоеце сказал: — Торий, вам шах!

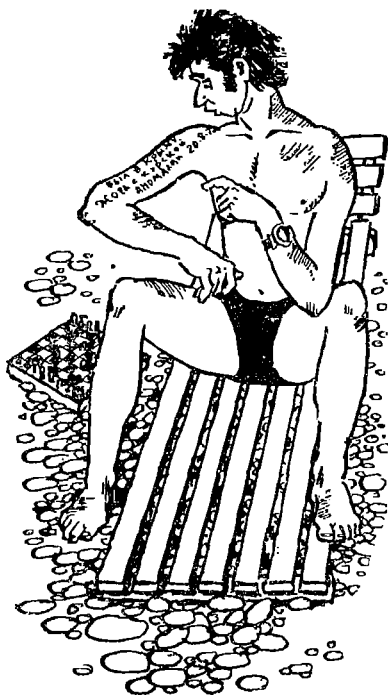
Торий как ужаленный вскочил с лежака.

— Что? Что? Где шах?

Милованов и Василий Васильевич не удержались и захохотали. Я не смеялся, потому что всё ещё ничего не понимал.

— Что за шуточки? — спросил Торий.

— Какие уж шуточки! Посмотрите на свою руку, — сказал Милованов. — Пока вы спали, а мы купались, какой-то варвар вас разрисовал.

— Какая наглость! Просто нет слов!.. Смотрите, что делается! — возмущённо воскликнул Торий. — Им стало мало деревьев, скал и Гераклов! Они взялись за живых людей. Да я бы... да я бы... не знаю, что сейчас сделал бы с этим Жорой с Курской аномалии!

— А что вы, собственно, Торий, так возмущаетесь? Вы же сами говорили о действиях любителей оставлять где попало свои автографы: «Ерунда! Ничего особенного... Зачем поднимать из-за этого шум?» Говорили? — спросил Василий Васильевич.

— Да... говорил... Но то деревья, скалы... или какая-то ваза... А я... я же живой человек!

— С вас можно смыть чернила. А с дерева порез ножом не смоешь! — неожиданно для себя сказал я. — И вы спали, значит, вам не было больно, а дереву всегда больно!

— Алёша абсолютно прав, — сказал Милованов.

— Странно, что раньше вы этого не чувствовали, — добавил Василий Васильевич.

Торий как-то растерялся, ничего не ответил, поднял с земли шершавый камешек, плюнул на испи-санное плечо и быстро, как пемзой, стёр с него «Жору с Курской аномалии».

И только я хотел спросить Василия Васильевича, что такое Курская аномалия, как услышал испуганный визг Ыша, донёсшийся с нашего пляжа.

Я побежал туда и увидел, как мама пыталась пой-мать Ыша, который с жуткой скоростью носился по кругу и продолжал визжать. Я еле его остановил и всё понял: в ухо Ыша вцепился краб размером с полтинник, зацутался клешнёй в шерсти и сам не мог отцепиться. Я его кое-как отсоединил от уха, он бочком, бочком заковылял по камешкам и пропал с глаз. Ыш, рыча, стал задними лапами откидывать камешки, один из них попал в ногу какой-то тётенке, она вежливо сделала маме замечание, и нам, для того чтобы успокоить Ыша, пришлось уйти с пляжа.

Мы вернулись домой ровно в три часа. К моему и маминому удивлению, Анфисе Николаевне помогал выносить на улицу большой обеденный стол... Федя! А Норд лежал в тенёчке под чинарой. Федя объяснил, что сюда его прислал с запиской наш папа — переждать, пока уляжется шум из-за похищенной утки и нарушения режима. Но он, повздорив с Корнеем Викентичем, твёрдо решил не возвращаться в «Кипарис», а уехать домой вместе с Нордом.

Мама с Анфисой Николаевной, всё время поглядывающей на часы, начали накрывать на стол.

— Послушай, Федя, — сказал я, — ты, выходит дело, решил сбежать и о тебе останется здесь, в «Кипарисе», плохая память? Я сам по себе знаю, что пока не скажешь правду, то па душе будут кошки скрести. Ты уж лучше признайся, и тебя простят.

— Ладно! Ты меня не учи! — сказал Федя. — За утку я уже внёс деньги в бухгалтерию.

— А Геракл? А ваза? А скамейка?..

— Не бери мою душу, сам во всём разберись...

Стол был накрыт, на нём стояли всякие вкусные вещи, а обедать нас почему-то не приглашали. Анфиса Николаевна в последний момент обнаружила, что, кроме всего прочего, пропала трёхлитровая бутылка с постным маслом, не с магазинным, а с украинским, домашнего приготовления, которое ей привезла с Полтавщины старая знакомая.

Мама хотела послать нас с Федей за постным маслом, но Анфиса Николаевна заправила винегрет сметаной и всё весело восклицала:

— Как же я забыла про масло?! Ведь всё вспомнила, а про него забыла! Стара, мать, стара... Но ты, голубчик, ответишь у меня за всё! Держись!

Я в двух словах рассказал ничего не понимавшему Феде о таинственных исчезновениях из нашего дома разных вещей и с огорода — огурцов.

— Странные дела,— сказал Федя и, вздрогнув, схватил меня за руку.

В калитке показался запыхавшийся Корней Викентич в своей белой шапочке Айболита, а за ним мой папа со свёртком в руках. Корней Викентич подбежал к Феде и сказал:

— Дорогой мой!.. Мы повздорили. Это естественно... Ведь я прав, но мы, извините, не гимназистки — разлучаться навек из-за пустяков. Согласитесь, что за всё вытворенное вами я не мог погладить вас по голове.

— Дело не в этом,— сказал Федя.

— Так вот, знаете, почему я не говорю вам: скатертью дорожка?.. Вы мне правитесь. Да-с! Я уважаю вас. И верю, что с завтрашнего дня начнёте новую жизнь в «Кипарисе».

— В общем, вы правы! — сказал Федя.

— Ну вот и хорошо,— обрадовался Корней Викентич.— Вы думаете, я не понял мотивов собаки, когда она стянула уточку? Понял! И зря вы кипятитесь!

— Корней Викентич,— сказала, подойдя к нему, наша хозяйка,— о вашем тиранстве отдыхающие уже сложили легенды!

— И правильно. Они приехали сюда восстанавливать здоровье, а не развлекаться! Вот возьмите Сероглазова! На правильном пути человек! И вдохновенно бежит по нему! Скоро на него будет приятно смотреть!

Папа в этот момент развернул свёрток, достал из него свой пропавший с верёвки свитер и строго, как на допросе, спросил у меня и мамы:

— Каким образом этот свитер оказался у меня под подушкой?

Мы с мамой только переглянулись и ничего не могли ответить.

— Сейчас вы всё узнаете! — сказала Анфиса Николаевна.— Стойте здесь. Ближе ко мне не подхо-

дите! Он в сарае! — Она на цыпочках подошла к двери сарая.

С этой минуты всё стало происходить, как в кино.

66

Анфиса Николаевна, негромко постучав в дверь и отодвинув засов, сказала:

— Выходи... Не прячься... Я же знаю, что ты здесь... Не бойся... Тут никого нет... Фашисты далеко... Патруль только что проехал... Выходи. Я помогу тебе...

Она отступила шага на два от двери. В сарае кто-то зашевелился, скрипнули доски, и громыхнуло вед-

ро. Мама прижала меня к себе... И вот наконец старая дверь тихонько отворилась, и в ней показался... Василий Васильевич!! Он, не глядя на нас, сказал Анфисе Николаевне, совсем как мальчишка:

— Тётяшка... вы меня не ругайте... вы меня простите... Я же не воришка... Я очень есть хотел...

Анфиса Николаевна подошла и, никого не стесняясь, заплакала. А Василий Васильевич обнял её одной рукой, а другой смахивал с глаз слёзы. Он всё время кусал губы, наверно, чтобы не разреветься, и говорил:

— Сестрёнка... милая ты моя... сестрёнка... родная...

А Анфиса Николаевна счастливым голосом повторяла:

— Васька... братишка... Слава тебе господи... Счастье-то какое... Васька... разбойник ты всё-таки...

Потом она взяла Василия Васильевича за руку и увела в дальний конец сада к огуречным грядкам. Там они что-то говорили, перебивая друг друга, и Анфиса Николаевна то смеялась, то вытирала слёзы, а мы все в сторонке огороченно смотрели на них.

Потом Анфиса Николаевна поставила тарелки и рюмки для мужчин и пригласила всех обедать и выпить за самую счастливую в её жизни встречу.

За столом я забыл про еду и старался не пропустить ни одного слова из рассказа Василия Васильевича.

Мама умерла, когда ему было три года. Они с отцом жили в Таджикистане, в горах, на пограничной заставе. Отец был её начальником. На границе тогда было жаркое время, и Ваську забрала к себе в Симферополь тётка. Васька всё время мечтал поскорей вырасти и убежать к отцу на заставу. Но ему

не сказали, что отца убили в бою с последней бандой басмачей, и, когда поймали в Москве после второго побега от тётки, поместили в детдом.

Из детдома он тоже убежал в день, вернее, в ночь начала войны... Это было под Киевом. Он слышал гул самолётов в небе и разрывы бомб и видел зарево огня, но думал, что идут очередные военные манёвры, и решил поближе на них посмотреть.

На шоссе на перекрёстке Васька забрался в кузов грузовика и на остановке из разговоров шофёров узнал, что началась война. Он только боялся, как бы она не кончилась до его прибытия на фронт... Грузовик шёл из Киева в Севастополь... Так Васька оказался в Крыму... В то тревожное время милиционерам было не до беспризорных мальчишек. Он слонялся по Ялте, воровал на базарах лепёшки, ночевал где попало и, когда понял, что война с фашистами будет кровавой и долгой, начал готовиться к партизанским сражениям. Он хотел воевать с врагами в одиночку...

Однажды ему повезло. Блуждая по склону горы над Алушкой, он случайно обнаружил пещеру. Не такую большую, как некоторые пещеры Крыма, но в ней куда-то вытягивало дым, и в холодные ночи Васька разжигал костёр и спал около него...

Из слесарной мастерской покинутого всеми «Кипариса» он перетасил в пещеру всякие инструменты... Когда немцы заняли Крым и по шоссе стали сновать их военные грузовики, у Васьки уже были сделаны из стальной проволоки колючие пины для диверсий.

Несколько раз там, где скалы нависают над дорогой, он устраивал завалы и надолго задерживал колонны фашистских грузовиков. И, довольный, потирал руки, когда, напоровшись на стальные пины, лопались баллоны машин и шофёрня вылезала из кабин с проклятиями партизанам, а офицеры покрикивали: «Шнель! Шнель!» Но всё это он старал-

ся делать подальше от пещеры, чтобы ищейки не нашли её во время облав.

Он научился беспшумно красться и видеть в темноте, как кошка. Бывало, даже собаки просыпали, вроде Кыша, его очередной рейд в чужие огороды за огурцами. Особенно он повадился лазить в огород Анфисы Николаевны...

Васька заболел. Простудился ночью в пещере. Двое суток его трясла лихорадка. От голода он еле стоял на ногах, но попрошайничать не хотел: боялся, что кто-нибудь выдаст его немцам. А Анфиса Николаевна, которую наши оставили как разведчицу для связи с партизанами, поняла, что в огород лазит наверняка кто-то скрывающийся от немцев. Может быть, раненый. Ведь она нашла окровавленный бинт. Это у Васьки была перевязана коленка. Зная, как холодно бывает по ночам в горах, она нарочно вывесила на верёвке, на видном месте, тёплые вещи и попала в точку. Больной Васька стянул их с верёвки, оставив на прищепке записку: «После войны рассчитаемся. Спасибо...»

Васька выздоровел. Теперь с одеялом и свитером в пещере ему было тепло.

Иногда он украдкой наблюдал за Анфисой Николаевной. Ему просто не терпелось узнать, как себя ведут «обчищенные» им люди и кто они. И почувствовал, что Анфиса Николаевна, тогда ещё совсем молодая, — свой человек. Васька поэтому даже осмелился однажды слопать у неё обед.

А бутылку с постным маслом Васька унёс вот для чего: он засек время, когда четверо фашистских офицеров ездили по вечерам на «мерседесе» кутить в Ялту. Возвращаясь, они, пьяные, по очереди вели машину, выхваляясь друг перед другом в лихаческих выражах на горной дороге.

На самом крутом вираже, увидев вдаль фары «мерседеса», Васька вылил на асфальт постное масло. Один из офицеров, заметив масляную лужу, что-

то крикнул пьяному дружку, тот с испугу резко затормозил, но было уже поздно: «мерседес» занесло как раз в луже масла и бросило под откос. «Вот вам, гады!.. Не будете к нам соваться!» — сказал тогда Васька, смотря на полыхающий внизу «мерседес»...

Немцы стали за ним охотиться. Тогда он спрятался в сарае Анфисы Николаевны, и однажды вот точно так же, как сегодня, как только что, она сказала ему:

— Выходи... Не прячься... Я же знаю, что ты здесь... Не бойся... Тут никого нет... Фанисты далеко... Патруль только что проехал... Выходи, я помогу тебе...

И Васька вышел. Анфиса Николаевна не ожидала увидеть мальчишку. Он рассказал ей про все свои партизанские дела и поклялся воевать с захватчиками в одиночку до полной победы... Анфиса Николаевна переправила его к партизанам. Он стал бесстрашным разведчиком. Однажды вместе с товарищами отбил у немцев машину, в которой везли в Симферопольскую тюрьму Анфису Николаевну. Они поклялись быть братом и сестрой... Потом Ваську ранило осколком мины в щеку. Его увезли, переправили в госпиталь, а Анфиса Николаевна перешла через линию фронта к нашим... Они потеряли друг друга. Кто-то сказал Ваське, что Анфиса Николаевна погибла, выполняя задание в тылу врага, а до неё дошли слухи о смерти Васьки от тяжёлой раны... Всё-таки они пытались после войны навести справки, но Анфиса Николаевна даже не знала Васькиной фамилии. Ведь ему дали её по партизанской справке при получении паспорта.

А Анфиса Николаевна после войны вышла замуж и жила под Ленинградом на станции Токсово. Совсем недавно, после смерти мужа, она поменяла свой дом в Токсове на этот, тоже когда-то бывший своим, с которым столько было связано в её жизни.

А Василий Васильевич частенько после войны бывал в Крыму, встречал старых друзей и не терял надежды увидеть свою старшую военную сестру живой и невредимой. И вот недавно шофёр «Рафика», тоже в прошлом партизан, встретил Анфису Николаевну и позвонил по телефону Василию Васильевичу. Тот велел ему помалкивать до поры до времени. Он захотел, чтобы всё повторилось так, как было во время войны, и чтобы они оба вспомнили всё до мельчайших подробностей... И обчищенные грядки, и три вынавших у Васьки из-за пазухи огурца, и сломанную жёлтую мальву, и съеденный обед, и бутылку постного масла... И всё, всё, всё, что произошло с ними и с Родиной в те тяжёлые времена...

И ещё Василий Васильевич хотел, чтобы Анфиса Николаевна постепенно привыкла к мысли о встрече, а то бывали случаи, когда от неожиданной радости у людей не выдерживало сердце...

Про всё это Анфиса Николаевна и Василий Васильевич рассказывали по очереди. И во время их рассказа я так и не дотронулся до еды.

Конечно, папа сразу догадался, как попал к нему под подушку свитер, а Корней Викентич — куда Василий Васильевич исчезал по ночам...

— Да, братишка, постарели мы,— сказала Анфиса Николаевна.

— Что ты, сестра! Это только так кажется!

— А где, кстати, ты одеяло припрятал? — спросила Анфиса Николаевна. — Небось в пещере?

— Да. Я там полночи на днях просидел. Всю жизнь припомнил. Это иногда полезно.

— Почему? — спросил я.

— Алёшка, не лезь ты хоть сегодня с вопросами! — сказал папа.

— Правильно спросил Алексей,— сказал Василий Васильевич.— Я припомнил свою жизнь, перебрал в уме дни и годы и понял, что, в общем, жил

верно. Бывало, ошибался, но признавал себя неправым.

— Вы совсем как папа! Он больше всего веселится, когда признает свою ошибку,— сказал я.

— Тебе бы тоже не мешало иногда обдумывать прожитую жизнь,— сказал папа смутившись.

— А я вот этого не делал никогда: думал, впереди времени много,— вмешался в наш разговор Федя, сидевший всё время угрюмо и молча.— Дурак, значит!

63

В этот момент я вдруг совершенно точно понял, какой шаг я совершу завтра в своей жизни. Он напрашивался сам собой, я боялся, что все по моим глазам прочтут, что я задумал, и поэтому весь вечер, пока взрослые вспоминали военные годы, задавал то маме, то папе разные нелепые вопросы. Наконец я спросил у папы, можно ли будет приживить к павлиньему хвосту перья, если их найдут, а если нельзя, то почему наука до этого никак не додумается?

Папу этот вопрос неожиданно вывел из себя. Он забушевал:

— Взгляните, друзья, на этого человека!.. Нет, вы посмотрите на него! Человечество разрывается на части от массы нерешённых проблем! Три четверти населения земли живёт впроголодь. Не уничтожена опасность войны. Загрязняются моря, леса и реки. Напряжённая умственная работа доводит некоторых энтузиастов до мышечного голодания. Наконец, нам угрожает тепловая смерть! А этот человек больше всего беспокоится о павлиньем хвосте! Если бы ты, Алексей, представил себе в уме весь путь, пройденный человечеством за его историю, ты бы не задавал мне дурацких вопросов! Понятно?

— Честное слово, понятно! — сказал я и ещё больше утвердился в том, что мне совершенно необходимо не завтра, а прямо сегодня же забраться в пещеру, припомнить там свою жизнь, а главное, представить в уме весь путь, пройденный человечеством за его историю.

Но одному под вечер идти в горы мне было страшно. И потом, я подумал, что Феде тоже нужно припомнить ошибки своей жизни, и спросил, отведя его в сторону:

— Послушай, ты знаешь всю историю человечества?

— За десять классов, — сказал Федя.

— А больше пока ещё ничего особенного не произошло, — успокоил его я.

— Не скажи! Город наш новый мы на вечной мерзлоте построили! Это что? Не история, по-твоему? А луноход?

— Верно. Ты прав, — согласился я. — Так вот слушай: нам с тобой надо подумать о наших жизнях. Давай уйдём сегодня в пещеру. У меня есть одна на примете, и мы там подумаем. Всю ночь у костра будем думать. Еды захватим, спички и собак возьмём. Сначала о себе подумаем, а под утро об истории. Идёт?

— Это мысль! Я именно этим и хотел заняться. Только сформулировать не успел. Поэтому и мучился. Ты теперь мой друг! Пошли!

— Только уйти надо незаметно, — сказал я. — И записку оставить, чтобы не беспокоились.

Взрослые так увлеклись воспоминаниями, что никто не обратил внимания, когда я сложил в мешочек котлеты, колбасу, помидоры, хлеб, зелёный лук и спички.

Записку я написал на телеграфном бланке, который про запас принесла с почты мама. Написал, как Федя, по-телеграфному:

БЕСПОКОЙТЕСЬ УХОДИМ НОЧЬ ДУМАТЬ ЖИЗНЬ
ПРО ИСТОРИЮ УТРОМ КРЕПКО АЛЕКСЕЙ НОРД
КЫШ тчк МАМОЧКА

Под словами: «обратный адрес» я написал: «Тайна, но в Крыму».

На этот раз в поход я взял папин свитер, потом позвал Кыша, игравшего на огороде с Волной, и мы незаметно ушли из дома. Волна проводила нас, забравшись на ограду, и тоскливо мяукнула. Федя ждал меня на улице. Норд держал в зубах его сумку.

69

Когда мы в сумерках шли вверх по тропе, Федя сказал:

— Испортил я замечательшую скалу. Смотри: белет после ацетона.

Впереди над нами и вправду смутно белел огромный неровный квадрат.

— Ничего. Второй раз смоешь начисто,— сказал я.

Незаметно совсем стемнело, но мы уже были около двух валунов, под которыми паходился вход в пещеру. У Феде оказался фонарик. Он жужжал, и Кыш начал потявкивать. Жужжание фонарика папоминало ему ненавистную папину электробритву.

Федя залез на валун. Я ему кинул мешочек с едой и передал Кыша, а Норд с разбегу запрыгнул сам.

— Ты стой, а я посмотрю, что это за пещера.— Федя осторожно стал спускаться вниз.— Ногой бревно нащупал... Вроде бы ступеньки... Толково придумано... Ого! Целая квартира!.. Двухкомнатная! — немало погодя услышал я его гулкий голос.— Давай сюда собак!

Я последним спустился по приступочкам толстого, полого стоящего бревна и не сразу сумел осмотреться, хотя Федя всё время светил фонариком. На-

шим собакам было легче: они принюхивались. Это была пещерная прихожая с очень низким сводом. Я касался его затылком, а Федя стоял на коленках. Фонарик осветил штабелёк ровно нарубленных дров и закопчённый котелок, метёлку из сосновых веток, старые ботинки, пустые консервные банки, разобранную гранату, гильзу от снаряда.

Сквозь широкий лаз мы спустились ещё ниже, в самую пещеру. Федя мог ходить по ней пригнувшись, а я разгуливал как по комнате. Первым делом мы разожгли в очажке, окружённом камнями, костёр, и дым потянулся, словно в печке, к дыре в дальнем углу пещеры. И сразу стало светло и тепло. Я увидел верблюжье одеяло Анфисы Николаевны на соломенной подстилке и сказал Феде:

— Давай вот здесь сядем, будем смотреть на огонь и думать.

— Сначала я лежанку излажу. Сейчас вылезу, нарублю веток и вот здесь набросаю.

Я сидел, обхватив руками колени, и представлял, как четырнадцатилетний Васька прятался здесь от фашистов и как ему было одному жутковато и голодно. Тогда, как сейчас, догорали сосновые ветки. Внутри них взрывались капельки смолы, и из сучков, шипя и похихивая, вырывались струйки дыма. И у Васьки, так же как у меня, немного рябило в глазах от бликов огня на бурых стенах. Только я приехал в Крым с папой и мамой загорать и купаться, а он тогда в одиночку партизанил, и его фашисты повесили бы, если бы поймали...

Федя вернулся с ворохом свежих веток и устроил себе лежанку напротив меня. А Кыш и Норд лежали рядышком, смотря на угольки, и глаза у них сверкали.

— Ну давай поедим,— предложил я, потому что мне хотелось есть. Ведь за обедом я ни до чего не дотронулся, а только слушал рассказ про войну.

— Вот тут я запас кой-чего.— Федя достал из сумки банку копсервов, хлеб, колбасу и бутылку минеральной воды.

Я тоже выложил всё взятое из дома. Федя дал собакам колбасы, потом открыл консервы и подогрел на угольках. Это были болгарские голубцы. Мы съели по одному с хлебом и помидорами.

Потом я подумал: каково было первобытным людям? Потрудней, конечно, чем нам, и намного. Ведь они ещё не умели шить пальто и костюмов. Надо было охотиться, кормить детей, защищаться от всяких крокодилов и динозавров и, главное, воспитывать отстающих обезьян, которые почему-то не желали становиться людьми... Начало истории человечества мне рассказывала бабушка, когда я лежал с ангиной и не ходил в детский сад...

Наши собаки тоже наелись и дремали у огня, а может быть, вспоминали историю своей дружбы с людьми. Федя ворошил угольки. Я спросил у него:

— А что было после того, как люди вышли из пещер и начали строить дома?

— Словами я сказать не умею. Вот в чём дело. Меня про всё это нарисовать тянет. Верить? Как зашёл сюда, так почувял волнение души. Не пойму, что со мной. Верить?

— Верю. Ты возьми и нарисуй. Тебя учили рисовать?

— В моей жизни было не до рисования.

— Ничего! Первые художники тоже сначала не умели. Однако не побоялись и начали,— сказал я.— И им было потрудней. Они ж не знали, что есть рисование, а ты знаешь.

— Давай-ка полежим и подумаем.

Я понял, что Феде неохота разговаривать, и стал думать о своей жизни. Что я такого важного сделал за семь лет? Ничего. Зато я всегда жалел животных — и диких и домашних. И почти никогда не врал. А врал только тогда, когда знал, что мне не поверят, даже если я скажу правду... Я своими болезнями и диатезом часто расстраивал маму. Но нарочно болел всего один раз: на днях, когда сам себя обжѐг крапивой... Иногда в мою голову приходят плохие мысли, но я в этом не виноват. Они приходят без сиросу. И я их прогоняю, чтобы они не превратились в дела. Я знаю несколько гадких слов, но никогда не пишу их мелом на стенах и на асфальте, хотя... нет... однажды написал: «Рудик...», но тут повалил мокрый снег, засыпал это слово. А мне стало стыдно... Жади-на ли я? Это да. Немного жадина. Но как не жалеть свой значок, когда его предлагают поменять на худший? Или как дать прокатиться на велосипеде, если сам ещё не накатался? Трудно. Значит, я жадина. Но вот когда меня ребята просят оставить пирожка или яблока, или чёрного сухарика, или воблы, я всегда оставляю. Это точно. Всегда... Конечно, я не такой смелый, как Мишка Львов, но прозвищу «Тигра», но за несправедливость могу вызвать на дуэль любого человека, кроме мамы, папы, учительницы, Снежки и завуча. Они справедливые люди... Мне бы научиться побыстрее читать книжки и писать без ошибок слова, и я был бы совсем человек, как другие люди! Потом бы я воспитал Кыша, кончил бы школу, и мы с ним выступали бы в цирке с весѐлыми номерами по чтению и арифметике...

Мне почему-то перестало думаться о жизни, а Федя лежал, молчал и думал. Ведь его жизнь была длиннее моей. Вдруг Кыш зарычал и, залааяв, бросился через лаз в «прихожую». Федя, прыгнувшись,

пошёл за ним. Но Ыш перестал лаять и возвратился к костру.

Мы подкинули в костёр полешков и снова легли на свои лежанки.

«Хорошая какая пещера! — подумал я. — Знали бы мы с мамой про неё раньше! Прожили бы здесь дикарями весь отпуск!..»

Потом я подумал: «А на что, интересно, смотрели древние люди, когда не было телевизоров и кино? И что они слушали? Ведь они не имели ни радио, ни радиол... Наверно, они после охоты садились на камешек и смотрели на небо, на деревья, на травы, и цветы, и голубое море, по которому ещё не научились плавать. И без передачи «В мире животных» они встречали в лесу медведей, тигров, обезьян, страусов, орлов и даже тех зверей, которых мы никогда по телевизору не увидим. Их больше нет в лесах земли... Зато разве смог бы пещерный человек объездить за свою жизнь столько стран, морей и островов, сколько я смотрю за один только раз в «Клубе кинопутешествий»? Не смог бы... А может быть, повидать один настоящий остров лучше, чем увидеть тыщу островов по телевизору?»

Сегодня как раз должно было быть повторение «Клуба кинопутешествий». Наверно, сейчас мама и Анфиса Николаевна смотрят эту передачу. Хорошо бы, они спали спокойно и не беспокоились о нас с Федей. А вдруг беспокоятся и пошли искать? Нет. Я же оставил телеграмму!..»

Я ещё подумал, что если бы я присмотрелся как следует к поведению Василия Васильевича и не пропустил мимо ушей его вопросы об Анфисе Николаевне, то сумел бы напасть на след. Впрочем, всё вышло к лучшему... Глаза у меня слипались... Полешки потрескивали... Дымок тянулся к потолку... Посапывали собаки... Я ещё помечтал, как докажу людям, что видел Пушкина и у него голубые глаза и мягкие кудри...

Я уснул и не мог понять, сколько проспал, когда проснулся. Костёр почти погас. Федя ещё спал. Я выбрался из пещеры.

На земле было уже утро! Кыш, повизгивая, просил выпустить его тоже...

Мы погуляли немного, здорово озябли, и так хорошо было вернуться, подкинуть в угольки сухих веточек, раздуть огонь и согреться.

Потом я разбудил Федю и спросил:

— Ну как? Долго вчера о жизни думал?

— Порядочно. И кое-что надумал.

— Теперь нам пора возвращаться. И так, наверно, беспокоятся.

Вообще-то мне показалось немного странным, что нас никто не разыскивал, что ночью по склону горы не ходили люди во главе с папой и мамой, не жгли факелы и не кричали: «Алёша-а!.. Ау-у!.. Ау-у!.. Федя-я!»

Мы доели всё, что осталось с вечера, накормили собак, затоптали угольки в костре и вышли из пещеры.

Обратно мы шли молча, потому что Федя не хотел разговаривать и думал о чём-то своём. И вдруг он остановился и воскликнул:

— Какая же я скотина! Мой сосед по палате пацаном в одиночку громил фашистов и защищал Крым, а я размалевал его! Разгравировал! Но теперь я понял, что надо делать! Понял!

— Что? — спросил я.

— Узнаешь! Все узнаете! — пообещал Федя.

Первым делом я зашёл домой. Мама, увидев меня, ни капли не удивилась. Она пила чай с Анфисой Николаевной и сказала:

— Привет. Наверно, промёрз? Садись чаёвничать.

— И совсем не промёрз. Мы жгли костёр, — сказал я, не понимая, почему мама так спокойна, и спросил: — Ну, как вы тут без меня?

— Прекрасно. Василий Васильевич с Анфисой Николаевной всю ночь рассказывали нам про свои военные приключения.

— Ух! Жалко! — сказал я. — Пропустил самое интересное!

— Ты почему написал в записке: «Беспокойтесь»?

— По-телеграфному это значит: «не беспокойтесь», — объяснил я.

— А что означает возглас «мамочка» в конце твоей телеграммы?

— Это значит: «Мамочка! Вот кончатся все события, и мы пачём отдыхать по-настоящему. Честное слово!»

— Попробуй догадайся! — засмеялась Анфиса Николаевна.

— На то и телеграмма, — сказал я.

Мама решила после завтрака поспать, потому что прослушала всю ночь рассказы про войну. Я сказал ей, что иду в «Кипарис» к папе, и позвал Кыша.

Он грелся на солнышке после холодной ночи в пещере, а неподалёку от него умывалась Волна и мурлыкала так громко, как будто у неё внутри тархтел маленький моторчик.

— Алёша, я надеюсь, что твоей почёвкой в пещере все события кончились? — спросила мама.

— Откуда ты знаешь, где мы почевали? — удивился я.

— Прости, этого я сказать не могу, — ответила мама.

Многие отдыхающие после завтрака прогуливались по дорожкам и сидели на лавочках, читая газеты. Среди них не было ни папы, ни Василия Васильевича, ни Феди.

Как я и думал, они, проговорив всю ночь, крепко спали в своей палате и даже не проснулись после громкого стука в дверь. Я решил их не будить и присел за стол написать маме записку.

Вдруг Кыш как-то странно себя повёл. Сел посередине палаты, задрал нос и, зажмурив глаза, к чему-то припнулся. Потом почесал лапой за ухом и снова припнулся... Он был похож на меня в тот момент, когда я хочу вспомнить что-то очень важное и не могу. Припнувшись, Кыш тихонько и тоскливо взвизгнул.

— В чём дело? — шёпотом спросил я.

Но Кыш вдруг бросился под кровать Тория. Он обнюхал его чемодан и зарычал.

— Фу! — сказал я, но было уже поздно: Кыш залаял таким лаем, какого я ни разу от него не слышал.

Первым с кровати вскочил папа.

— Фу! Фу! — закричал он, протирая глаза.

Я полез под кровать Тория, но Кыш не давался мне в руки и залаял ещё громче. Я не мог успокоить его ни лаской, ни угрозой выпороть поводком.

— Уберите вашего пса! Пошёл вон! Пошёл! — встав на колени, прогонял Кыша прибежавший в палату вместе с другими отдыхающими Торий. Однако Кыш, оскалив зубы, чуть не тяпнул его за руку.

— Я знаю, почему он лает, — сказал Василий Васильевич. — И вы, Торий, это отлично знаете.

— Я ничего не знаю! — тут же заявил Торий.

Василий Васильевич что-то сказал ему на ухо. Торий отшатнулся и покраснел.

— Советую чистосердечно признаться. Откройте чемодан, — посоветовал Василий Васильевич.

— Кыш! Последний раз говорю: «Ко мне!» — крикнул я, и он послушался. Прыгнул ко мне на руки и уже не лаял, потому что охрип, а только рычал.

Василий Васильевич попросил выйти из палаты всех посторонних. Остались только папа, Федя, Милованов, Торий, Кыш и я.

— Открывайте. Смелей. И покажите нам свои трофеи, — сказал Василий Васильевич.

Торий очень неохотно открыл ключиком чемодан, и в этот момент Кыш, вырвавшись у меня из рук, бросился на глазах перепуганного Тория расшвыривать носом его рубашки, майки и носки, добрался до дна чемодана, схватил зубами два красивых, переливающихся всеми цветами радуги павлиньих пера, положил их к моим ногам, песколько раз победно тьякнул и скромно улёгся в углу палаты. Тут открылась дверь, и в палату вошёл Корней Викентич.

Он посмотрел на раскрытый чемодан с раз-

воропённым бельём, на павлиньи перья, на Кыша и на меня и спросил:

— Извольте объяснить, что здесь происходит.

Я не знал, с чего начать, и поэтому онемел.

— Кыш учуял перья — он же обнюхивал павлина — и... вот... обнаружил,— наконец сказал я.

— Так, значит, это вы?! — воскликнул Корней Викентич. — Извольте объясниться, молодой человек.

Торий долго вытирал лицо, конечно соображая, как лучше соврать, и наконец сказал:

— Однажды... я увидел на газоне эти перья и взял их... Вот, собственно, и всё... Очевидно, они упали с хвоста павлина примерно так же, как падают листья с магнолий...

— Нет, Торий. Перья вы не подняли с газона, а выдрали из хвоста Павлика,— поправил Василий Васильевич.

— Вы никогда не сможете этого доказать,— сказал Торий. Он уже успокоился, задвинул чемодан под кровать и готов был отпираться до конца.

— Жаль, Торий, что вы не раскаиваетесь. Дело в том, что местные юннаты запечатлели на плёнке момент, когда вы «похищали» перья.

После этих слов Торий сник:

— Только не нужно посылать фото в мой институт,— вдруг попросил Торий. — Я просто не подумал... просто не подумал...

— Зачем вы это сделали? — спросил Корней Викентич.

— У одной моей знакомой... хобби... Она собирает птичьи перья,— сказал Торий.

— Мне стыдно за вас. Стыдно... О вашем поступке знает уже весь «Кипарис». Зайдите, пожалуйста, в дирекцию. Остальные — на пляж!

— Ну и палата! — сказала нянечка.

— Тебя, Алексей Сероглазов, и твоего пса я благодарю за гражданское мужество! — Корней Викентич пожал мне руку.

— Я тут ни при чём... Это Кыш взял след,— сказал я и подумал: «Вот что значит для собаки познать одну ночь в первобытной пещере! Сразу нюх возвратился и бесстрашие».

75

Выйдя из корпуса, мы с папой сели на лавочке. Он сказал:

— Слушай меня внимательно: я делаю тебе последнее предупреждение. Если вместо отдыха ты будешь без спроса убегать из дома и вытворять чёрт знает что, то я действительно отправлю тебя в Москву. Твоя мама побелела, когда прочитала дурацкую телеграмму «беспокойтесь уходим»... И это— на ночь глядя! Хорошо, что Василий Васильевич объяснил, так сказать, где вы находитесь с Федей, и успокоил нас! Он заметил, как вы собирались, и проводил вас до самой пещеры. Потом возвратился и успокоил нас в тот момент, когда мама хотела бежать в милицию!

— Между прочим, если бы ты не сказал мне, чтобы я задумался об истории всего человечества, то я и не пошёл бы почевать в пещеру,— сказал я.

— Но почему в пещере? Дома или на пляже ты не мог думать?

— Не мог. Ты сам всегда говоришь, что танцевать нужно от печки.

Папа слегка застонал. Это означало, что он не имеет возможности доказать мне, что я полностью не прав, хотя вроде бы говорю правильные вещи. Мне пришлось подробно рассказать ему, как я думал о своей, прошедшей с большими нарушениями дисциплины, жизни.

— В общем, иди,— сказал папа.— И запомни то, что я сказал. Читай, купайся, гуляй и набирайся сил. С завтрашнего утра ты будешь бегать вместе со мной. Понял?

— Понял. Приду.

— Ты что-нибудь утаиваешь от меня? — вдруг ни с того ни с сего спросил папа.

— Конечно, утаиваю, — ответил я, — но только для того, чтобы не мешать тебе восстанавливать физические силы. Потом я всё расскажу и тебе и маме.

— До свидания. Я пошёл на машину времени.

— Пока, — сказал я. — Мы тоже скоро пойдём купаться.

Папа ушёл, обиженный на то, что я что-то от него утаиваю. Может быть, он имел в виду ночную засаду? Кроме неё, я от него не утаивал ничего.

Около Геракла, на скамейке, я увидел Федю. Он что-то писал, положив па колени блокнот, и я его не стал отвлекать.

Перед тем как уйти из «Кипариса», я нашёл Василия Васильевича. Он доедал в столовой свой остывший завтрак. Я попросил у него разрешения рассказать Севе, Симке и Вере про партизанскую пещеру. Ведь они следопыты и часто ходят по местам боевой славы. Чего же пещере зря пропадать?

— Всё равно вас найдут. На то они и следопыты. Они почище тайны раскрывали, — сказал я.

— Это верно, — согласился со мной Василий Васильевич.

76

В этот день не было ни ветерка. Мне было так хорошо купаться и загорать, что я сказал маме:

— Эта ночёвка в пещере была моей лебединой песней в Крыму. Больше тебе не придётся беспокоиться.

— Посмотрим, — сказала мама.

В полдень, когда уже здорово пекло, на пляж пришли Сева, Симка и Вера. Они были злые, им, наверно, хотелось подразнить меня, и Сева спросил:

— Больше не видел Пушкина?

— Пока нет,— ответил я.

— А Лермоптова или Чехова, случайно, не встречал?

— Может, и встречал, но я не знаю их в лицо,— ответил я.— А завести вам меня не удастся. У меня нервы капроновые.

— Научно-фантастический ты человек!— с удивлением сказал Сева.

— Вы лучше скажите: поймали «Старика» или нет?— спросил я.

Ребята угрюмо молчали. Потом Сева сказал:

— Пока мы здесь загораем, он, может, пакостит где-нибудь рядом... Патруль называется!

— А мы с Ышем обезвредили того, который перья выдрал из Павлика,— сказал я и, ничего больше не добавив, пошёл купаться.

Сева, Симка и Вера догнали нас с Ышем, окружили и не дали залезть в воду, пока я всё подробно не рассказал.

— Всё-таки это не ты пронюхал про перья, а Ыш, и не примазывайся к его боевой славе,— сказал Симка.

— Если бы не моё воспитание, он ничего бы не нашёл,— возразил я.— Насчёт боевой славы помалкивайте. Я хоть и младше и нырять не умею, а тоже следопыт. Я нашёл пещеру, в которой во время войны скрывался партизан. Он тогда ещё мальчишкой был!

— Ты нашёл пещеру?

— Ха-ха-ха!

— Мы тут в горах каждый камушек знаем!

— Плохо знает! Двойка вам по следопытству!— сказал я и полез в воду.

Мне уже удавалось зайти в море по горлышко и плыть обратно к берегу самому.

Сева, Симка и Вера снова окружили меня и на этот раз не выпустили из воды, пока я не рассказал всё, что знал о Василии Васильевиче. Правда, я

утаил, что он живёт в «Кипарисе» и что я лично с ним знаком.

— Безумий ты человек! — сказал Сева.

— Просто он мало болтает и много работает, — объяснила Вера, а Симка промолчал.

— А кто тебе рассказал про все его подвиги? — спросил Сева.

— Наша хозяйка Анфиса Николаевна, — сказал я, подумав. — Она его спасала от голода и холода.

— А где он теперь сам находится? — спросила Вера.

— Тайна, — сказал я. — И не спрашивайте.

— А если мы тебя щекотать начнём?

— Я и так расскажу. Но не сегодня... — сказал я, и они больше ко мне не приставали.

Этот день прошёл без всяких происшествий. Мама была довольна. Подстриженный под льва Ыш больше не страдал от жары.

Когда я проснулся и вспомнил, что обещал папе сделать вместе с ним утреннюю пробежку, мама ещё спала. Я посмотрел на часы и в трусиках побежал в «Кипарис».

77

Там все ещё спали. Я кинул камешек в раскрытое окно папиной палаты. Из окна тут же выглянул заспанный Милованов.

— Доброе утро! — сказал я. — Разбудите, пожалуйста, папу.

Милованов, ничего не ответив, скрылся в окне, и я почему-то подумал: «Ну на кого он всё-таки похож? Кто у нас есть из родственников или знакомых лысый и голубоглазый?»

Папа, выглянув в окно, свирепо погрозил мне пальцем. Это означало, чтобы я больше никогда не смел кидать камешки в палату.

Ыш перепрыгнул через заборчик на газон и лю-

бывался павлином Павликом, раскрывшим свой чудесный хвост.

Из корпуса вдруг вышел Торий с чемоданом в руке и с плащом на плече. Даже не взглянув на павлина, он направился по главной аллее к воротам. Кыш, заметив его, залаял и хотел броситься вдогонку, но я топнул ногой и приказал:

— Фу!

Мне с трудом удалось его успокоить. Наконец пришёл папа.

— Почему ты в пижаме? — спросил я.

— По рассеянности, по возвращаться не надо. Пути не будет. Бежим! И не вздумай на бегу задавать вопросы и беседовать. Болтовня нарушает ритм дыхания.

Мы бежали по тропинке вдоль верхней дороги. На ней почти совсем не было машин. Кыш кружил вокруг нас, как будто хвалился, что он такой быстрый, а мы тихоходы. Папа в своей чёрно-белой полосатой пижаме бежал легко, а я с непривычки запыхался и отстал метров на двадцать. К тому же я бежал, смотря то на голубое бескрайнее море, то на верхушку Ай-Петри в лиловой дымке. Потом я отстал ещё больше, мимо меня, как торпеды, пролетали легковые автомобили и автобусы.

Выбежав из-за поворота, я увидел, как Кыш с лаем набрасывается на двух остриженных наголо парней. Я ещё издали узнал «Старика» и Жеку. Сердце у меня и так здорово колотилось от бега, а от волнения прямо забарабанило в груди: «Бум-бум-бум».

Папа пытался отогнать Кыша, но Кыш, оскалив зубы, выходил из себя и уже начинал от ярости лаять хрипло и глухо. Он припёр «Старика» и Жеку к скале, и они зло выкрикивали:

— Уберите пса!

— Уберите, говорят! Пшёл!

— Кыш, ко мне! Ко мне! Или я тебя выдеру! — приказывал и грозил папа, но не тут-то было!

В Ыше наконец проснулся настоящий пёс, который всю жизнь помнит запах врагов, ушедших от преследования.

«Что же делать?.. Что же делать?.. Как их задержать?» — думал я.

Сзади меня засигналила машина, потому что я, не заметив как, выбежал на шоссе. Я, повернувшись лицом к спортивной машине с открытым верхом, поднял руку. Машина остановилась. За рулём сидела девушка в тельняшке. Она открыла дверцу и сказала:

— Ты что, калекой захотел стать? Бегаешь тут, как по школьному коридору!

— Тс-с! Помогите, пожалуйста, доставить в милицию преступников, которых поймал Ыш! — негромко сказал я.

— Каких преступников? — испуганно спросила девушка.

— Вон они! — сказал я.

— Который в пижаме?

— Нет. В пижаме мой папа. Он честный человек. А этих разыскивают. Они стреляли из лука в оленей, устроили пожар в лесу и ловили в пруду осетра. Из-за них чуть не погибла золотая рыбка.

— А-а! Слышала, — сказала девушка. — Но мне с ними связываться неохота.

— Струсил? — шёпотом сказал я. — Давайте подъедем, и вы увидите, как я их разделаю. — Я, не дожидаясь согласия девушки, залез в кабину. — Мы их обхитрим. Не бойтесь!

— Алёша! Ты где-е? — тревожно закричал папа, держа на руках Ыша.

Девушка неохотно тронула машину с места. «Старик» и Жека, голосуя, подняли руки.

Мы подъехали к ним.

— Ты почему в машине? — увидев меня, спросил папа.

— Я ногу подвернул. Ой! — застонал я. — Меня надо в санчасть или к маме... Ой!

— Ласточка, вы не подбросите по дороге двух приятных собеседников? — спросил «Старик». Он противно улыбался.

— Садитесь. Но сначала нужно помочь мальчику добраться до дома,— тоже улыбаясь, ответила девушка.

«Вот молодец!» — подумал я.

Кыш, паверно почуяв, что эти двое опять уходят у него из-под носа, остервенело рвался у папы из рук. Он совсем охрип и уже не лаял, а только жалко сипел и пыржал.

— Пап! Садись! Мне же невтерпёж! — позвал я.

«Старик», Жека и папа с Кышем сели на заднее сиденье. Девушка развернулась на шоссе. Обгоняя другие машины, она всё время сигналила.

— Ну, погоди! — пригрозил мне папа.— Я тебя завтра же отправлю в Москву. Я тебе покажу, как вывихивать ногу на ровном месте!

Я ничего не мог объяснить папе и, обернувшись, сказал Кышу:

— Не сипи. Успокойся. Всё будет в порядке. Ты молодец. Я тебе наловлю в море рыбки.

И Кыш, между прочим сообразив, что к чему, успокоился раньше папы и перестал пытаться лаять.

— Ласточка! Почему я не встретил вас раньше? — положив руку на плечо девушки, спросил «Старик».

— Алёша, сними, пожалуйста, руку этого человека с моего плеча,— попросила меня девушка. Сама она обгоняла автобус.

— Не мешайте водителю на горной дороге,— сказал я «Старику». Он сразу убрал свою руку.— Вы что, в пропасть захотели?

— Можешь быть уверен,— пригрозил мне папа,— что теперь я займусь и тобой и Кышем. Я ему сто раз приказывал: «Фу! Фу!», а он как бешеный набрасывался на двух симпатичных туристов и на меня ноль внимания! Просто позор!.. Нога болит?

— Болит, но перелома нет. Не волнуйся,— ответил я.

Мы ехали по Алушке. По улицам спешили в заку-сочные и кафе «дикари». Из-за них девушка вела машину очень тихо.

«Старик» и Жека, по-моему, забеспокоились, перестали болтать и приставать к девушке и пригнули головы, чтобы их не узнали.

— Алёша! Митя! — вдруг крикнула мама. Она с белым бидончиком шла за молоком и увидела нас с папой.— Куда вы едете? Стойте!

— Он вывихнул ногу! — обернувшись, сказал папа.

— Она скоро заживёт! Не бойся, мама! — крикнул я.

Мама побежала за нами следом. Тут машина остановилась около милицейского подъезда.

— В чём дело? Поехали! — зло сказал «Старик».

— Мы приехали! — ответил я.— Вы «Старик» и Жека, которых разыскивают. Бежать не пытайтесь. У Гали есть наган.

— Ах вот оно что! — изумлённо воскликнул папа, а Куш сипло тьякнул.

— Между прочим, если вы пойдёте в милицию сами и извинитесь, то вас оштрафуют — и всё. А если попытаетесь убежать, то не убежите. Правда,— продолжал я.

«Старик» и Жека переглянулись, посмотрели по сторонам, наверно поняли, что с рюкзаками им действительно не скрыться, и «Старик» мрачно сказал:

— Ну, спасибо, Ласточка...

Тут к машине подбежала мама и, волнуясь, спросила:

— Что у тебя с ногой? Перелом?

— Всё в порядке! — Я вылез из машины и несколько раз подпрыгнул на месте, чтобы мама убедилась, что это действительно так.— Потом всё узнаешь!

— Вам, конечно, лучше явиться самим,— посоветовала девушка «Старику» и Жеке.

— Я тоже так думаю,— добавил папа, а мама смотрела на нас с большим недоумением.

Бежать задержанные не пытались и вышли из машины.

— Вы с нами не ходите,— попросил я папу, маму и девушку.

«Старик» и Жека первыми зашли в отделение. Мы с Кышем их сопровождали. В коридоре Жека обернулся и тихо сказал Кышу:

— Мерзкая скотина! Драная кошка!

Оскорблённый Кыш зарычал и взвизгнул. На этот звук из дежурной части вышел милиционер.

— В чём дело? — спросил он нас.

— Говорите. Так будет лучше,— шепнул я «Старику».

— Вот... Мы пришли сами... с повинной,— сказал Жека, а «Старик» уныло опустил голову.

— А кто вы такие? — спросил дежурный, когда мы зашли в дежурку, и, присмотревшись к парням, сам же ответил: — Узнаю! Узнаю! Узнаю! Господа браконьеры? — Он достал из ящика фотокарточки.

— Они самые,— угрюмо признался «Старик».

— Правильно сделали, что явились сами,— сказал дежурный.

После его слов мы с Кышем незаметно вышли из дежурки.

Выйдя на улицу, я не увидел ни машины, ни девушки, которая, в общем-то, была главной при аресте браконьеров. Зато папу и маму окружили, наверно, уже знавшие обо всём Сева, Симка и Вера. Папа им что-то рассказывал и, похоже на Къша, лаял:

— Ряв! Ррряв! Ав!

— Привет! — сказал я ребятам, и они сразу начали ко мне приставать с вопросами:

— Как ты их? Как ты их?

— Ну как? — сказал я. — Увидел, привёз в милицию. И папа, конечно, мне помог. На пляже подробнее поговорим. Я ещё не завтракал.

— Да-а! Загадочный ты человек! — сказал Сева, а Симка протянул мне бинокль.

— На вот... Но только на несколько дней.

— Не бойся. Не заживлю, — пообещал я. И мы с мамой пошли завтракать, а папа сел в такси, чтобы не ходить по улицам в полосатой пижаме.

На следующий день после полдника за нами зашёл папа и пригласил на концерт художественной самодеятельности.

— Силы будут прекрасные, — сказал он.

Корней Викентич усадил Анфису Николаевну, маму и меня в первом ряду и спросил:

— А где же прелестный Къш?

— Къш в концертах ничего не понимает, — сказал я. — Он иногда лает на музыку и может испугать артистов. Мы его дома оставили.

Неподалёку от нас сидели Сева, Симка и Вера. Ведь их отцы водили автобусы «Кипариса».

Эстраду, похожую на раковину, вдруг залили прожектора. Уже темнело, и в снопах света, как зимой

под фонарями снежинки, заплясали белые ночные бабочки.

Стало тихо. На сцену под аплодисменты вышел отдыхающий с орлиным носом и золотыми зубами, которого я видел в столовой и на пляже.

— Дорогие товарищи! Друзья! Дорогие сёстры и доктора! Дорогие снабженцы и повара! — весело сказал он, и в этот момент из-за перегородки, жмурясь от света, показался... Федя. Он вынул из кармана бумажку и каплянул в микрофон. — Па-азвольте! Па-азвольте! — Конферансье хотел отобрать микрофон у Феде, но Федя под руку отвёл его в сторонку и что-то сказал на ухо. — Вступительное слово на важную тему имеет директор одного из строящихся стадионов Заполярья, товарищ Фёдор Ёлкин! — объявил конферансье, поглаживая руку, за которую его немного подержал Федя, и все засмеялись.

— Товарищи! В настоящий момент вы, можно сказать, родная для меня семья, которую активно ремонтирует замечательный персонал во главе с Корнеем Викентичем! Товарищи! — продолжал Федя. — Вот я написал открытое письмо в «Курортную газету» и для начала зачитаю его вам.

Дорогие товарищи!

Я непростительно и по-варварски вёл себя по отношению к культурным ценностям, как-то: к фигуре Геракла, декоративной вазе и садовой скамейке. Я гравировал на них признания в любви к Крыму, которые оказались расписками в моей темноте и невежестве. Я открыто признаюсь в этом через вашу газету как человек, желающий, чтобы таких поступков никто больше не повторял. Хватит портить природу Крыма! Я даю обязательство в короткий срок реставрировать фигуру Геракла, вазу и скамейку. Я благодарю замечательных соседей по палате, то-

варищей В. и Эс, а также его сына Алёшку за помощь в деле понимания моего поведения и за моральную поддержку в трудную минуту жизни.

Фёдор Ешкин».

Извините, что отнял время.

Феде никто не хлопал. Конференсье проводил его за перегородку. Лица у всех отдыхающих были серьёзные. По рядам пронёсся шепоток.

— Товарищи! Кто за то, чтобы превратить наш концерт в собрание, прошу поднять руки! — сказал конференсье. Я обернулся, но поднятых рук не увидел. — Кто за то, чтобы начать концерт?.. Единогласно! «В лесу прифронтовом». Вальс. Исполняет и аккомпанирует Георгий Гусаров. Петрозаводск. Слесарь.

Пока Гусаров настраивал гитару, Корней Викентич громко сказал:

— Честнейшее и полезнейшее письмо Фёдора будет напечатано в «Курортной газете» в назидание всем невыявленным варварам!

«Вот он, оказывается, на что решился! — подумал я.— И молодец, что набрался смелости, а вот Торий не набрался и трусливо сбежал».

Гусаров очень хорошо спел под гитару вальс, который папа часто заводил в Москве... Потом выступали исполнительницы частушек из Вологды и Алма-Аты, подружившиеся в Крыму... После них показывал фокусы тихий седой старичок, и его долго не отпускали со сцены. Потом Василий Васильевич делал опыты по угадыванию мыслей на расстоянии и почти все угадал правильно. Потом снова кто-то пел, кто-то плясал, кто-то быстро умножал в уме длинные числа, и у меня начали слипаться глаза, потому что было уже поздно.

И как тогда, ночью, во время засады, когда я увидел живого Пушкина и подумал, что всё это во сне, так и на концерте я решил, что мне снова приснился Пушкин, который быстрой походкой вышел на сцену. Но присутствующие громко зааплодировали, и я, не помня себя от радости, затормошил маму и закричал:

— Пушкин! Пушкин! Ну что я тебе говорил? — Я обернулся к Севе, Симке и Вере: — Ага! Не верили! Смотрите!

Ребята, встав со своих мест, ошеломлённые, смотрели на Пушкина. А он подошёл к краю сцены, улыбнулся мне как старому знакомому, нагнулся и сказал:

— Здравствуй, Алексей!

Я побежал, протянул Пушкину руку, заглянул в его голубые смеющиеся глаза и наконец догадался: «Это же Милованов!»

Но мне не было обидно. Всё равно: это Пушкин, сам Пушкин читал на сцене своё стихотворение! И я радовался встрече с ним, как тогда, ночью, возле пруда, а про Милованова забыл.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь тёмные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса...

Дочитав стихотворение, Пушкин задумчиво ушёл со сцены, и его долго вызывали на «бис», но он не вышел, и конференсье объяснил:

— Товарищи! Наш друг, заслуженный артист РСФСР Милованов, в настоящее время работает над самой главной и ответственной в своей жизни ролью. Ролью великого Пушкина. Я полагаюсь на своё впечатление... на ваше впечатление... на волнение, с которым мы слушали стихи, и верю, мы все верим, что роль поэта Милованову удастся!

Я вскочил с места, забрался на сцену и побежал за перегородку, за которой скрылся Пушкин.

Я нашёл его в маленькой комнатухе. Он сидел перед зеркалом и, увидев меня, обернулся. И мне показалось, что улыбка у него была пемного виноватой. Я сказал:

— Значит, вы артист?

— Да... артист... Ты уж извини меня. Но я не разыгрывшем занимался, я играл, действительно играл... Мне хотелось в себя поверить, но я не мог, сколько в роль ни вживался... Понимаешь?

— Бывает,— сказал я.

— И только после того, как ты в меша поверил, я почувствовал: «Всё! Сыграю! Будет Пушкин!»

— Вы в Москве будете выступать? — спросил я.

— Да. Первый билет на премьеру — тебе,— сказал Милованов.— Поверь: минута, когда ты окликнул меня в парке: «Александр Сергееич!..» — была самой счастливой в моей жизни!

— А куда вы вдруг пропали? — спросил я.

— Я побежал на шум, хотел помочь задержать мерзавцев, но понял, что они скрылись, а лебеди и рыба спасены, и... так сказать, удалился. Я был в гриме...

— А Пушкин любил Крым? — спросил я.

— Очень. Всю жизнь вспоминал о нём. И написал много прекрасных стихотворений о Крыме. И целую поэму «Бахчисарайский фонтан». Скоро мы поедем к этому фонтану на экскурсию. И тебя возьмём.

Милованов, разгримировываясь, рассказал мне, как Пушкин путешествовал по Крыму и был проездом в Алушке.

81

Пока мы беседовали, концерт кончился. За мной за кулисы зашла мама. Она поблагодарила Милованова за исполнение роли Пушкина и за чудесное стихотворение. Потом мы пошли домой. Папа же перед сном побежал по тропе здоровья...

На улице меня ждали Сева, Симка и Вера.

— Мы тебя решили навсегда зачислить в наш патруль,— сказал Сева.

— Только не очень-то задирай нос! — попросил Симка.— Мы не за славу и почёт работаем, а за Крым!

— Вы ему разрешите с нами патрулировать? — спросила Вера мою маму.

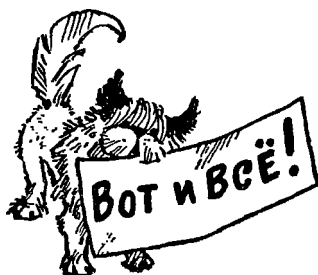
— Утро вечера мудренее,— сказала мама.— Завтра на пляже поговорим. В принципе не возражаю,— добавила она.

Мы все пошли через парк посмотреть на ночное море. Оно тихо и ровно дышало, словно уснуло, устав штормовать. Над морем висела луна, и лунная дорожка лежала у моих ног... На самом горизонте плыло к Ялте, мигая звёздочками, созвездье, а может быть, это был теплоход.

И у меня было счастливое настроение оттого, что наши каникулы в Крыму только начались и я ещё съезжу в Гурзуф, где гостил Пушкин, и в Бахчисарай, и в Севастополь, геройски сражавшийся с врагом, и в Никитский сад, и схожу в поход на Ай-Петри, откуда виден восход солнца над морем.

И когда мне придётся уезжать в Москву, я буду целый день смотреть на море и повторять стихи моего любимого поэта Пушкина:

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь тёмные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса...

Для младшего школьного возраста

Иосиф Ефимович Алешковский

Кыш и я в Крыму

~~~~~

Ответственный редактор
Л. Р. Баруздина
Художественный редактор
Н. Э. Левинская
Технический редактор
Н. Д. Лаукус
Корректоры
В. В. Борисова
и *К. И. Кареевская*

~~~~~

Сдано в набор 30/VII 1974 г. Подписано
к печати 20/XI 1974 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 11.
Уч.-изд. л. 7,87. Тираж 150 000 экз. Заказ
№ 3193. Цена 41 коп. Ордена Трудового
Красного Знамени издательство «Детская
литература». Москва, Центр, М. Черкас-
ский пер., 1, Ордена Трудового Красного
Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Суздальский вал, 49.

Чистка - Joker2156

~~~~~

Алешковский Юз.

А 49   **Кыш и я в Крыму. Повесть. Рис. Г. Валька. М.,**
«Дет. лит.», 1975.

175 с. с ил.

Повесть о новых приключениях Алёши Сероглазова и его верного друга собаки Кыша. С этими героями читатели уже знакомы по повести И. Е. Алешковского «Кыш, Два портфеля и целая неделя». Эти герои и их друзья борются за то, чтобы люди относились с любовью и уважением к природе и животным, берегли и защищали их.

А 70802—037
М101(03)75 174—75

P2

Цена 41 коп.